

Язык. Коммуникация. Общество

Язык. Коммуникация. Общество

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (СПбГЭУ).

Журнал издается с 2023 г., выходит четыре раза в год.

Языки: русский, английский.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

А. Д. Кривоносов, д-р филол. наук, проф.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Заместители главного редактора:

И. В. Кононова, д-р филол. наук, проф.,

А. А. Пруцких, канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Ежова Е.Н., д-р филол. наук, проф. (Северо-Кавказский государственный университет, Россия)

Карасик В.И., д-р филол. наук, проф. (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия)

Кармалова Е.Ю., д-р филол. наук, доц. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Корнилова Е.Е., д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Кочетова Л.А., д-р филол. наук, проф. (Волгоградский государственный университет, Россия)

Магировская О.В., д-р филол. наук, доц. (Сибирский федеральный университет, Россия)

Маслобоева О.Д., канд. филос. наук, доц. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Мельник Г.С., д-р полит. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Нильсен Е.А., д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Степанов В.Н., д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Россия)

Тимралиева Ю.Г., д-р филол. наук, доц. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Редакция журнала: 191023, г. Санкт-Петербург, Малый проспект, д. 4, каб. 302.
e-mail: info@yako-journal.ru
yako-journal.ru

Хомелев Г.В., д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Шилича М.Г., д-р филол. наук, доц. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия)

Шиповалова Л.В., д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

И. А. Максимцев, д-р экон. наук, проф.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Байчуны Ч., д-р филос. наук, проф. (Пекинский педагогический университет, Китай)

Бурханов Р.А., д-р филос. наук, проф. (Сургутский государственный университет, Россия)

Волкова И.И., д-р филол. наук, доц. (Российский университет дружбы народов им. Патриса Ламумбы, Россия)

Гончарова Е.А., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия)

Ивченков В.И., д-р филол. наук, проф. (Белорусский государственный университет, Беларусь)

Кафанджиев Х.Н., д-р филол. наук, проф. (Софийский университет имени Климента Охридского, Болгария)

Лебедева Т.Ю., д-р филол. наук, проф. (Московский государственный университет, Россия; Европейский институт PR, Франция)

Ответственный секретарь:

А.Ю. Бомбин, канд. экон. наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Язык. Коммуникация. Общество. 2025. № 3 (11). 78 с.

О журнале: электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) основан в 2022 году с целью расширения единого научного и образовательного пространства. Журнал представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по социогуманитарным проблемам развития общества и публикует научно-исследовательские статьи и критические научные рецензии на русском и английском языках в области трех научных дисциплин: философия (научные специальности 5.7.1 «Онтология и теория познания»; 5.7.2 «История философии»); лингвистика (научные специальности 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (германские языки)»; 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»); коммуникативистика (научная специальность 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика»).

Цель журнала: создать информационную площадку, которая может обеспечить научное сообщество результатами анализа теоретических и эмпирических проблем в области философии, лингвистики, рекламы, связей с общественностью и медиакоммуникаций.

Задачи журнала:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по вопросам философии, лингвистики, коммуникативистики, полученных широким кругом авторов из российских и зарубежных научных организаций;
- осуществление научной коммуникации между российскими и зарубежными специалистами по лингвистике, коммуникативистике, философии, работающим в различных научных организациях;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к социогуманитарным исследованиям.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требованиях к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте yako-journal.ru.

Материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 License

© СПбГЭУ, 2025

Language. Communication. Society

Founder and publisher: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University of Economics" (UNECON).

Founded in 2023. Issued 4 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

Editorial address: Saint-Petersburg State University of Economics, Moskatelyn lane, 4, office 302, St. Petersburg, 191023, Russia.
e-mail: info@yako-journal.ru
yako-journal.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Alexey D. Krivonosov, Doctor of Sciences in Philology, Professor
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Inna V. Kononova, Doctor of Sciences in Philology, Professor.,
Andrei A. Prutskikh, Candidate of Sciences in Philology
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Elena N. Yezhova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (North-Caucasus Federal University, Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute, Russia)

Elena Yu. Karmalova, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Evgenia E. Kornilova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Volgograd State University, Russia)

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (Siberian Federal University, Russia)

Olga D. Masloboeva, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Galina S. Melnik, Doctor of Sciences in Politics, Professor (St. Petersburg University, Russia)

Evgenia A. Nilsen, Doctor of Sciences in Philology, Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Valentin N. Stepanov, Doctor of Sciences in Philology, Professor (International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT), Russia)

Julia G. Timralieva, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Gennady V. Khomelev, Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Marina G. Shilina, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Lada V. Shipovalova, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor (St. Petersburg State University, Russia)

THE EDITORIAL COUNCIL

Chair of the Editorial Board:

Igor A. Maksimtsev, Doctor of Sciences in Economics, Professor
Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Zhang Baichun, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor (Beijing Normal University, China)

Raphael A. Burkhanov, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor (Surgut State University, Russia)

Irina I. Volkova, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russia)

Evgenia A. Goncharova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia)

Viktor I. Ivchenkov, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Belarusian State University, Belarus)

Hristo N. Kaftandzhiev, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Sofia University «St. Kliment Ohridski», Bulgaria)

Tatyana Yu. Lebedeva, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University, Russia; European Institute of Public Relations, France)

Executive Secretary:

Andrei Yu. Bombin, Candidate of Sciences in Economics
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Language. Communication. Society. 2025. 3 (11): 78.

About the journal: electronic scientific journal «Language. Communication. Society» (St. Petersburg State University of Economics) was founded in 2022 with the aim of expanding the unified scientific and educational space. The journal presents the results of scientific research by Russian and foreign scientists on socio-humanitarian problems of society development and publishes research articles and critical scientific reviews in Russian and English in the field of three scientific disciplines: philosophy (scientific specialties 5.7.1 «Ontology and theory of knowledge»; 5.7.2 «History of Philosophy»); linguistics (scientific specialties 5.9.6 «Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages)»; 5.9.8. «Theoretical, applied and comparative linguistics»); communication studies (scientific specialty 5.9.9. «Media communications and journalism»).

Purpose of the journal: to create an information platform that can provide the scientific community with the results of the analysis of theoretical and empirical problems in the field of philosophy, linguistics, advertising, public relations and media communications.

Mission of the journal:

- publication of original research results on philosophy, linguistics, and communication studies obtained by a wide range of authors from Russian and foreign scientific organizations;
- implementation of scientific communication between Russian and foreign specialists in linguistics, communications, philosophy working in various scientific organizations;
- integration of the possibilities of a multidisciplinary approach to socio-humanitarian research.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at yako-journal.ru.

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© UNECON, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Екатерина Юрьевна Мацугина. Морфологическая деривация как этап грамматической ассимиляции японизмов-артонимов в английском языке	5-12
Марина Юрьевна Миронова. Динамические аспекты дискурса: обзор исследований в отечественной лингвистике	13-21
Евгения Александровна Нильсен, Мария Павловна Ефремова. Репрезентация безопасности личности в рамках концепта Safety/Security	22-27

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Наталья Ильинична Данилова, Дмитрий Святославович Бразевич, Жанна Сергеевна Сафонова. Этические принципы коммуникаций в современной коммуникативистике	28-36
Чжоу Юнхуа, Лай Линчжи, Галина Сергеевна Мельник. Генеративный искусственный интеллект в международной коммуникации: возможности, риски, сотрудничество	37-45
Екатерина Владимировна Тюнина. Уникальный и оригинальный контент в онлайн-СМИ: определение понятий и роль в продвижении	46-53

ФИЛОСОФИЯ

Трофим Владимирович Козин. Свобода как не-доминирование: критический анализ неореспубликанской концепции в контексте дихотомии И. Берлина	54-63
Валентина Михайловна Мапельман. «Предромантизм» творчества Д. В. Веневитинова	64-69
Андрей Александрович Черных. Спор В. Г. Белинского с Н. В. Гоголем: взгляд из XXI века	70-76

CONTENTS

LINGUISTICS & INTERCULTURAL COMMUNICATION

Ekaterina Yu. Matsugina. Morphological derivation as a stage of grammatical assimilation of japanese artonyms in the english language	5-12
Marina Y. Mironova. Dynamic aspects of discourse: an overview of research in russian linguistics	13-21
Evgeniya A. Nilsen, Maria P. Efremova. Personal security within the Safety/Security concept	22-27

MEDIACOMMUNICATIONS & JOURNALISM

Natalia I. Danilova, Dmitry S. Brazevich, Zhanna S. Safronova. Ethical principles of communications in modern communication sciences	28-36
Zhao Yonghua, Lai Lingzhi, Galina S. Melnik. Generative artificial intelligence in international communication: opportunities, risks, and cooperation	37-45
Ekaterina V. Tiunina. Unique and original content in electronic media: definition of concepts and role in promotion	46-53

PHILOSOPHY

Trofim V. Kozin. Freedom as non-domination: a critical analysis of the neorepublican concept in the context of I. Berlin's dichotomy	54-63
Valentina M. Mapelman. «Predromantism» in the works of D. V. Venevitinov	64-69
Andrey A. Chernykh. V.G. Belinsky vs N.V. Gogol: a view from the twenty-first century	70-76

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

LINGUISTICS & INTERCULTURAL COMMUNICATION

Научная статья

УДК 811.11-112

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ЭТАП ГРАММАТИЧЕСКОЙ АССИМИЛЯЦИИ ЯПОНИЗМОВ-АРТОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Екатерина Юрьевна Мацугина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

SPIN: 2758-1450, ORCID: 0009-0008-9793-2096, ekaterina_ivanova_finec@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования морфологической деривации японизмов-артонимов в английском языке как частного случая их грамматической ассилияции. В ходе работы было установлено, что морфологическая деривация японизмов-существительных сводится к конверсии и аффиксации. Кроме того, описана специфика употребления наиболее репрезентативных аффиксов анализируемых лексических единиц с акцентом на их стилистических функциях. Материалом исследования послужили морфологические дериваты японизмов-артонимов, отобранные из репрезентативных корпусов COCA и NOW и текстов медиадискурса.

Ключевые слова: ксеноним, японизм, интерлингвокультурология, грамматическая ассилияция, морфологическая деривация.

Original article

MORPHOLOGICAL DERIVATION AS A STAGE OF GRAMMATICAL ASSIMILATION OF JAPANESE ARTONYMS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Ekaterina Yu. Matsugina

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

SPIN: 2758-1450, ORCID: 0009-0008-9793-2096, ekaterina_ivanova_finec@mail.ru

Abstract. This article presents the results of a study of the morphological derivation of Japanese artonyms in English as a particular case of their grammatical assimilation. The study established that the morphological derivation of nouns boils down to conversion and affixation. Furthermore, the specific usage patterns of the most representative affixes of the analyzed lexical units are described, with an emphasis on their stylistic functions. The study material consists of morphological derivatives of Japanese artonyms selected from the representative COCA and NOW corpora and media discourse texts.

Keywords: xenonym, japanism, interlinguoculturalology, grammatical assimilation, morphological derivation.

Введение и постановка проблемы. Японизмы, или японокультурные ксенонимы, играют важную роль в формировании лексического богатства английского языка, особенно в контексте культурных и социальных изменений, происходящих в глобализированном мире. Процесс ассилияции инокультурной лексики в английском языке представляет собой сложное явление, включающее не только фонографические и сематические изменения, но и адаптацию к грамматическим структурам целевого языка. В фокусе внимания настоящей статьи находится морфологическая деривация как частный случай процесса грамматической ассилияции японизмов-артонимов, под которыми понимается наименование японских видов, предметов и субъектов художественной деятельности человека.

Анализ грамматической ассимиляции позволяет выявить механизмы, через которые иностранные слова интегрируются в существующие языковые системы, а также понять, как культурные контексты влияют на их употребление. В рамках исследования проведен анализ функционирования японизмов-артонимов в английском языке с целью выявления характерных изменений, происходящих в процессе адаптации заимствованных единиц, что позволит глубже понять процессы адаптации и дополнить модель грамматической ассимиляции. Кроме того, исследование акцентирует внимание на влиянии глобализации и культурного обмена на язык, подчеркивая важность японизмов как элемента межкультурной коммуникации. В результате данное исследование не только обогащает лексикологическую базу английского языка, но и способствует лучшему пониманию многообразия языковых взаимодействий в современном мире.

Методология и источники. Процесс освоения иноязычного слова занимает значительное время и включает в себя несколько этапов, каждый из которых характеризуется специфическими изменениями и адаптацией заимствованной лексики к системе языка-реципиента. Л. П. Крысин делит его на 5 стадий [Крысин, 1991]:

1 этап – иноязычное слово употребляется без изменений в его исконной орфографической и грамматической форме, в качестве своеобразного вкрапления;

2 этап – приспособление слова к системе языка-реципиента (транслитерация или транскрипция, отнесение к определенной части речи с соответствующим морфологическим и (иногда) словообразовательным оформлением);

3 этап – утрата сопроводительных сигналов и комментариев при сохранении жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей;

4 этап – утрата социальных и прочих особенностей употребления, в терминах М. К. Кабардова – «культурная интеграция» [Кабардов, 1996];

5 этап – закрепление слова в толковом словаре.

Данная модель является общей для всех языков, но не в полной мере рассматривает непосредственно процессы ассимиляции, происходящие с ксенонимом при проникновении в язык-реципиент. Дои Сюн предлагает модель ассимиляции японских заимствований в английском языке, в рамках которой выделяются три ключевые стадии, каждая из которых характеризуется определенными процессами и механизмами. Первая стадия включает в себя перефразирование, что подразумевает адаптацию заимствованных слов к особенностям целевого языка, в то время как вторая стадия охватывает использование уточняющих и составных слов, что свидетельствует о процессе интеграции заимствованных лексем в языковую систему. Третья стадия заключается в приобретении новых форм в языке, что указывает на дальнейшую ассимиляцию и адаптацию заимствованных слов [Doi, 2013]. В соответствии с гипотезой японского лингвиста процесс ассимиляции представляет собой три стадии с пересекающимися границами, что делает их достаточно размытыми и неопределенными. На начальных этапах процесса заимствованные слова подвергаются перефразированию, после чего в качестве переходного этапа используются уточняющие слова, а в заключение заимствованные лексемы приобретают новые формы, что позволяет им перейти в стадию полной интеграции. Таким образом, данные три стадии не представляют собой последовательность хаотичных скачков; границы этих стадий остаются размытыми, что затрудняет их четкое разграничение.

Существующие модели ассимиляции японизмов в английском языке представляют собой достаточно общие концепции, которые не предоставляют конкретных критериев, соответствующих различным языковым уровням. Настоящее исследование заполняет исследовательскую лакуну, выделяя морфологическую деривацию в качестве одного из видов грамматической ассимиляции японизмов-артонимов в английском языке, обеспечивая научную новизну работы.

Результаты и обсуждение. В ходе работы были выделены основные типы грамматической ассимиляции, свойственные ксенонимам-японизмам в английском языке. Установлено, что морфологическая деривация японизмов-существительных сводится к конверсии и аффиксации.

а) Конверсия. Японским ксенонимам при переходе в английский язык присуща способность к изменению их частеречной принадлежности, что осуществляется посредством процесса, известного как конверсия. Наиболее распространенным явлением в этом контексте является использование су-

ществительных в атрибутивной функции, что демонстрирует значительное изменение их функциональной роли в предложении. Например, ксеноним *kamikaze*, который был заимствован в английский язык в годы Второй мировой войны, начиная с 1960-х годов, стал активно использоваться в качестве прилагательного, обозначающего такие характеристики, как ‘reckless’, ‘dangerous’ и ‘self-destructive’. Интересно отметить, что аналогичное значение и употребление также приобрел другой ассилированный ксеноним *hara-kiri*, который демонстрирует схожесть в семантическом изменении.

Приобретение атрибутивной функции представляет собой один из первых этапов грамматической ассилияции, который играет ключевую роль в процессе интеграции заимствованных слов в английский язык. Большинство базовых и специальных словарных артонимов употребляются в атрибутивном значении, что демонстрируют следующие примеры из корпуса NOW:

- саундтрек с использованием трёхструнного щипкового музыкального инструмента ся-мисэн: (1) The godly animation paired with the beautiful shamisen soundtrack made the fight Crunchyroll’s most-watched anime fight of all time [NOW];
- ваза для японской композиции из цветов: (2) Using this tool, any bowl, dish or serving platter can be transformed into a makeshift ikebana vase [NOW];
- рекламный баннер в особом стиле укиё-э: (3) The stall’s simple blue ukiyo banner is hard to spot in the hawker centre’s sea of bright signages so you might fare better looking out for their noren banners [NOW].

На следующем этапе наблюдается заметное увеличение продуктивности японизмов, что свидетельствует о их стремительном движении к полному внедрению в лексику английского языка, что подчеркивает их значимость в межкультурной коммуникации. Исследования М. Кимура и М. Кимура-Кано [Kimura, 1996; Kimura-Kano, 2006] выделяют две отдельные стадии данного процесса: третью стадию, обозначаемую как «приобретение продуктивности», и четвертую стадию, которая называется «семантический сдвиг». Тем не менее, следует отметить, что между этими двумя стадиями не всегда можно провести четкую границу, поскольку они могут пересекаться и в процессе ассилияции. Более того, количество японских слов, которые достигли этого продвинутого этапа интеграции, остается достаточно ограниченным, что указывает на специфические сложности, связанные с их адаптацией в английском языке.

Атрибутивное употребление, анализируемое в качестве семантического сдвига, оказывается более сложным для анализа, поскольку заимствованные слова функционируют в таком контексте как квази-определения. Иными словами, заимствованное слово и следующее за ним английское слово образуют полноценные составные существительные, что свидетельствует о глубоком процессе интеграции. Например, выражение *Nanga painters*, которое можно интерпретировать как ‘artists who draw pictures in Nanga style’ в примере (4), и термин *tatami room*, обозначающий ‘a room in which tatami are used’ в примере (5), считаются яркими примерами продуктивного употребления. В контексте данного анализа они значительно превосходят ограниченное использование уточняющих слов, как это было описано ранее в виде *Nanga painting*, которое можно перевести как ‘Nanga, which is a style of painting’, и *tatami mat*, что соответствует ‘tatami, which is a kind of mat’.

(6) The Nanga painters were not all amateurs, but they spurned the professional schools of their day [Osborne, 1970: 762].

(7) A typical teahouse will welcome you and ask you to choose a cup you like from amongst its collection. Then you will be shown to a tatami room, where you can kneel and view an exquisitely sculptured garden through an open wall [Bramble, 2006: 184].

Переход существительных в глаголы оказывается значительно менее продуктивным процессом. Например, существительное *honcho*, означающее лидера небольшой группы, впервые появляется в английском языке в 1947 году, и уже к 1955 году от этого существительного образуется глагол *to honcho*, который используется со значением «быть ответственным». Артоним *karaoke* схожим образом расширяет своё семантическое поле и употребляется в качестве глагола (8) Further, on the big screen, courtesy of an Apple TV 4K – or on other devices – you get Apple Music Sing, which is the best lyric experience, in my opinion, and a super fun way to karaoke with almost any track available on the platform [NOW]), образуя в том числе форму прошедшего времени (9) Christina Aguilera got her first record contract with a tape where she karaoked a Whitney Houston song [NOW]).

Междометные ксенонимы также встречаются в современном английском языке, однако они лишь на ранних стадиях своего использования сохраняют принадлежность к исконной части речи. Анализ исторического словаря японских слов в английском языке под редакцией Исamu Хаякава, в котором представлены примеры самых ранних фиксированных употреблений японизмов, показал, что изначально междометия, вошедшие в английский язык, не выходят за рамки своей первоначальной части речи, что подчеркивает их семантическую и функциональную стабильность на начальных этапах ассимиляции.

Междометие: (10) And so ends our journey to Yedo, and the panorama of the high road. – *Saionara!* the salutation of the Japanese, loses nothing in softness [Historical dictionary of Japanese words used in English, 2014: 344].

Существительное: (11) Then amid many sayonaras we drove off [Historical dictionary of Japanese words used in English, 2014: 344].

Атрибутивное существительное: (12) Sayonara sales can be a particularly good place to pick up things [Historical dictionary of Japanese words used in English, 2014: 344].

Причастие прошедшего времени по модели английского языка образуют следующие базовые артонимы: *kimoto* (*kimonoed* со значением «одетый в кимоно» или «прикрытый кимоно»): (13) I started to go after him, but one of the kimonoed women blocked my path [COCA]; (14) Weston made a photograph of Modotti's hands, folded against her kimonoed stomach [COCA]), *karaoke* (15) He added, proudly: 'It's also the most karaoke number; the most sung in the shower — and the most sung at funerals.' [COCA]), *origami* (*origamied* со значением «сложенный»): (16) It makes you smile when you see it, especially when you see a six-foot-two Indian guy origamied inside [COCA])

Переход части ксенонима в самостоятельное существительное представляет собой особый интерес для лингвистов, поскольку он иллюстрирует сложные процессы ассимиляции и семантической трансформации. Лексическая единица *gi* («одежда», «форма») или *gie* была заимствована в английский язык в составе ксенонимов, таких как *karategi* («одежда для занятий карате»), *judogi* («одежда для занятий дзюдо») и *dogi* («одежда для занятий будо»), что свидетельствует о влиянии японской культуры на англоязычное сообщество. В действительности, термин *gi* представляет собой озвученный вариант японской морфемы *ki*, которая обозначает предмет одежды, что можно сопоставить с известным словом *kimono*. Однако следует отметить, что ни *ki*, ни его алломорф *gi* не могут функционировать как самостоятельные лексические единицы в японском языке, что подчеркивает специфику их употребления в контексте боевых искусств. Очевидно, что английское слово было введено в активный лексикон носителями языка с целью экономии языковых средств в профессиональной коммуникации, что отражает потребность в упрощении терминологии:

(17) Slip-on shoes with canvas tops and rubber soles, baggy cotton pants that leave your ankles exposed, burrito-wrap jackets that fasten with a cloth belt like my old karate gi [McDermott, 2018: 112].

Анализ специализированных текстов, посвященных японским боевым искусствам, показал, что ксеноним *gi* употребляется для наименования специальной одежды для японских боевых искусств значительно чаще, чем предложенный в словарной статье БОС эквивалент 'a pair of judo pyjamas', что указывает на предпочтение краткости и точности в профессиональной среде. Тем не менее, поскольку в рамках нашего исследования рассматриваются артонимы, необходимо отметить, что они в большинстве случаев могут функционировать исключительно как существительные или расширять свой экспенсионал до употребления в атрибутивном значении, что обуславливается ограничениями, связанными с их семантикой и контекстом использования.

б) Аффиксация. Производные слова формируются в результате присоединения одного или двух деривационных аффиксов к исходному слову, что свидетельствует о процессе его продуктивности в языке. Наличие таких производных слов указывает на то, что исходное слово начинает активно использоваться в различных контекстах, что является важным аспектом его семантического расширения. Хотя существует множество деривационных аффиксов, каждый из которых обладает различной степенью продуктивности и функциональности, данный аспект не является ключевым для целей настоящего исследования, которое направлено на анализ общего направления процесса ассимиляции. В частности, французский деривационный суффикс *-esque* ('resembling the characteristics of') может использоваться для создания возвышенного стиля, как, например, в научной статье, посвященной японскому

художественному стилю: (18) From the Kabukiesque patchwork affair of Tosei shosei katagi to the more proportioned work of Saikun, Shoyo's novels seem to exemplify the development of modern theatre [Morita, 1976: 299]; или в журналах *Rolling stone* (19) Angie Miller was given the coveted closing spot and she delivered the goods. Her version of Evanescence's "Bring Me Back to Life" was filled with fans, fog and a piano perfect for giving a rock edge to her karaoke-esque performance [Locker, 2014]) и *Stuff* (20) It has been called poetic and 'haiku-esque', achieving enduring appeal in just a few' brush strokes' [NOW]).

Англо-саксонский суффикс *-ish* ('of the nature or character of; of or belonging to') представляет собой широко используемый аффикс, способствующий образованию окказиональных слов в современном английском языке. Рассмотрим примеры употребления деривационных слов с конпонентом-артонимом со значением «стилизованный под», «в стиле»:

(21) Drifting from a dreamy sung introduction ("Toe to toe, dancing very close") to karaokeish have-a-go rapping, it was the definition of bandwagon-jumping [NOW];

(22) I think I just enjoyed the more anime-ish look of vesperia and abyss compared to the new games [NOW].

Артоним *origami* образует прилагательное с помощью продуктивного суффикса английского языка *-ic* со значением «складной», а также в составе словосочетания *origamic architecture* (трехмерное воспроизведение архитектуры, геометрических узоров и предметов быта в различных масштабах с помощью вырезанной и сложенной бумаги, обычно тонкого картона):

(23) This groundbreaking research opens new avenues for origami-inspired materials at the molecular level, introducing the concept of origamic MOFs [Ulsan National Institute of Science and Technology, 2023];

(24) Many of her examples are artists' books – books made as original works of art – but she also pulls in ancient Japanese drawing methods, Victorian English drawing techniques, embossed pages, concertina drawings, pop-ups, fold-outs, origamic architectures, and the physical carving of space out of pages [NOW].

Деривация ксенонимов демонстрирует значительную вариативность, что обусловлено многими факторами, включая культурные и языковые взаимодействия. Первоначально ксенонимы проникают в английский язык вместе со словообразовательными средствами японского языка, что подразумевает заимствование не только корневых морфем, но также аффиксов и морфем, которые могут восприниматься как аффиксы, как это наблюдается в японизмах *manga/mangaka, judo/judoka*. Японский аффикс *ka* имеет значение деятеля и может заимствоваться вместе с артонимом, что вызывает вариативность в использовании:

(25) Inoue is one of the most beloved mangaka of all time, whose perfectionism has made him a legend in the industry [NOW];

(26) And even Kiyoshi Kurosawa's "Real", a quietly creepy excursion into horror and science fiction, is grounded in the longings and frustrations of its main characters, a manga artist left comatose after a suicide attempt and her boyfriend, who enters her consciousness thanks to an elegant, not quite foolproof medical technology [COCA].

В представленных газетных примерах в значении «художник графического романа манга» используется транслитерированный дериват *mangaka* наряду с гибридным образованием *manga artist*. Анализ частотности употребления двух вариантов в корпусе NOW показал, что оба варианта наименования используются в английском языке в сравнительно равном объеме: на 831 случай употребления лексической единицы *mangaka* приходится 947 примеров использования сочетания *manga artist*. Проверка жанровой дистрибуции в корпусе COCA, однако, показала, что вариант *manga artist* используется равномерно во всех жанрах с нормализованной частотностью 0.0-0.02, тогда как *mangaka* демонстрирует преобладание употребления в интернет-дискурсе и блогосфере с показателями 0,1 и 0,04 соответственно, что говорит о распространенности варианта, обладающего большей ксенонимической обратимостью этих жанрах.

В процессе ассимиляции ксенонимов японизмы могут использовать регулярные аффиксы английского языка, что приводит к образованию новых слов, таких как *Shintoism* и *Nipponism* с использованием суффикса *-ism*, а также *judoist* и *shintoist* с использованием суффикса *-ist*. Однако следует подчеркнуть, что сочетаемость ксенонимов-японизмов с англоязычными аффиксами имеет индивидуальный характер, что можно проиллюстрировать сравнением словосочетаний *Shintoism/shintoist* и *judo/judoka*:

(27) Schumpeter's ability to hold apparently conflicting thoughts in his mind parallels the distinctive religious pluralism in Japan, where Buddhist, Shintoist, Confucian, and Christian doctrines are not only tolerated, as they are in the United States, but are often followed simultaneously by the same persons, with no necessary sense of inconsistency [McCraw, 1991: 371];

(28) Shintoism, an indigenous Japanese religion based on the deification of nature, declined greatly after World War II [COCA];

(29) National team coaches took notes on each judoka's technique and tendencies [Segura, 2012: 68].

Из приведенных примеров становится очевидным, что при образовании производных от японских заимствований используются словообразовательные средства не только английского языка, но и японского. Это означает, что помимо корневых морфем также могут заимствоваться аффиксы или морфемы, воспринимаемые как аффиксы. В дополнение к японскому суффиксу деятеля *-ka* в образовании новых слов также активно используется суффикс *-do*, который обозначает путь (например, *aikido*, *judo* и *kendo*).

К менее продуктивным аффиксам японизмов-артонимов можно отнести суффикс *-hood*, означающий состояние человека, связанное с его возрастом, социальными отношениями, иногда деятельностью или же группу людей, объединенных этим состоянием. Тематическая специфика анализируемой лексики обуславливает употребление данного аффикса только в сочетании с японизмами *geisha* и *maiko* (ученица гейши); сравнительно небольшое количество найденных примеров говорит о нерегулярности его использования. В основном, дериваты *geishahood/geisha-hood* и *maikohood/maiko-hood* встречаются в онлайн-блогах о Японии (30) *The dog walker was probably a shikomi (working towards being a maiko). I wonder if this girl made it to maiko-hood. That first year being a shikomi is very hard work* [Podstolski, 2016]), журналах (31) *Sakko - this again was a very ornate style, worn during the last few months of maikohood* [Dutt, 2002], пресс-релизах японских выставок (32) *In the 1930s, Ichimaru left geishahood in Japan to pursue an illustrious career as a recording artist and film and television entertainer, but even as a diva she continued to perform in full geisha regalia* [The Textile Museum of Canada, 2014]; (33) *Discovered by a recording company in 1927, Ichimaru left geisha-hood to pursue an illustrious career as a recording artist, but even as a diva, she continued to perform in full geisha regalia* [Kelowna Art Gallery]).

Заключение. Проведенный обзор грамматической ассимиляции японизмов-артонимов показал, что базовые ксенонимы склонны использовать деривационные модели английского языка в большем объеме по сравнению с окказиональными и словарными ксенонимами; морфологические признаки и грамматические категории базовых артонимов унифицированы и менее подвержены вариативности. Базовые и словарные японизмы реализуют свой деривационный потенциал, прежде всего, посредством конверсии. Наиболее распространенным типом морфологической транспозиции японизмов является использование существительных в атрибутивной функции: *shamisen soundtrack*, *ikebana vase*, *ukiyo banner* и т.д.

К наиболее продуктивным аффиксам, используемым в деривационных процессах с японизмом-артонимом в роли производящей основы, относятся: заимствованный из французского языка, стилистически маркированный суффикс – *esque* ('resembling the characteristics of') и англо-саксонский суффикс – *ish* со значением «стилизованный под», «в стиле». Первый используется для образования книжных, стилистически возвышенных прилагательных (н-р, *Kabukiesque patchwork*, *karaoke-esque performance*, *haiku-esque tweets*), второй образует разговорные прилагательные (н-р, *karaokeish have-a-go rapping*, *anime-ish look*).

К перспективам настоящего исследования можно отнести дальнейшее детальное рассмотрение японизмов других тематических групп, а также экстраполяцию результатов работы на все ксенонимы английского языка с целью верификации их универсальности.

Список источников

- Кабардов, М. К. Типы языковых и коммуникативных способностей и компетенции / М. К. Кабардов // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 34-49.
Крысин, Л. П. Этапы освоения иноязычного слова (на уроках русского языка) / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74-78.

Bramble, P. S. Culture Shock! A survival guide to customs and etiquette, Japan / P. S. Bramble. London: Marshall Cavendish Limited, 2006. 286 pp.

Doi, S. Nihonshi oyobi Okkusufodo Eigo Jiten no souhou ni arawareru nihongo (3) [Japanese Loanwords that Appear in Both Kaempfer's The History of Japan and the Oxford English Dictionary (III)] / S. Doi // Bulletin of

- Aichi Institute of Technology, 2013. – 240 p.
- Dutt, N. Geishas of Japan - A Snapshot / N. Dutt. – ThingAsian, 01.05.2002 [Electronic resource]. Available from: <http://thingsasian.com/story/geishas-japan-snapshot>
- Historical Dictionary of Japanese Words Used in English* (Revised and corrected edition), A / Compiled by Prof. Dr. Isamu Hayakawa. Texnai Inc., 2014. 538 p.
- Kelowna Art Gallery*. From Geisha to Diva [Electronic resource]. Available from: https://kelownaartgallery.com/wp-content/uploads/2020/04/KAG_Looking_Closer_From_Geisha_to_Diva_w.pdf
- Kimura, M. OED no naka no ningō kara-no shakuyogo no tokucho: OED2 on CD-ROM wo tsukatta kenkyū [The characteristics of Japanese borrowings in the OED: A research paper using the OED2 on CD-ROM] / M. Kimura // English Corpus Studies 3, 1996. P. 105–118.
- Kimura-Kano, M. Lexical Borrowing and its Impact on English: With Special Reference to Assimilation Process of Newer Loanwords from Japanese and German and Impact on the Existing Lexical System in English / M. Kimura-Kano. Tokyo: Hituzi Syobo Publishing, 2006. 209 p.
- Locker, M. ‘American Idol’ Recap: Kree Harrison Offers ‘Piece of My Heart’ / M. Locker. RollingStone, 04.04.2013 [Electronic resource]. Available from: <https://www.rollingstone.com/music/music-news/american-idol-recap-kree-harrison-offers-piece-of-my-heart-64184/>
- McCraw, T., Schumpeter, K. Ascending / T. McCraw, K. Schumpeter. American Scholar, 1991. № 60 (3). P. 371–392.
- McDermott, D. R. Ramtha / D.R. McDermott // Ploughshares, 2018. № 44 (2). P. 102–109
- Morita, J. R. Review of The Development of Realism in the Fiction of Tsubouchi Shōyō / J. R. Morita. The Journal of the Association of Teachers of Japanese, 1976. № 11 (2/3). P. 299–302.
- Osborne, H. The Oxford Companion to Art / H. Osborne. Oxford: Oxford University Press, 1970. 1277 p.
- Podstolski, J. Encounter / J. Podstolski. – Julie Podstolski, 15.02.2016 [Electronic resource]. Available from: <https://juliepodstolski.wordpress.com/2016/02/15/encounter/>
- Segura, M., Lays, R. R. The Smack Down / M. Seruga, R. R. Lays. Sports Illustrated, 2012. № 117 (18). P. 66–70.
- The Corpus of Contemporary American English (COCA)* [Electronic resource]. Available from: <http://corpus.byu.edu/coca/>
- The NOW corpus* [Electronic resource]. Available from: <https://www.english-corpora.org/now/>
- The Textile Museum of Canada*. The Textile Museum of Canada presents From Geisha to Diva: The Kimonos of Ichimaru, an exhibition celebrating one of the most famous geishas of the 20th century [Electronic resource]. Available from: <https://textilemuseum.ca/wp-content/uploads/2020/01/PressRelease-Geisha.pdf>
- Ulsan National Institute of Science and Technology (UNIST). Unveiling molecular origami: A breakthrough in dynamic materials. ScienceDaily, 19.12.2023 [Electronic resource]. Available from: www.sciencedaily.com/releases/2023/12/231219124532.htm

References

- Bramble, P. S. (2006) *Culture Shock! A survival guide to customs and etiquette, Japan*. London, Marshall Cavendish Limited: 286.
- Doi, S. (2013) *Nihonshi oyobi Okkusufodo Eigo Jiten no souhou ni arawareru nihongo* (3) [Japanese Loanwords that Appear in Both Kämpfer’s The History of Japan and the Oxford English Dictionary (III)]. Bulletin of Aichi Institute of Technology: 240.
- Dutt, N. (2002) Geishas of Japan - A Snapshot. *ThingsAsian*. URL: <http://thingsasian.com/story/geishas-japan-snapshot> (Accessed: August 16, 2025)
- Historical Dictionary of Japanese Words Used in English* (Revised and corrected edition), A (2014). Compiled by Prof. Dr. Isamu Hayakawa. Texnai Inc.: 538.
- Kabardov, M. K. (1996) Tipy yazykovykh i kommunikativnykh sposobnostey i kompetentsii [Types of linguistic and communicative abilities and competencies]. *Voprosy psichologii* [Questions of Psychology], 1: 34–49. (In Russ.)
- Kelowna Art Gallery*. *From Geisha to Diva*. URL: https://kelownaartgallery.com/wp-content/uploads/2020/04/KAG_Looking_Closer_From_Geisha_to_Diva_w.pdf (Accessed: August 16, 2025)
- Kimura, M. (1996) OED no naka no ningō kara-no shakuyogo no tokucho: OED2 on CD-ROM wo tsukatta kenkyū [The characteristics of Japanese borrowings in the OED: A research paper using the OED2 on CD-ROM]. *English Corpus Studies*, 3: 105–118. (In Jap.)
- Kimura-Kano, M. (2006) *Lexical Borrowing and its Impact on English: With Special Reference to Assimilation Process of Newer Loanwords from Japanese and German and Impact on the Existing Lexical System in English*. Tokyo, Hituzi Syobo Publishing: 209.
- Krysin, L. P. (1991) Etapy osvoyeniya inoyazychnogo slova (na urokakh russkogo yazyka) [Stages of mastering a foreign word (in Russian language lessons)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 2: 74–78. (In Russ.)
- Locker, M. (2013) ‘American Idol’ Recap: Kree Harrison Offers ‘Piece of My Heart’. *RollingStone*. URL: <https://www.rollingstone.com/music/music-news/american-idol-recap-kree-harrison-offers-piece-of-my-heart-64184/> (Accessed: August 16, 2025)
- McCraw, T., Schumpeter, K. (1991) Ascending. *American Scholar*, 60(3): 371–392.
- McDermott, D. R. (2018) Ramtha. *Ploughshares*, 44(2): 102–109.
- Morita, J. R. (1976) Review of The Development of Realism in the Fiction of Tsubouchi Shōyō. *The Journal of the Association of Teachers of Japanese*, 11(2/3): 299–302.
- Osborne, H. (1970) *The Oxford Companion to Art*. Oxford, Oxford University Press: 1277.
- Podstolski, J. (2016) *Encounter*. URL: <https://juliepodstolski.wordpress.com/2016/02/15/encounter/> (Accessed: August 16, 2025)
- Segura, M., Lays, R. R. (2012) The Smack Down. *Illustrated*, 117(18): 66–70.
- The Corpus of Contemporary American English (COCA)*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (Accessed: August 16, 2025)
- The NOW corpus*. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (Accessed: August 16, 2025)
- The Textile Museum of Canada*. *From Geisha to Diva: The Kimonos of Ichimaru, an exhibition celebrating one of the*

most famous geishas of the 20th century. URL: <https://textilemuseum.ca/wp-content/uploads/2020/01/PressRelease-Geisha.pdf> (Accessed: August 16, 2025)
Ulsan National Institute of Science and Technology (UNIST)

(2023) Unveiling molecular origami: A breakthrough in dynamic materials. *ScienceDaily*. URL: www.sciencedaily.com/releases/2023/12/231219124532.htm (Accessed: August 16, 2025).

© Мацукина Е.Ю., 2025

Информация об авторе:

Екатерина Юрьевна Мацукина – старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, Россия, 191023. Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: интерлингвокультурология, корпусные исследования, межкультурная коммуникация.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 15.05.2025; принята после рецензирования 27.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the author:

Ekaterina Yu. Matsugina – Senior teacher at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboyedov Channel emb., Saint-Petersburg, Russia, 191023. The author of 25 scientific publications. Research interests: interlinguaculturology, corpus-based studies, intercultural communication.

Author contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 15.05.2025; adopted after review 27.06.2025; published online 30.07.2025.

Научная статья

УДК 81

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Марина Юрьевна Миронова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

SPIN: 9480-8047, ORCID: 0000-0002-7938-6254, mkpr@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты аналитического обзора научных трудов, посвященных исследованию дискурса в динамическом аспекте. Актуальность данного аналитического обзора объясняется возрастающим вниманием к дискурсу не только как к системе, обладающей устойчивыми чертами, но и как к процессуальному явлению, подверженному изменениям под воздействием внешних причин. Исследование дискурса в историческом ракурсе дает возможность выявить ключевые социокультурные факторы, влияющие на трансформации текстовых реализаций дискурсивных категорий и признаков в историческом контексте, и выделить специфические дискурсивные черты, характерные для конкретного исторического периода существования дискурса. Проведенный обзор показал, что историческая дискурсология уже нашла применение в различных областях, включая рекламу, политику, военное дело, художественную деятельность и другие сферы. Авторы демонстрируют, как меняются языковые средства, необходимые для осуществления коммуникативной функции текста или жанра, а также каким образом изменение этих функций отражается на выборе языковых средств. Сделан вывод о том, что несмотря на широкий охват областей исследования, не все виды дискурса получили должное внимание в историческом ракурсе. В частности, эволюция научной коммуникации остается недостаточно изученной. Среди работ, посвященных исследованию научного дискурса, преобладают труды, которые либо фокусируются на анализе дискурсивных особенностей в синхронном срезе, либо акцентируют узко ограниченный временной интервал. В этой связи изучение научного дискурса в его динамическом развитии приобретает особую значимость. Исследование научного дискурса в динамическом подходе к его реализации может быть полезным и интересным в плане выявления диахронических изменений в научной коммуникации, обусловленных меняющимся социокультурным контекстом.

Ключевые слова: обзор, дискурс, динамика, историческая дискурсология.

Original article

DYNAMIC ASPECTS OF DISCOURSE: AN OVERVIEW OF RESEARCH IN RUSSIAN LINGUISTICS

Marina Y. Mironova

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

SPIN: 9480-8047, ORCID: 0000-0002-7938-6254, mkpr@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of an analytical overview of scientific papers devoted to the study of discourse in a dynamic aspect. Such an overview is determined by the increasing attention to discourse not only as a system with stable features, but also as a procedural phenomenon that can change under the influence of external causes. The study of discourse from a historical perspective makes it possible to identify key socio-cultural factors influencing the transformation of textual realizations of discourse categories and features in a historical context, and to identify specific discourse features of a particular historical period. The overview showed that historical discoursology has already been applied in various fields, including advertising, politics, military sphere, art and other fields. The authors identify how the linguistic means necessary for the implementation of the communicative function of a text or genre change, as well as how the change in the functions of the text affects the choice of linguistic means. It is concluded that despite the wide range of

research areas, not all types of discourses have received due attention from a historical perspective. In particular, the evolution of scientific communication remains poorly understood. Among the works devoted to the study of scientific discourse, there are works that either focus on the analysis of discourse features in synchrony, or emphasize a narrowly limited time period. In this regard, the study of scientific discourse in its dynamic development is of particular importance. The study of scientific discourse in a dynamic approach to its implementation can be useful and interesting in terms of identifying diachronic changes in scientific communication caused by the changing socio-cultural context.

Keywords: overview, discourse, dynamics, historical discoursology.

Введение и постановка проблемы. В последние два десятилетия в отечественном языкоzнании отмечается рост интереса к дискурсологическим исследованиям, рассматривающим дискурс с позиции его динамики. Данный подход, разработанный Л. А. Кочетовой и получивший название «историческая дискурсология» [Кочетова, 2013], направлен на анализ дискурсивных функций и категорий в историческом контексте. Историческая дискурсология, находящаяся на стыке лингвистики текста, теории дискурса и исторической лингвистики, ставит своей задачей «изучение общей эволюции дискурса на основе анализа тенденций его развития, отражающих специфические социокультурно обусловленные характеристики дискурса в конкретно-исторические периоды, их сопоставительный анализ, определение векторов динамических процессов и выявление их системности» [Кочетова, 2013: 9]. Сравнительный анализ языковых данных, полученных из текстов разных исторических периодов, дает возможность установить этапы развития определенного вида дискурса и выявить когнитивно-дискурсивные, когнитивно-прагматические, коммуникативно-прагматические, аксиологические и другие векторы его эволюции [Кочетова, 2014].

Таким образом, дискурс рассматривается не просто как языковое явление, а как отражение и конструирование социальной реальности в динамике времени. Такой подход открывает доступ к целостному пониманию языка как живой и исторически изменчивой системы, формируемой под воздействием комплекса экстралингвистических факторов, что открывает новые перспективы для понимания взаимосвязи языка, культуры и истории и обуславливает высокую актуальность подобных исследований, хотя изучение текста с позиции исторической дискурсологии является сравнительно новым направлением, оно уже привлекает внимание современных ученых. Причины интереса кроются в преимуществах данного метода, позволяющего раскрыть социальные и культурные процессы, формировавшие дискурс определенной эпохи. Именно эти преимущества делают метод исторической дискурсологии особенно перспективным и значимым для гуманитарных исследований. В связи с этим целью настоящей работы является систематизация ключевых исследований, выполненных в рамках данного направления, анализ их результатов и выявление областей, требующих изучения в динамическом аспекте.

Методы и материалы исследования. В силу обзорного характера настоящей работы в качестве материала исследования были отобраны научные труды, посвященные исследованию различных видов дискурса в динамическом аспекте. Основным критерием включения работ в обзор был историко-дискурсивный фокус исследований, предполагающий анализ дискурсивной эволюции и выявление тенденций развития дискурса.

Изучение дискурса с учетом его динамического развития неоднократно становилось целью научных исследований. Ученые обращают внимание на тенденции развития семиотических, коммуникативно-прагматических, жанрово-стилистических и аксиологических характеристик дискурса. Так, монография Л. А. Кочетовой «Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте» [Кочетова, 2013] представляет собой лингвистическое исследование, раскрывающее изменения в структуре, функциях и средствах рекламного дискурса в исторической перспективе. С позиций исторической дискурсологии автор выявляет конститутивные и исторически приобретенные признаки рекламной коммуникации, описывает динамику жанровой организации рекламного дискурса, анализирует коммуникативные особенности английской рекламы, а также исследует изменения аксиологической составляющей, отражающей ценностные ориентиры в рекламном сообщении. Особое внимание уделяется способам выражения воздействующей функции рекламы, которая является источником динамики в рекламном дискурсе.

Динамику лингвоаксиологических характеристик дискурса рекламы подробно рассматривает в своей диссертации Н. Г. Вара. Автор изучает, как менялась аксиологическая составляющая английской автомобильной рекламы в период с 1930 по 2015 годы. Отмечается, что каждый исторический этап развития данного вида рекламы характеризуется актуализацией определенных ценностей и своеобразием их языкового воплощения: статусные (новизна, успех, превосходство), утилитарные (практичность, удобство), гедонистические (удовольствие от владения). Особый акцент делается на том, что ценностные приоритеты и языковые средства их выражения претерпевают заметные изменения в зависимости от социально-культурных реалий и тенденций эпохи [Вара, 2015].

Динамика политического дискурса исследована в ряде научных работ. Так, труд О. И. Шарафутдиновой посвящен анализу специфики использования речевых средств в процессе конструирования образа говорящего – ритора – в российском политическом дискурсе XX века. Автор проводит соопоставительный анализ средств речевого воздействия, характерных для различных социокультурных периодов: 1905-1917 гг., 1960-х годов советской эпохи, и периода перестройки СССР, выявляя эволюцию их применения. О. И. Шарафутдинова приходит к выводу, что трансформация социально-исторического контекста существенно влияет на выбор речевых средств при создании риторического образа. При этом универсальные риторические темы сохраняются вне зависимости от эпохи (обращение к историческому прошлому, общечеловеческим ценностям, высшим целям), а вариации показывают влияние определенного исторического периода и культурных изменений на риторическую стратегию адресанта [Шарафутдинова, 2008].

Л. В. Васильева проводит исследование эволюции дискурса американской прессы XX века, выявляя динамику изменений медиакоммуникации в историко-культурном контексте данной эпохи. На материале новостных и информационно-аналитических статей трех исторических периодов автор анализирует языковую реализацию модусных категорий – эвиденциальности, модальности, аппроксимации и персуазивности – рассматривая их как аксиологические составляющие медиадискурса. Автор подчеркивает, что семантика эвиденциальности в медийном дискурсе не ограничивается фиксацией источника информации, но играет важную роль в изменении интенциональной направленности сообщения, влияя на формирование общественного сознания. Л. В. Васильева приходит к выводу, что анализ модусных категорий, особенно категории эвиденциальности, позволяет раскрыть глубокие механизмы смыслообразования и трансформации информации в медиадискурсе, выявляя сложные взаимосвязи между языковыми средствами и воздействием на массовую аудиторию. Анализ эволюции новостного дискурса показал, что если в начале XX века доминировала подача событий через призму общего (анонимного) мнения, то во второй половине столетия наблюдается переход от простой передачи фактов к многоаспектному анализу с обозначением источника информации и включением авторской оценки. Это позволяет показать множественность взглядов и получить всестороннюю и объективную интерпретацию событий [Васильева, 2010].

В фокусе исследования О. Л. Бессоновой и И. В. Фатьяновой находится динамика лингвокогнитивной и коммуникативной организации американского политического дискурса в XX – начале XXI веков. Авторы выявляют и описывают как универсальные, так и специфические для США концепты в публичных выступлениях президентов, анализируют как менялись способы вербального выражения коммуникативных стратегий и тактик. Отмечается, что с течением времени концептосфера американского политического дискурса претерпевает трансформации: дискурсообразующие концепты остаются стабильными во всех жанрах, тогда как национально-маркированные концепты, отражающие исторические и социокультурные изменения общества, демонстрируют большую динамику. В выступлениях президентов приоритетная роль отводится именно национально-специфическим компонентам, подчеркивающим исторические и культурные аспекты жизни страны. Так, анализ эволюции ключевых концептов и коммуникативных стратегий показывает, как язык и структура политической речи отражают и формируют национальную идентичность и политическую культуру США в разные исторические периоды [Бессонова, Фатьянова, 2024].

Анализу американских предвыборных президентских видеороликов в их эволюционно-динамическом развитии посвящено исследование Т. А. Мельничук. Автор выявляет закономерности в комбинаторике невербальных и вербальных средств, объективирующих речевое поведение дискурсивной

личности политика, и отражающих влияние социально-политических и культурно-исторических факторов. Сопоставительный анализ видеороликов избирательных кампаний трех исторических периодов позволил проследить трансформацию интенциональных установок адресантов, выявить преобладающие стратегии и тактики, а также определить их устойчивые и вариативные ценностные ориентации [Мельничук, 2024].

В области изучения политического дискурса существует работа А. Н. Комковой, в которой автор проводит лингвистический анализ динамики ключевых концептов норвежского политического дискурса. В своем исследовании А. Н. Комкова выделяет ценности, лежащие в основе политической коммуникации в Норвегии, анализирует изменения в частотности лексем, репрезентирующих ключевые концепты, рассматривает особенности политической риторики различных партий в докризисный и кризисный периоды. Используя методы когнитивной и корпусной лингвистики, автор описывает дискурсивную специфику и эволюцию политического сознания в норвежском социуме [Комкова, 2012].

К сфере политической коммуникации можно отнести исследование М. С. Матыциной, посвященное динамике развития англоязычного иммиграционного дискурса. В работе проводится анализ того, как меняются языковые средства, используемые для обсуждения иммиграционной проблемы в британских и американских средствах массовой информации, выявляются механизмы формирования и трансформации общественных стереотипов. Изучая эмпирический материал, охватывающий четыре исторических периода, М.С. Матыцина выявляет эволюцию ключевых тем, стратегий и оценочного отношения к миграции в англоязычной информационной и политической среде [Матыцина, 2020].

Военный дискурс также анализировался с позиции его динамических трансформаций. Работа А. В. Уланова посвящена функционально-диахроническому исследованию русского военного дискурса периода XIX – начала XX века. Автор уделяет особое внимание динамике изменений в военном языке и дискурсивных практиках, что позволяет проследить исторические и культурные трансформации, связанные с развитием армии, военной политики и общественного восприятия войны. А. В. Уланов подчеркивает важность диахронического анализа слов, отражающих представления военнослужащих о различных реалиях, для выявления их мировоззрения. Такой подход помогает глубже понять, как менялось сознание армии и как эти изменения отражались в языке. Автор приходит к выводу, что с течением времени военные тексты становятся более информативными, содержательными, аналитическими и повествовательными, снижается выраженность эмоциональных оценок [Уланов, 2014].

Наблюдается интерес к исследованию динамики художественного дискурса. Так, диссертация Л. В. Логуновой посвящена развитию художественного эпистолярного дискурса в русской прозе XX – начала XXI веков и раскрывает эволюцию ее жанровых особенностей в историко-культурном и литературном контексте этого периода. Автор анализирует ключевые периоды жанрового развития – расцвет в 1900-1920 и 1990-2000 годах, когда интерес к художественной переписке был особенно высок, а также кризисный этап (1930-1960), характеризующийся спадом внимания к эпистолярному жанру. Важным достижением автора является определение критериев, отличающих эпистолярную прозу от других форм литературного нарратива, и выделение её доминантных жанров – эпистолярного романа и эпистолярной повести. Л. В. Логунова подчеркивает, что эпистолярный жанр – это не просто отражение частной переписки, а самостоятельное литературное произведение с уникальными нарративными и стилистическими особенностями, формирующими его идентичность и художественную ценность [Логунова, 2011].

Работа А. В. Курьянович также посвящена исследованию динамики эпистолярного дискурса, но с акцентом на трансформации жанрово-стилистических характеристик русского письма. В центре внимания автора – письма представителей творческой интеллигенции, носителей элитарной речевой культуры, обладающих высокой культурой языка и строго следящих нормам культурным общению. А. В. Курьянович анализирует переписку трех исторических периодов: 1900-1930 гг., 1940-1980 гг., и рубеж конца XX – начала XXI века. Изучая лингвистические особенности и экстралингвистические факторы, автор прослеживает эволюцию жанрово-стилистических черт русского эпистолярия, выявляя варьирование жанрового канона под влиянием социально-политических и культурных изменений в обществе [Курьянович, 2013].

Диахроническому анализу жанрово-стилистических характеристик англоязычного трапелога посвящена диссертация А. А. Плавиной. На материале двух исторических разновидностей трапелога – путевых заметок конца XIX – начала XX века и интернет-блогов о путешествии XXI века – исследуется эволюция ключевых жанровых признаков. Автор обнаруживает динамические изменения коммуникативной цели трапелога, обусловленные дискурсивными трансформациями. Так, основная функция путевых заметок конца XIX – начала XX века – просветительская – авторы стремились поделиться с читателями новой информацией о посещаемых местах. Современные же интернет-блоги XXI века чаще имеют рекламный характер: авторы продвигают свой блог, туристические услуги и направления, делая упор на популяризацию. Таким образом, меняется не только содержание, но и коммуникативная цель трапелогов. Анализ категорий адресата и адресанта позволил проследить как менялась адресатная специализация жанра на протяжении времени [Плавина, 2019].

Эволюцию фольклорного дискурса в британо-английском культурном пространстве рассматривает А. В. Колистратова. Автор выделяет лингвосемиотические особенности фольклорных легенд в разные периоды культурного развития общества: Средневековья, Ренессанса, Просвещения, Времени Культуры XIX-XX вв. и эпохи Постмодерна. А. В. Колистратова показывает, что в условиях динамично меняющейся социальной и культурной среды традиционные формы фольклора подвергаются адаптации и трансформации, что проявляется в изменении жанровых форм, способов передачи, функций и семантики фольклора. Отмечается переход от устной традиции к письменным и медийным форматам фольклора, что существенно меняет характер восприятия и роль фольклора в обществе. В частности, фольклор перестает быть лишь средством культурной памяти, приобретая новые функции в эпоху глобализации и трансформации культурных ценностей [Колистратова, 2012].

Динамичность рассматривается как одна из ключевых характеристик драматургического дискурса. Ю. С. Старостина рассматривает комплексное взаимодействие лингвистических, аксиологических и жанровых аспектов в формировании и функционировании драматургического дискурса на английском языке. Проведенный автором сопоставительный лингвоаксиологический анализ текстов драматургии разных исторических периодов (XX и XXI века) выявляет степень вариативности лингвоаксиологической специфики, что позволяет глубже понять эволюцию и особенности данного типа дискурса [Старостина, 2022].

В диахронической перспективе исследовался и дискурс блогосферы. Работа М. О. Кочетковой посвящена исследованию жанровых особенностей и трансформаций блогов как особого типа интернет-дискурса. В работе прослеживаются этапы становления блогосферы, выявляются социально обусловленные изменения жанров, а также рассматриваются лингвистические и прагмалингвистические характеристики, отражающие взаимодействие автора и аудитории в цифровом пространстве. Автор приходит к выводу, что жанровая система дискурса блогосферы, включающая такие формы как дневник, житейская история, статья и др., эволюционирует под влиянием социальных факторов, а также технических возможностей интернет-технологий, обеспечивающих реализацию жанровых разновидностей. В фокусе внимания автора оказывается и влияние интенций социальных институтов на жанровую динамику блогосферы. Исследование раскрывает как социальные институты, преследуя свои намерения и цели, воздействуют на формирование и трансформацию жанров блогов, что находит отражение в изменении структуры, содержания и стилистики блоговых текстов [Кочеткова, 2014].

Динамика делового дискурса английского языка в аспекте его функционально-прагматических характеристик рассматривалась в работе Д. С. Храмченко. Опираясь на эмпирический материал середины XIX – начала XXI вв., автор анализирует изменения в коммуникативных стратегиях, тактиках и параметрах делового общения, исследует механизмы его модификации и адаптации в условиях современных бизнес-коммуникаций. Делается вывод о том, что изменения внешней среды, трансформация ценностных ориентиров и мировоззрения, а также появление новых моделей статусно-ролевых отношений влияют на вектор эволюции деловой коммуникации. Сопоставительный анализ языковых средств, используемых на разных исторических этапах развития делового дискурса, выявляет тенденцию к увеличению частоты употребления элементов, дерегламентирующих традиционные нормы делового общения. Это проявляется в целенаправленном внедрении в речь слов и выражений, стилистически выходящих за рамки конвенциональной нормы бизнес-общения [Храмченко, 2015].

Исследованию диахронических изменений письменной деловой речи посвящена диссертация И. В. Герасименко. Автор анализирует прагматическую обусловленность лексико-грамматических особенностей англоязычного делового письма, раскрывая, как социально-исторические условия развития общества влияли на эволюцию данного жанра. Изучая тексты деловой переписки периода с середины XVIII до конца XX веков, И. В. Герасименко приходит к выводу, что основные прагматические принципы, регулирующие речевое поведение в деловом дискурсе – принцип кооперации и принцип вежливости – проявляются и функционируют по-разному на разных этапах речевого развития общества [Герасименко, 2001].

Т. Н. Цинкерман проводит исследование англоязычного воспитательного дискурса через призму динамики его ценностной системы. Автор фокусируется на изучении национально-культурных особенностей речевого поведения взрослых в воспитывающем общении, исследуя как менялась ценностная парадигма воспитательного дискурса в англосаксонской культуре. В рамках анализа сопоставляются лингвистические данные из текстовых корпусов XVIII и XX-XXI веков, а также изучаются результаты опросов американцев и британцев, идентифицирующих себя как часть современного англосаксонского социума. В результате исследования выявлена тенденция к переоценке значимости участия воспитуемого в процессе социализации, который начинает играть активную роль в воспитательном взаимодействии [Цинкерман, 2015].

Динамика административного дискурса затрагивается в работе О. А. Евтушенко. Автор рассматривает межкультурный аспект развития административного дискурса в России и отмечает трансформацию административного дискурса под влиянием глобализации, проявляющуюся в изменении жанровой структуры и форм коммуникации [Евтушенко, 2019].

Результаты и обсуждение. Как показывает анализ работ, посвященных динамике дискурса, в фокусе внимания ученых оказывались различные разновидности дискурса – рекламный, политический, военный, художественный, административный, деловой, воспитательный, фольклорный. В представленных исследованиях дискурс рассматривается с позиций различных научных парадигм. Так, в трудах, выполненных в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и исторической концептологии, особое внимание уделяется когнитивным механизмам, лежащим в основе мыслительной деятельности человека, и их отражению в языковых структурах. Работы, опирающиеся на положения аксиологической лингвистики, выявляют систему ценностных ориентиров, определяющих поведение участников коммуникации. Исследования, выполненные в русле прагматического и социолингвистического подходов, освещают влияние социально значимых параметров коммуникативной ситуации на выбор языковых средств. В исследованиях, выполненных с позиций жанрово-стилистического подхода, описаны структурные и функциональные особенности дискурсивных жанров, их инвариантные и вариативные черты. Несмотря на разнообразие подходов, все представленные в обзоре исследования объединяют положение о том, что дискурс является опосредованной языком формой социальной практики, подверженной изменениям под воздействием исторического контекста. В связи с этим, на первый план выходят вопросы о причинах динамических процессов в дискурсе и их зависимости от меняющихся социокультурных обстоятельств. Изучение динамичности, рассматриваемой авторами как базовой характеристики дискурса, способствует выявлению этих изменений.

Благодаря применению историко-дискурсивного подхода авторами были описаны диахронические изменения семиотических, коммуникативно-прагматических и аксиологических характеристик дискурса, а также выявлена его жанровая динамика. Изучение семиотических свойств дискурса в диахронии позволило ученым проследить динамику функционирования вербальных и невербальных элементов, выявить изменения роли знаков в реализации коммуникативных функций дискурсивных жанров и обосновать специфику выбора определенного типа знака в конкретных социокультурных обстоятельствах. Исследование динамики коммуникативно-прагматических характеристик дискурса дало возможность выявить тактики, приемы и средства реализации его ведущих коммуникативных стратегий на протяжении определенного периода времени и получить представление об изменении коммуникативной тональности дискурса в исторической перспективе. Авторами показано, как менялась стратегемно-тактическая организация дискурса и ее функционально-семантическое оформление в разные периоды функционирования дискурса, дано объяснение причин динамических процессов, проис-

ходящих на pragматическом уровне дискурса. Исследуя дискурс в историческом аспекте, ученый получили ответы на вопросы о том, как меняются языковые средства, необходимые для осуществления коммуникативной функции текста или жанра, а также каким образом изменение функций текста отражается на выборе языковых средств. Изучение динамики аксиологической составляющей дискурса показало, что она проявляется через систему коммуникативных норм, характерных для определенного социума в конкретно-исторический период его развития. Использование историко-дискурсивного подхода позволило проследить эволюцию ценностных ориентиров, определить систему ценностей, формировавшую поведение участников коммуникации, а также раскрыть глубинные причины, обусловившие трансформацию ценностных установок. Исследование динамических процессов в жанровой организации дискурса дало ученым возможность отследить развитие и адаптацию отдельных жанров и жанровой системы в целом к меняющимся социокультурным условиям существования дискурса. Анализ эволюции жанров в историческом ракурсе позволил выявить причины и механизмы возникновения новых жанров, а также предпосылки трансформации или интенсификации существующих, раскрыть тенденции в сужении или расширении сферы функционирования жанров.

Обзор показал, что, несмотря на широкий спектр исследуемых областей, не все виды дискурса получили должное внимание в историческом ракурсе. В частности, эволюция научной коммуникации остается недостаточно изученной. Среди работ, посвященных исследованию научного дискурса, преобладают труды, которые либо фокусируются на анализе дискурсивных особенностей в синхронном срезе, либо акцентируют узко ограниченный временной интервал. Это сужает представления о развитии научного дискурса как динамического процесса, который происходил на протяжении нескольких исторических эпох. Поскольку научный дискурс, как институциональный тип общения, во многом определяется социальными и культурными изменениями, его исследование с позиций исторической дискурсологии способно раскрыть ключевые этапы его эволюции и выявить закономерности становления. В этой связи изучение научного дискурса в его динамическом развитии приобретает особую значимость.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Обзор исследований, посвященных изучению динамических изменений дискурса, дает возможность подвести некоторые итоги. Историко-дискурсивный анализ обладает большой объяснительной силой, позволяя понять законы построения речи в конкретно-исторические периоды существования социума. Появление трудов, посвященных исследованию дискурса в его динамическом развитии, свидетельствует о растущем интересе ученых к данной проблематике. Вместе с тем, на сегодняшний день отсутствуют полноценные исследования, сфокусированные на научном дискурсе в динамическом ракурсе. Это открывает перспективы для дальнейших научных изысканий. Изучение научного дискурса в динамическом подходе к его реализации может быть полезным и интересным в плане выявления диахронических изменений в научной коммуникации, обусловленных меняющимся социокультурным контекстом.

Список источников

Бессонова, О. Л., Фатьянова, И. В. Динамика американского политического дискурса XX – начала XXI века / О. Л. Бессонова, И. В. Фатьянова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоzнание. 2024. Т. 23, № 1. С. 69–83. (На англ. яз.).

Вара, Н. Г. Динамика лингвоаксиологических характеристик английской рекламы автомобиля: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Г. Вара. Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2015. 184 с.

Васильева, Л. В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса: на материале американской прессы XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. В. Васильева. Дальневосточный федеральный ун-т. Хабаровск, 2010. 224 с.

Герасименко, И. В. Социопрагматика американской деловой корреспонденции (диахронический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Герасименко Хабаровский гос. педагогический ун-т. Хабаровск, 2001. 157 с.

Евтушенко, О. А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / О. А. Евтушенко. Адыг. гос. ун-т. Майкоп, 2019. 328 с.

Колистратова, А. В. Эволюция фольклорного дискурса в британо-английском контексте ситуации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Колистратова. Иркут. гос. лингвистич. ун-т. Иркутск, 2012. 186 с.

Комкова, А. Н. Динамика норвежского политического дискурса: ключевые концепты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Н. Комкова. Ин-т языкоzнания РАН. Москва, 2012. – 260 с.

Кочеткова, М. О. Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. О. Кочеткова. Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск, 2016. 252 с.

Кочетова, Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 404 с.

Кочетова, Л.А. Историческая дискурсология: подходы, проблемы, перспективы / Л. А. Кочетова // В мире научных открытий. 2014. № 9.2 (57). С. 737-759.

Курьянович, А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры: XX - XXI вв.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А. В. Курьянович. Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск, 2013. 397 с.

Логунова, Н. В. Русская эпистолярная проза XX - начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Н. В. Логунова. Рос. ун-т дружбы народов. Москва, 2011. 447 с.

Матыцина, М. С. Динамика развития англоязычного иммиграционного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / М. С. Матыцина. Белгородский гос. нац. исслед. ун-т. Белгород, 2020. 340 с.

Мельничук, Т. А. Дискурс американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. / Т. А. Мельничук. Санкт-Петербургский гос. экономический ун-т. Санкт-Петербург, 2024. 216 с.

Плавина, А. А. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного traveloga в динамическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Плавина. Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2019. 184 с.

Старостина, Ю. С. Лингвоаксиологическая речежанровая модель и ее актуализация в англоязычном драматургическом дискурсе // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 131–152.

Уланов, А. В. Русский военный дискурс XIX - начала XX века: структура, специфика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А. В. Уланов. Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2014. 494 с.

Храмченко, Д. С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Д. С. Храмченко. Моск. гос. ин-т междунар. отношений. Москва, 2015. 448 с.

Цинкерман, Т. Н. Об опыте диахронического подхода к установлению динамики ценностей англоязычного воспитательного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоизнание. 2015. № 5 (29). С. 101-108.

Шарафутдинова, О. И. Речевые средства создания образа ритора в политическом дискурсе: динамический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. И. Шарафутдинова. Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск, 2008. 287 с.

References

Bessonova, O. L., Fat'yanova, I. V. (2024) *Dinamika amerikanskogo politicheskogo diskursa XX – nachala XXI veka* [Dynamics of the American political discourse of the XX – beginning of the XXI century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoiznание* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 23 (1): 69-83. (In Russ.)

Vara, N. G. (2015) *Dinamika lingvoaksiologicheskikh kharakteristik angliyskoy reklamy avtomobilya* [Dynamics of linguoaxiological characteristics of English car advertising]. PhD dissertation (Philology). Volgograd, Volgograd. gos. un-t: 184. (In Russ.)

Vasil'eva, L. V. (2010) *Issledovanie modusnykh kategoriy v evolyutsii mediadiskursa: na materiale amerikanskoy pressy*

XX veka [A study of modal categories in the evolution of media discourse: based on the materials of the American press of the 20th century]. PhD dissertation (Philology). Khabarovsk, Dalnevostochnyy federal'nyy un-t: 224. (In Russ.)

Gerasimenko, I. V. (2001) *Sotsiopragmatika amerikanskoy delovoy korrespondentsii (diakhronicheskiy aspekt)* [Sociopragmatics of American business correspondence (diachronic aspect)]. PhD dissertation (Philology). Khabarovsk, Khabarovskiy gos. pedagogicheskiy un-t: Khabarovsk: 157. (In Russ.)

Evtushenko, O. A. (2019) *Administrativnyy diskurs: tipy, sub"ekty, dinamika* [Administrative discourse: types, subjects, dynamics]. Doctoral dissertation (Philology). Maykop, Adyg. gos. un-t: 328. (In Russ.)

Kolistratova, A. V. (2012) *Evoliutsiya fol'klornogo diskursa v britano-angliyskom kontekste situatsii* [The evolution of literary discourse in the British-English context of the situation]. PhD dissertation (Philology). Irkutsk, Irkut. gos. lingvistich. un-t: 186. (In Russ.)

Komkova, A. N. (2012) *Dinamika norvezhskogo politicheskogo diskursa: klyuchevye kontsepty* [The dynamics of Norwegian political discourse: key concepts]. PhD dissertation (Philology). Moskva, In-t yazykoznanija RAN: 260. (In Russ.)

Kochetkova, M. O. (2016) *Zhanrovaya dinamika diskursa blogosfery: sotsiolingvisticheskiy aspect* [Genre dynamics of blogosphere discourse: sociolinguistic aspect]. PhD dissertation (Philology). Tomsk, Nats. issled. Tom. gos. un-t: 252. (In Russ.)

Kochetova, L. A. (2013) *Angliyskiy reklamnyy diskurs v dinamicheskem aspekte* [English advertising discourse in a dynamic aspect]. Monografiya [monograph]. Volgograd: VolGU Publ.: 404. (In Russ.)

Kochetova, L. A. (2014) *Istoricheskaya diskursologiya: podkhody, problemy, perspektivy* [Historical discursology: approaches, problems, prospects]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discoveries]. 9.2 (57): 737-759. (In Russ.)

Kur'yanovich, A. V. (2013) *Dinamika zhanrovo-stilisticheskikh osobennostey russkogo epistolyarnogo diskursa nositeley elitarnogo tipa rechevoy kul'tury: XX - XXI vv* [Dynamics of genre and stylistic features of the Russian epistolary discourse of the elite type of speech culture: XX - XXI centuries]. Doctoral dissertation (Philology). Tomsk, Nats. issled. Tom. gos. un-t: 397. (In Russ.)

Logunova, N. V. (2011) *Russkaya epistolyarnaya proza XX - nachala XXI veka: evolyutsiya zhanra i khudozhestvennogo diskursa* [Russian Epistolary Prose of the XX - early XXI century: the evolution of genre and artistic discourse]. Doctoral dissertation (Philology). Moskva, Ros. un-t druzhby narodov: 447. (In Russ.)

Matytsina, M. S. (2020) *Dinamika razvitiya angloyazychnogo immigratsionnogo diskursa* [The dynamics of the development of English-language immigration discourse]. Doctoral dissertation (Philology). Belgorod, Belgorodskiy gos. nats. issled. un-t: 340. (In Russ.)

Mel'nichuk, T. A. (2024) *Diskurs amerikanskogo predvybornogo prezidentskogo videorolika v dinamicheskem aspekte* [Дискурс американского предвыборного президентского видеоролика в динамическом аспекте]. PhD dissertation (Philology). Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskiy gos. ekonomicheskiy un-t: 216. (In Russ.)

Plavina, A. A. (2019) *Zhanrovo-stilisticheskie kharakteristiki angloyazychnogo traveloga v dinamicheskem aspekte* [Genre and stylistic characteristics of the English-language

travelogue in a dynamic aspect]. PhD dissertation (Philology). Volgograd, Volgogradskiy gos. un-t: 184. (In Russ.)

Starostina, Yu. S. (2022) Lingvoaksilogicheskaya chezhanrovaya model' i ee aktualizatsiya v angloyazychnom dramaturgicheskem diskurse [The linguoaxological speech genre model and its actualization in English-language dramatic discourse]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 11 (4): 131-152. (In Russ.)

Ulanov, A. V. (2014) *Russkiy voennyi diskurs XIX - nachala XX veka: struktura, spetsifika, evolyutsiya* [Russian Military Discourse of the 19th - early 20th century: structure, specifics, evolution]. Doctoral dissertation (Philology). Omsk. Om. gos. un-t im. F.M. Dostoevskogo: 494. (In Russ.)

Khramchenko, D. S. (2015) *Funktional'no-pragmaticheskaya evolyutsiya angliyskogo delovogo diskursa* [Functional

and pragmatic evolution of English business discourse]. Doctoral dissertation (Philology). Moskva. Mosk. gos. in-t mezhdu nar. otnosheniy: 448. (In Russ.)

Tsinker, T. N. (2015) Ob opyte diakhronicheskogo podkhoda k ustanovleniyu dinamiki tsennostey angloyazychnogo vospitatel'nogo diskursa [On the experience of a diachronic approach to establishing the dynamics of values in English-language educational discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. 5 (29): 101-108. (In Russ.)

Sharafutdinova, O. I. (2008) *Rechevye sredstva sozdaniya obraza ritora v politicheskem diskurse: dinamicheskiy aspect* [Speech tools for creating the image of a rhetorician in political discourse: a dynamic aspect]. PhD dissertation (Philology). Chelyabinsk. Chelyab. gos. ped. un-t: 287. (In Russ.)

© Миронова М.Ю., 2025

Информация об авторах:

Марина Юрьевна Миронова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №2, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, Россия, 191023. Автор 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста и дискурса, корпусная лингвистика, научная коммуникация.

Вклад авторов: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 28.05.2025; принята после рецензирования 15.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the authors:

Marina Yu. Mironova – Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, English Language Department №2, St. Petersburg State University of Economics, Griboedov canal emb., 30-32, St. Petersburg, Russia, 191023. Author of 60 scientific publications. Research interests: discourse and text linguistics, corpus linguistics, scientific communication.

Authors contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 28.05.2025; adopted after review 15.06.2025; published online 30.07.2025.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ
В РАМКАХ КОНЦЕПТА SAFETY/SECURITY**Евгения Александровна Нильсен¹, Мария Павловна Ефремова²**^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия¹ SPIN: 1244-6886, ORCID: 0000-0002-4424-0706, janenilsen@mail.ru² SPIN: 3029-1079, ORCID: 0000-0001-6041-6006, efremova.mp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности репрезентации слота «Безопасность личности» концепта SAFETY/SECURITY сквозь призму когнитивно-лингвистического подхода. Центральное место занимает изучение структуры и функционирования концептов, репрезентирующих различные виды угроз и способы обеспечения безопасности. Раскрывается динамика изменения восприятия концепта SAFETY/SECURITY от традиционного взгляда, связанного исключительно с защитой государства, к современному антропоцентрическому подходу («human security»). Особый интерес вызывает рассмотрение структуры фреймов, формирующих целостное представление о ситуациях риска и защиты. Для анализа используются методологические подходы когнитивной лингвистики, включая выделение компонентов концептов и их взаимодействие в процессе коммуникации. социальные, экономические и правовые аспекты.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, безопасность личности, human security, концепт SAFETY/SECURITY.

Original article

PERSONAL SECURITY WITHIN THE SAFETY/SECURITY CONCEPT

Evgeniya A. Nilsen¹, Maria P. Efremova²^{1, 2} St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia¹ SPIN: 1244-6886, ORCID: 0000-0002-4424-0706, janenilsen@mail.ru² SPIN: 3029-1079, ORCID: 0000-0001-6041-6006, efremova.mp@mail.ru

Abstract. The article examines the representing the slot “Personal Security” within the concept of SAFETY/SECURITY through the prism of cognitive linguistics approach. Central attention is given to studying the structure and functioning of concepts that represent various types of threats and methods of ensuring security. It reveals the dynamics of changes in perception of the SAFETY/SECURITY concept from traditional perspective focused solely on state protection towards modern anthropocentric approach (“human security”). Special interest lies in examining the structure of frames forming an integral representation of risk situations and protective measures. For analysis, methodological approaches of cognitive linguistics are used, including identification of conceptual components and their interaction during communication. Social, economic, and legal aspects are also considered.

Keywords: concept, cognitive linguistics, personal security, human security, SAFETY/SECURITY concept.

Среди разнообразия точек зрения на когнитивную науку выделяется определение, согласно которому она понимается как наука о системах, обеспечивающих получение информации и представление знаний [Кубрякова, 2004: 8-9]. Менее распространенным, но более точным считается понимание когнитивной науки как науки, которая изучает общие принципы, служащие для управления ментальными процессами [Кубрякова и др. 1996: 58]. Е. С. Кубрякова утверждает, что в задачи когнитивной науки, помимо исследования и характеристики систем, обеспечивающих представление знаний и процессов обработки информации, изучения общих принципов, определяющих структуру когнитивных

способностей человека как единый ментальный механизм, также входит установление и описание взаимосвязи и взаимодействия данных принципов [Кубрякова, 2004: 8-9].

Е. С. Кубрякова считает, что концепт есть единица «ментальных и психических ресурсов сознания человека»; отражение накопленных опыта и знаний, различные смысловые стороны которых актуализируются во время процесса мышления [Кубрякова, 1996: 90]. С ней согласны и другие исследователи. Так, Н. Н. Болдырев утверждает, что человек мыслит концептами. Последние понимаются им как некие идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в течение мыслительных процессов. Концепты, реализуемые в форме единиц, «квантов» знания, вбирают и передают содержание знаний, опыта, полученных человеком в течение жизни, а также результатов всей его деятельности и познания окружающего мира [Болдырев, 2001: 23].

Н. Н. Болдырев придерживается принципа выделения главных и второстепенных элементов концепта, называя их компонентами и концептуальными признаками, а также ядра, состоящего из конкретнообразных характеристик. Абстрактные признаки содержат комплекс теоретических специальных знаний об объектах; у них отсутствует строгая последовательность расположения, они носят индивидуальный характер. На основании этого ученый полагает, что у концепта отсутствует жесткая структура вследствие постоянного насыщения концепта новыми характеристиками [Болдырев, 2001: 24-30].

Концептуальный анализ реализуется через выявление некоторых концептуальных признаков. Последние можно выявить через исследование значений единиц, которые представляют концепт, путем изучения предлагаемых словарями дефиниций, речевых контекстов. Объектом такого анализа становятся значения и оттенки значения, которые передаются различными языковыми средствами – от отдельных лексических единиц до словосочетаний и произведений. Этот же анализ позволяет установить и принципы организации анализируемого языкового материала [Болдырев 2014: 46].

Фрейм, по мнению Н. Н. Болдырева, – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, 30 знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации. С точки зрения формального оформления фрейм представляет собой структуру узлов, вступающих в отношения подчинения (двухуровневая структура). Вершинные узлы фиксируют данные, неизменные для некоторой ситуации. Терминальные узлы (слоты), также именуемые вложенными фреймами, содержат переменную информацию (Минский, 1979). Путем активизации фрейма через подчиненные терминальные узлы можно воссоздать всю структуру ситуации в целом [Болдырев, 2014: 55].

Н. Н. Болдырев пишет, что концепт-фрейм представляет собой в значении слов, которые обнаруживают ассоциативные связи с другими словами и лексико-семантическими группами. В таком случае все дискретные характеристики, обнаруживаемые в значении слов и свойственные называемому объекту, оказываются сведенными в единое целое. Так, комплексно создается представление о некоторой рассматриваемой ситуации, знание обстоятельств которой и понимание развития событий, обусловленных ею, позволяет воспринимать значение конкретной языковой единицы как передающей концепт-фрейм [Болдырев, 2014: 90]. Фрейм – один из ключевых типов концепта – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении [Попова, Стернин, 2007: 119].

Структурно фрейм, детерминирующий некий концептуальный объект, формирует иерархию из терминальных узлов-слотов (терминалов) и нетерминальных узлов, заполненных конкретными сведениями и информацией. Терминал представляет и описывает предмет, его специфические черты, а также информацию об отношениях между объектами, о способе использования фрейма, о следующем действии или о действии, которое нужно выполнить, если предположение не оправдалось [Масленникова, 2000: 114].

В рамках антропоцентрического подхода человек оказывается центральным объектом защиты в теории безопасности. Восприятие государства как ключевого субъекта безопасности в XX веке претерпело изменения, и вектор внимания начал смещаться в сторону человека как субъекта безопасности. Теперь под безопасностью государства стали пониматься также устойчивость к внутренним и внешним потрясениям (угрозам), отсутствие в некотором отдельно взятом обществе, формируемом территорией и границами государства, социальных и политических конфликтов [Мизер, 2012: 92].

Начинает выделяться такой вид угрозы, как политическое давление, оно напрямую связывается с гражданской безопасностью и одним из ведущих направлений мировой деятельности – обеспечением базовых прав и свобод индивида [Andress, 2014]. Краеугольным камнем данного подхода к безопасности в современном мире стал отчет ООН от 1994 года, в котором в употребление вошли такие термины, как «свобода от нужд» (freedom from want) и «свобода от страха» (freedom from fear). В этом же отчете приводится и описание нового направления в рамках международной и внутренней безопасности, а именно *human security*. Под свободой от страха (freedom from fear) понимается свобода от страха физического насилия, а под свободой от нужды (freedom from want) – свобода от бедности, нехватки еды, воды, жилья. Также список угроз теперь включает наркотики, преступления, болезни, этнические конфликты, социальное неравенство, загрязнение окружающей среды, нарушение фундаментальных прав человека и другие угрозы, подрывающие существование человека [UNDP Human Development Report, 1994].

Термин *human security*, несмотря на его почти тридцатилетнее существование, является относительно новым в рамках политических наук и теории политической безопасности. Согласно энциклопедии Британника, он положил начало новому подходу к пониманию и развитию внутренней (national) и международной (international) безопасности. Отличительной чертой данного подхода следует назвать приоритет человека, его личности. При этом в фокус внимания в первую очередь попадает комплекс сфер обеспечения жизнедеятельности человека как отдельно взятого представителя общества, в первую очередь отмечаются экономическая сфера, социальная, правовая, здравоохранение, пищевая и другие.

Субъектами безопасности в рамках подхода *human security* являются люди; его цель – обеспечение защиты человека не только от традиционных угроз классического направления, носивших преимущественно милитаристский характер, но и новых, нетрадиционных угроз, в частности, бедности, болезней, голода; обеспечение базовых потребностей в еде, питье и других. Отправной точкой данного подхода считается принцип, согласно которому центральной фигурой безопасности выступает индивид. Обеспечение безопасности индивида позволяет обеспечить безопасность общества, а отсутствие безопасности личности приводит к дестабилизации всей системы. При этом подчеркивается, что доминирующее направление, фокусом которого является безопасность государства, резко снижает уровень безопасности и благополучия его граждан. Государство выступает гарантом безопасности граждан, однако безопасность государства как вершинного субъекта теории безопасности – недостаточное условие для безопасности и процветания личности [Encyclopedia Britannica].

Один из важнейших аспектов обеспечения безопасности личности – физическая безопасность человека. В английском языке нет единой лексической единицы для номинации данного аспекта, однако в англоязычных источниках с помощью SketchEngine были выявлены следующие эксплицирующие его коллокации: *personal security*, *physical security*, *human security*, *physical safety*, *life safety*.

Термин *personal security* встречается в рамках трудового права, где под ним понимается ситуация принятия соответствующих мер по предотвращению совершения преступления, а также комплекса мер по оказанию помощи в случае его реализации. Сюда включена защита людей от физического насилия, домашнего насилия, эксплуатации. Иными словами, термин *personal security* предусматривает принятие мер по защите от физического вреда, в отличие от нарушения личного пространства или иного умственного или духовного насилия [Pa. Commw. Ct., 1977: 237, 244], [Expert security tips].

Human security подразумевает не только физическую безопасность человека, но и другие аспекты безопасности личности. Согласно словарю MacMillan, *human security* – это ситуация, в которой люди чувствуют себя в безопасности, потому что владеют достаточным объемом имущества, которое им нужно для жизни, и не чувствуют угрозу от таких событий, которые вызывают чувство страха, например, война (a situation in which people feel safe because they have enough of the things they need to live and do not feel threatened by events such as war that make them afraid).

Единицы *physical security*, *physical safety* и *life safety* не фиксируются толковыми словарями, их значения выводятся из совокупности значений входящих в них единиц.

На основании анализа семантики номинаций безопасности личности можно вывести репрезентируемые ими общие когнитивные признаки: 1. Человек как субъект безопасности / объект защиты; 2.

Человек – физический объект, безопасность которого обеспечивается комплексом мер; 3. Угрозы существованию человека с точки зрения повреждения его физической оболочки: голод; нехватка воды; болезни; терроризм; войны; проблемы экологии; 4. Угрозы существованию человека в социальной сфере: социальное неравенство, бедность, этническая и иная дискриминация, нарушение прав человека; 5. Угрозы экономического характера; 6. Угрозы правового характера; 7. Угрозы безопасности личности можно объединить в группы, относящиеся к определенным сферам: социальной, экономической, правовой, экологической, информационной и т.д.

В СМИ широко представлен круг вопросов, посвященных безопасности личности. Например, статья «Home alarm systems: how can I improve my security?» освещает вопросы обеспечения физической безопасности человека и защиты его собственности, поднимая вопросы безопасности жилища. В статье The Guardian «Gender equality: empowered women raise healthier children» остро ставится проблема обеспечения достаточного питания женщин, а также подчеркивается важность свободы людей и право принимать решения о передвижении, распределении ресурсов.

Вопросы обеспечения питания поднимаются в статье «Breed insects to improve human food security: UN report»; вопросы финансовой стабильности и физической сохранности - в статье «Plight of the 'Physical Worker': Worn-Out Bodies and Little Savings»; обеспечение социальной и экономической поддержки – «The Pandemic Safety Net Is Coming Apart. Now What?».

Также вопросы поддержки сотрудников с детьми в рамках безопасности личности освещаются в издании The Wall Street Journal – «The Business Case for More Fertility-Related Benefits and Support».

Вопросы экологической безопасности эквивалентны в статье «Climate change a threat to security, food and humankind – IPCC report».

Вопросы обеспечения прав человека и здоровья – в статье «Hidden human rights crises threaten post-Covid global security – Amnesty».

Нарушение физической безопасности человека как объекта эксплицируется в статье «New Terror Attacks Leave France Embattled at Home and Abroad», где проявляется также угроза терроризма, уничтожения человека, а также в статье «Rise in Car Crash Deaths Prompts New Seat-Belt Push», где физическая безопасность человека оказывается связана с предметным миром (источник опасности) и вопросами здоровья.

Рассматриваемый слот обнаруживает широкую представленность в сфере профессиональной безопасности, а также в обществе, что доказывается его широким контекстным присутствием в материалах СМИ. Актуальность и правомерность выделения данного слота не представляют сомнения. Кроме того, слот «Безопасность человека (физическая безопасность человека, защита его собственности)», выделяемый в рамках терминала «Сфера / ситуации безопасности», имеет прочные связи со всеми терминалами фрейма SECURITY/SAFETY.

Список источников

- Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. Тамбов: ТГУ, 2001. 123 с.
- Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. Тамбов: ТГУ, 2014. 236 с.
- Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с. 53.
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Масленникова, Е. М. Фреймовое представление семантики текста / Е. М. Масленникова // Лингвистический вестник. Ижевск: «Sancta lingua», 2000. С.114-124.

Мизер, А. А. Политическая безопасность государства: постановка проблемы / А. А. Мизер // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2012. N1. С. 89-95.

Попова З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: ACT: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Andress, J. The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice / J. Andress. Amsterdam, Boston, London, New York, Oxford, Paris, San Diego, San Francisco, Singapore, Sydney, Tokyo: Syngress, 2014. 217 p.

Encyclopedia Britannica. Режим доступа: URL: <https://www.britannica.com> (дата обращения 11.08.2025).

Expert security tips. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.expertsecuritytips.com/personal/home/> (дата обращения 11.08.2025).

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us> (дата обращения 2016- 2025).

MacMillan Dictionary. Режим доступа: URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/national-security> (дата обращения 11.08.2025).

The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения 2016-2025).

UNDP *Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security* / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-1994> (дата обращения 02.10.2025)

References

Andress, J. (2014) *The Basics of Information Security: Understanding the Fundamentals of InfoSec in Theory and Practice*. Amsterdam, Boston, London, New York, Oxford, Paris, San Diego, San Francisco, Singapore, Sydney, Tokyo: Syngress: 217.

Boldyrev, N. N. (2001) *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliiskoy filologii* [Cognitive Semantics: Lecture Course in English Philology]. Tambov, TGU: 123. (In Russ.)

Boldyrev N. N. (2014) *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliiskoy filologii* / [Cognitive Semantics: Lecture Course in English Philology]. Tambov, TGU, 236. (In Russ.)

Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A short dictionary of cognitive terms]. Pod obshch. red. E. S. Kubryakovoy. Moscow, Filol. fak. MGU: 245. (In Russ.)

Encyclopedia Britannica. Rezhim dostupa: URL: <https://www.britannica.com> (data obrashcheniya 11.08.2025).

Expert security tips [Elektronny resurs] URL: <https://www.expertsecuritytips.com/personal/home> (data obrashcheniya 11.08.2025).

The Guardian. Rezhim dostupa: URL: <https://www.theguardian.com/us> (data obrashcheniya 2016-2025).

Kubryakova E. S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in the Cognition of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury: 560. (In Russ.)

MacMillan Dictionary. Rezhim dostupa: URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/national-security> (data obrashcheniya 11.08.2025).

Maslennikova, E. M. (2000) *Freymovoe predstavlenie semantiki teksta* [Frame Representation of Text Semantics]. *Lingvisticheskiy vestnik* [Linguistic Bulletin]. Izhevsk, Sancta lingua: 114-124. (In Russ.)

Mizer, A. A. (2012) *Politicheskaya bezopasnost' gosudarstva: postanovka problemy* [State Political Security: Formulating the Problem Scientific and Educational Issues of Civil Protection]. *Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoy zashchity*, 1: S. 89-95. (In Russ.)

The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com> (data obrashcheniya 2016-2025).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: Vostok-Zapad: 314. (In Russ.)

UNDP *Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security* / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-1994> (data obrashcheniya 02.10.2025)

© Нильсен Е.А., Ефремова М.П., 2025

Информация об авторах:

Евгения Александровна Нильсен - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, город Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 28.05.2025; принятия после рецензирования 24.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Мария Павловна Ефремова - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, город Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка текста. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 28.05.2025; принятия после рецензирования 24.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the authors:

Evgenia A. Nilsen – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English and Translation, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, 191023, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32, letter A.

Author contribution: concept development, research, preparation and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 28.05.2025; adopted after review 24.06.2025; published online 30.07.2025.

Maria P. Efremova - Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Language and Translation, St. Petersburg State University of Economics, Russia, 191023, St. Petersburg, Naberezhnaya Kanala Griboedova, 30-32, lit. A.

Author contribution: development of the concept, conducting research, and preparing the text. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 28.05.2025; adopted after review 24.06.2025; published online 30.07.2025.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIACOMMUNICATIONS & JOURNALISM

Научная статья

УДК 172.1

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВИСТИКЕ

**Наталья Ильинична Данилова¹, Дмитрий Святославович Бразевич²,
Жанна Сергеевна Сафронова³**

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ SPIN: 6368-9278, ORCID 0009-0008-0814-5630; nata7171@list.ru

² SPIN: 4338-3995, ORCID: 0000-0002-6205-10, brazevich1986@mail.ru

³ SPIN: 6176-1173, ORCID: 0000-0003-2231-5655, shan_safronova@mail.ru

Аннотация. В контексте цифровой трансформации коммуникационных практик возникает противоречие между возрастающей скоростью информационного обмена и необходимостью сохранения этических стандартов. В статье доказывается, что принципы коммуникативной этики, сформулированные С. Биби и Т. Мотетом, сохраняют свою эвристическую ценность для анализа современных цифровых коммуникаций, но требуют интеграции с концепцией этики ответственности. В статье также прослежена эволюция понятия «этика коммуникаций» в условиях семиотической перенасыщенности цифровой среды. Цель статьи – проанализировать принципы этики коммуникаций С. Биби и Т. Мотета в контексте вызовов современного цифрового общества и обосновать их взаимосвязь с концепцией этики ответственности. Задачи исследования включают: раскрытие эволюции понятия «коммуникативная этика»; анализ принципов Биби и Мотета через призму «этики ответственности»; выявление основных этических вызовов в цифровой среде; определение путей формирования этической коммуникативной среды. Научная новизна заключается в синтезе классической теории коммуникативной этики с философскими концепциями ответственности для диагностики проблем цифровой коммуникации.

Ключевые слова: этика, коммуникации, коммуникативная этика, информационная этика, знак, ответственность, ценности, этические принципы.

Original article

ETHICAL PRINCIPLES OF COMMUNICATIONS IN MODERN COMMUNICATION SCIENCES

Natalia I. Danilova¹, Dmitry S. Brazevich², Zhanna S. Safronova³

^{1, 2, 3} St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

¹ SPIN: 6368-9278, ORCID 0009-0008-0814-5630; nata7171@list.ru

² SPIN: 4338-3995, ORCID: 0000-0002-6205-10, brazevich1986@mail.ru

³ SPIN: 6176-1173, ORCID: 0000-0003-2231-5655, shan_safronova@mail.ru

Abstract. In the context of the digital transformation of communication practices, a contradiction arises between the increasing speed of information exchange and the need to maintain ethical standards. This article demonstrates that the principles of communication ethics formulated by S. Bibi and T. Mottet retain their heuristic value for analyzing contemporary digital communications but require integration with the concept of the ethics of responsibility. The article also traces the evolution of the concept of "communication ethics" in the context of the semiotic oversaturation of the digital environment. The purpose of this article is to analyze the principles of communication ethics proposed by S. Bibi and T. Motet in the context of the challenges of

contemporary digital society and to substantiate their relationship with the concept of the ethics of responsibility. The objectives of the study include: uncovering the evolution of the concept of "communication ethics"; analyzing Bibi and Motet's principles through the lens of the "ethics of responsibility"; identifying the main ethical challenges in the digital environment; and determining ways to develop an ethical communication environment. The scientific novelty lies in the synthesis of classical communication ethics theory with philosophical concepts of responsibility to diagnose the problems of digital communication.

Keywords: ethics, communications, communication ethics, information ethics, sign, responsibility, values, ethical principles.

Проблема исследования заключается в отсутствии комплексного подхода, связывающего классические принципы коммуникативной этики с концепцией ответственности субъекта в цифровой среде. Несмотря на наличие фундаментальных работ Биби и Мотета, Апеля, Йонаса, их потенциал для диагностики современных коммуникативных патологий остается нераскрытым в контексте семиотической перенасыщенности цифрового пространства.

Актуальность исследования обусловлена парадоксом современной коммуникации: с одной стороны, цифровые технологии предоставили беспрецедентные возможности для глобального обмена информацией, с другой – породили новые этические вызовы, связанные с дезинформацией, манипуляцией и эрозией личной ответственности. В условиях, когда традиционные этические регуляторы оказываются неэффективными [Vallor, 2016: 150], возникает необходимость в переосмыслении классических подходов к коммуникативной этике.

Методы и материалы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляют: принципы этики коммуникаций С. Биби и Т. Мотета как базовый аналитический инструмент; концепция «этики ответственности» Г. Йонаса, задающая нормативные основания; теория коммуникативного сообщества К.-О. Апеля как основа для понимания дискурсивных практик; семиотический подход Ю.М. Лотмана для анализа знаковой природы коммуникации. В работе применялся комплекс методов: теоретический анализ для выявления эволюции понятия «коммуникативная этика»; сравнительно-сопоставительный анализ для установления взаимосвязи между принципами этики и концепцией ответственности; систематизация и классификация для выявления соответствия между этическими нарушениями и принципами коммуникации. Эмпирическую базу составили: данные всероссийских опросов ВЦИОМ (2022-2024 гг.) о распространенности недостоверной информации; кейсы цифровых коммуникаций (рекламный ролик Pepsi, деятельность псевдотренеров); анализ современных практик в социальных сетях и мессенджерах.

Результаты и обсуждение. Антропологическая потребность человека в коммуникации и социальной принадлежности в условиях цифровой трансформации порождает новую исследовательскую проблематику. Информационная революция, характеризующаяся экспоненциальным ростом скорости и масштабов коммуникации, актуализирует вопрос о сохранении идентичности в глобальном информационном пространстве. Особую сложность представляет цифровая среда, где традиционные этические регуляторы демонстрируют свою неэффективность [Vallor, 2016: 175], что обуславливает необходимость обращения к концепции «этики ответственности».

Коммуникация (от лат. *communicatio* – «связь») представляет собой междисциплинарный конструкт, занимающий центральное место в современных социально-гуманитарных науках. Коммуникативная этика как специализированная область знания интегрирует методологические подходы социальной философии (анализ общественного сознания и ценностных парадигм), лингвистики (исследование речевого этикета), психологии (изучение эффективного взаимодействия) и социологии (теории коммуникационных процессов). В общественном дискурсе данное понятие ассоциируется с культурой повседневного общения, включая социально одобряемые модели поведения и соблюдение норм приличия [Котлярова, 2017:50].

Структура проблемного поля коммуникативной этики отличается значительной сложностью и включает два взаимосвязанных уровня. На нормативно-ценостном уровне функционируют категории нравственности, социальной ответственности, честности и справедливости, обеспечивающие ценности-

ные основания коммуникации. На инструментально-процессуальном уровне взаимодействуют знаниевые концепты: модели речевого взаимодействия, коммуникативные барьеры, принципы эффективного слушания и говорения, а также национальные речевые коды [Логвинова, 2025:272].

Существенное место в проблемном поле занимает этнокультурный аспект, проявляющийся в наличии специфических речевых кодов и ментально детерминированных моделей коммуникативного поведения. В русской лингвокультурной традиции такие коммуникативные добродетели, как терпимость, доброжелательность и предупредительность, находят отражение даже в этикетных формулах (например, пожелание здоровья при приветствии). Дистанцирующее «Вы – общение» выполняет не только функцию социальной дистанции, но и служит маркером уважительного отношения к коммуниканту [Логвинова, 2025:273].

Коммуникативная этика представляет собой динамическую систему, эволюционирующую параллельно с трансформациями социума. Цифровая революция начала XXI века, характеризующаяся формированием глобального информационного пространства и становлением цифрового общества, обусловила возникновение на базе традиционной коммуникативной этики новой отрасли – информационной этики [Котлярова, 2017:51].

Этика коммуникаций выполняет фундаментальную функцию в формировании ответственного мышления, опосредованного знаковыми системами. Именно этические основания определяют характер принятия решений индивидом в процессе коммуникации, выступая смысловым ядром всей коммуникативной деятельности.

Коммуникативная этика выполняет фундаментальную роль в современном коммуникативном пространстве, испытывающем дефицит этической рефлексии. Систематизация этических принципов, предложенная американскими исследователями С. А. Биби и Т. П. Мотет представляет собой комплекс взаимосвязанных положений, регулирующих коммуникативную практику [Биби, 2007:20-21].

1. Принцип осмысленности коммуникаций предполагает, что коммуникатор осуществляет ценностную рефлексию создаваемого контента, обеспечивая содержательную наполненность целенаправленного взаимодействия. Нарушение данного принципа демонстрирует деятельность псевдотренеров, распространяющих в мессенджерах эмоционально заряженный, но семантически пустой контент с целью манипуляции аудиторией и извлечения экономической выгоды, что приводит к девальвации коммуникации как таковой [Инфоцыгане: кто это и как распознать псевдотренеров по красивой жизни, 2024].

2. Принцип эффективности использования коммуникативных каналов акцентирует значимость верbalных и неверbalных средств передачи информации. Процесс интерпретации сообщения, детерминированный культурными традициями, уровнем образования и особенностями социализации реципиента, оказывает непосредственное влияние на достижение взаимопонимания между участниками коммуникации. Нарушение этого принципа наглядно демонстрирует глобальный скандал с рекламным роликом Pepsi 2017 года с участием модели Кендалл Дженнер. Компания попыталась использовать язык социального протеста (движение Black Lives Matter) и канал массовой культуры для продвижения своего продукта. В ролике Дженнер разрешала конфликт между протестующими и полицией, предложив им банку Pepsi. Однако аудитория декодировала это сообщение не как призыв к единству, а как циничную коммерциализацию и упрощение сложной социальной проблемы. Это вызвало мгновенную волну негатива в социальных сетях и традиционных СМИ, обвинения в лицемерии и вынудило компанию удалить ролик и принести извинения. Кейс показывает катастрофические последствия неудачного выбора коммуникативных кодов и полного непонимания того, как сообщение будет интерпретировано в конкретном социально-культурном контексте [PepsiCo Removed Scandalous Ad with Kendall Jenner, 2017].

3. Принцип рецепции неверbalных сообщений предполагает систематическое декодирование неверbalных сигналов коммуниканта с учетом его эмоционального состояния и актуальных переживаний. Эмпирические исследования подтверждают, что неверbalные компоненты коммуникации часто доминируют над верbalными в процессе формирования доверия. Публичные коммуникативные практики демонстрируют, что такие неверbalные маркеры, как пренебрежительная интонация или закрытая поза спикера, могут нивелировать содержательное наполнение верbalного сообщения и

привести к эрозии доверия аудитории [Вся эта бичевня: к чему приводили скандальные высказывания чиновников, 2021].

4. Принцип эмпатического слушания, логически продолжающий предыдущий, реконцептуализирует роль слушателя как активного участника коммуникативного процесса. Эффективный слушатель демонстрирует сенситивность к ценностно-потребностной сфере партнера, что предполагает учет не только когнитивных, но и аффективных аспектов коммуникации.

Классическим нарушением этого принципа в цифровой среде являются агрессивные («хейтерские») комментарии, где адресат не стремится вникнуть в суть сообщения, а его реакция основана на эмоциональной предвзятости. В противоположность этому, работа качественной службы поддержки, где модератор дает развернутые и персонализированные ответы – это пример соблюдения принципа вдумчивого слушания, ориентированного на диалог.

5. Принцип корректности информации выходит за рамки простой передачи ожидаемого контента, требуя герменевтического подхода к обеспечению смысловой адекватности сообщения [Биби, 2007: 23]. В условиях инфодемии соблюдение данного принципа становится стратегическим ресурсом противодействия дезинформации. Профессиональные стандарты журналистики, включающие фактчекинг и цитирование проверенных источников, презентируют институциональное воплощение данного принципа.

Историческая преемственность рассмотренных принципов не отменяет необходимости их адаптации к семиотически перенасыщенной цифровой среде. Доминирование знаковых систем в современных коммуникациях формирует новый способ действия, тесно связанный с категорией ответственности.

Этика ответственности функционирует как дискурсивный фильтр, селектирующий коммуникативные действия по критерию этичности. Последующий анализ будет ориентирован на выявление потенциала данной концепции для реинтерпретации классических принципов коммуникативной этики.

Анализ первого принципа позволяет констатировать дефицит осмыслинности в современных коммуникативных практиках. Важно подчеркнуть, что осмыслинность не предполагает перманентной тотальной рефлексии, но требует от коммуникатора глубокого самопознания, взвешенной артикуляции мыслей и ответственного подхода к формулированию вопросов и ответов. Нарушение данного принципа приводит к феномену потери идентичности, который становится все более распространенным в условиях цифровой среды. Таким образом, осмыслинность выступает ключевым фактором защиты от коммуникативной несостоенности.

Второй принцип акцентирует проблему интерпретации, кодирования и декодирования информации. Именно в процессе интерпретации окружающей действительности формируется индивидуальная и коллективная идентичность. Как убедительно демонстрирует семиотический подход Ю. М. Лотмана, через знаковые системы мы конструируем модели окружающего мира [Лотман, 2001:150]. Концепция семиосферы раскрывает важность семиотического пространства как условия множественности интерпретаций, что актуализирует вопрос об этике «оформления» знака в коммуникативном процессе.

Третий принцип основывается на невербальной коммуникации, которая в большинстве случаев обладает более высокой степенью доверия по сравнению с вербальными сообщениями. Эмоциональный интеллект и способность к расшифровке невербальных сигналов становятся критически важными компетенциями в современной коммуникации.

Четвертый принцип, выраженный максимой «Слушать – значит слышать», раскрывает слушателя как активного участника коммуникации. Практика активного слушания может быть рассмотрена как форма коммуникативного гостеприимства, суть которой заключается в развитии эмпатической чуткости к собеседнику. Этот принцип особенно актуален в контексте современного медиапространства, где многие блогеры демонстрируют эгоцентрическую ориентацию в ущерб диалогичности.

Пятый принцип предполагает корректную презентацию информации, что является индикатором личностной зрелости. Этичность и корректность выражения мыслей требуют учета жизненного опыта всех участников коммуникации, поскольку когнитивные схемы интерпретации индивидуальны. Ключевым условием реализации данного принципа является достижение смысловой адекватности при передаче сообщения, что обеспечивает эффективность коммуникации и свидетельствует о способности субъекта нести ответственность за свои мысли, решения и межличностные отношения.

Несмотря на свою теоретическую устойчивость, принципы коммуникативной этики сталкиваются с беспрецедентными вызовами в цифровой среде, где скорость и масштаб распространения информации нивелируют личную ответственность.

Систематизируя основные угрозы, можно наглядно продемонстрировать, как нарушаются рассмотренные выше принципы.

Для наглядной систематизации взаимосвязи между классическими принципами и современными вызовами представим соответствие в виде таблицы (см. Таблицу 1).

Таблица 1 – Взаимосвязь между классическими принципами и современными вызовами

Нарушение в цифровой среде	Нарушенный принцип	Краткое описание
Распространение фейковых новостей	Принцип 5 (Корректность)	Умышленное искажение фактов
Манипулятивный контент «инфоцыган»	Принцип 1 (Осмысленность)	Создание бессмысленного, но эмоционально заряженного контента
Цифровой троллинг	Принцип 3 (Восприятие невербальное.) и 4 (Вдумчивое слушание)	Провокация и игнорирование позиции собеседника
Информационная перегрузка	Принцип 2 (Эффективность каналов)	Невозможность адекватно декодировать лавину сообщений

Как наглядно демонстрирует Таблица 1, ключевые вызовы цифровой коммуникации имеют комплексный характер, нарушая сразу несколько этических принципов. Масштаб явления подтверждается исследованиями ВЦИОМ: 40% россиян регулярно сталкиваются с недостоверной информацией [ВЦИОМ представил данные исследования на тему недостоверной информации в Интернете, 2023], причем основными каналами ее распространения являются онлайн-платформы [ВЦИОМ: большинство россиян опасается за свои данные в интернете, 2024], что является прямым следствием нарушения принципов осмысленности и корректности (см. рисунок 1).

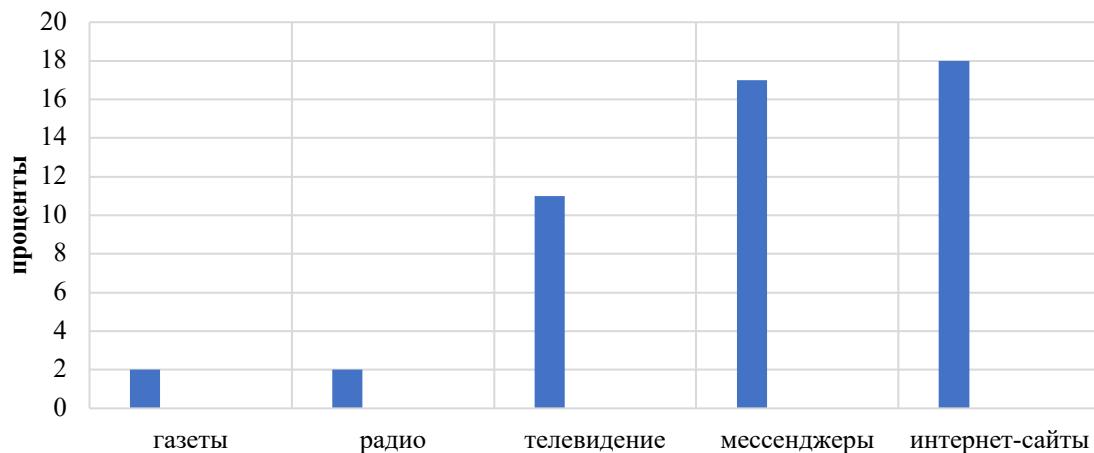

Рисунок 1 – Распределение каналов распространения недостоверной информации, с которыми сталкивались россияне. Источник: составлено авторами на основании [ВЦИОМ: большинство россиян опасается за свои данные в интернете, 2024]

Анализ тематики недостоверной информации показывает ее концентрацию вокруг наиболее социально значимых и политизированных тем, что усиливает деструктивный потенциал таких сообщений и их влияние на общественное сознание (см. рисунок 2).

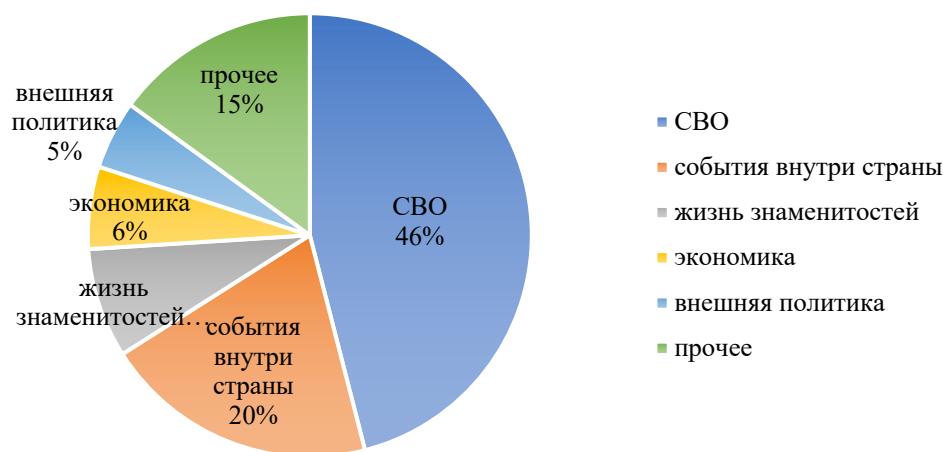

Рисунок 2 – Тематическая структура наиболее запомнившихся россиянам недостоверных новостей. Источник: составлено авторами на основании [ВЦИОМ: большинство россиян опасается за свои данные в интернете, 2024]

Общественное восприятие источников фейковых новостей демонстрирует, что россияне склонны видеть причину в целенаправленных действиях внешних и внутренних деструктивных сил, что актуализирует вопрос об этической ответственности конкретных коммуникаторов (см. рисунок 3).

Рисунок 3 – Причины и источники распространения фейковых новостей. Источник: составлено авторами на основании [ВЦИОМ: большинство россиян опасается за свои данные в интернете, 2024]

В свою очередь, такие нарушения, как цифровой троллинг и информационная перегрузка, подрывают саму возможность эмпатического общения и адекватного декодирования сообщений, трансформируя коммуникативное пространство в поле рисков. В этих условиях этика ответственности перестает быть личным выбором и становится необходимостью для выживания конструктивного диалога. Противостояние этим вызовам требует не только практических решений, но и глубокого теоретического осмысливания, которое предлагают работы К.-О. Апеля о коммуникативном сообществе и «этике дискурса», а также концепция «этики ответственности» Г. Йонаса, задающие нормативные основания для преодоления современных коммуникативных патологий.

Коммуникативные отношения лежат в основе создания сообществ людей, социального взаимодействия. В различных каналах коммуникации ключевым условием становится воспитание этики ответственности. Описанные выше принципы коммуникативной этики наглядно это демонстрируют. Однако современные коммуникационные процессы есть «тиpичные примеры, когда научно-технический прогресс пренебрегает этикой ответственности» [Лукьянова, 2014: 185]. Например, У К.-О.

Апеля есть тезис о том, что единственный выход из сложившейся ситуации – это создать договоренности, основанные на публичной воле. В таком процессе важна будет именно рациональная аргументация [Апель, 2001: 264]. К.-О. Апель развивает идею о взаимосвязи коммуникации и этики. Основой такой связи выступает понятие социокультурной идентичности. В различных ситуациях, когда человек вступает в коммуникацию, он должен самопререживать, саморефлексировать относительно собственного «Я» в коммуникациях [Апель, 2001: 277]. Этические проблемы коммуникативности, рассмотренные К.-О. Апелем, базируются на этике ответственности Г. Йонаса, которая решает вопросы этики коммуникаций, столь актуальные в современном мире и находит развитие в современных исследованиях цифровой этики [Козлова, 2006: 81].

Именно эта позиция дает возможность определить точки пересечения между общечеловеческими ценностями и основными принципами коммуникации. Итак, этика коммуникаций и этика ответственности – два взаимосвязанных понятия, суть которых в способе сохранения идентичности в контексте собственного «я». Именно посредством сохранения самоуважения возможно решение вопросов об этике ответственности в коммуникациях.

Преодоление описанных вызовов требует целостного подхода и совместных усилий на всех уровнях социальной организации.

На индивидуальном уровне ключевым представляется развитие цифровой грамотности и медиагигиены, включая умение распознавать манипулятивные техники и критически оценивать информацию.

На корпоративном уровне необходима разработка и внедрение этических чат-ботов, создание прозрачных правил модерации в сообществах и проведение корпоративных тренингов по цифровому этикету для сотрудников.

На образовательном уровне целесообразно введение курсов по медиаграмотности и коммуникативной этике в учебные программы вузов и школ, что соответствует рекомендациям экспертов в области цифровой грамотности и подтверждается успешной международной практикой [Итоги Недели цифрового обучения 2024 в России: Вклад Ассоциированных школ ЮНЕСКО, 2024].

На институциональном уровне, помимо развития правового регулирования, важнейшую роль играет продвижение инициатив по саморегулированию цифровых платформ и поддержка проектов верификации контента.

Таким образом, наблюдая процессы, протекающие в социальных сетях, мессенджерах, чатах, форумах, электронной почте, пока нельзя однозначно сказать, востребованы ли и в какой мере этические принципы в современном коммуникативном пространстве. Дезинформация, открытый доступ запрещенной информации, различные формы манипулирования сознанием, нарушения авторских прав и пиратство, передача личных данных третьим лицам, оскорблении достоинства, использование ненормативной лексики, эпатаж, троллинг, взлом чужих аккаунтов, спам, интолерантное отношение и прочее становятся достаточно распространенными явлениями. Очевидно, что подобного рода проблемы лежат не только в плоскости соблюдения этических норм, но и в поле правового регулирования. В перспективе, предложенные пути формирования этической коммуникативной среды, включая развитие цифровой грамотности и внедрение корпоративных этических стандартов, указывают на возможность преодоления данного кризиса и становления нового типа цифровой коммуникации, основанной на взаимном уважении и ответственности.

Список источников

- Апель, К. О. Трансформация философии / К. О Апель. М.: Логос, 2001. 338 с.
- Биби, С., Мотет, Т. П. Коммуникация и ценности / С. Биби, Т. П Мотет // Вестник РГГУ. 2007. № 1. С. 11-32.
- ВЦИОМ представил данные исследования на тему недостоверной информации в Интернете //Санкт-Петербургские ведомости. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-predstavil-dannye-issledovaniya-na-temu-nedostovernoy-

informatsii-v-internete/?ysclid=mgg9usu2mq535088201(lfnf (дата обращения 07.10.2025).

ВЦИОМ: большинство россиян опасается за свои данные в интернете// Telecomdaily URL: <https://telecomdaily.ru/news/2024/05/14/vciom-bolshinstvo-rossiyan-opasaetsya-za-svoi-dannye-v-internete> (Дата обращения 7.10.2025).

Вся эта бичевня: к чему приводили скандальные высказывания чиновников// РБК URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/24/08/2021/5d6e1af89a79>

- 475f3cd2b246?ysclid=mgfe5tms71183952558 (дата обращения 7.10.25).
- Инфоцыгане: кто это и как распознать псевдотренеров по красивой жизни// РБК: URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/64ae5d079a794759d8f28a60?from=copy> (дата обращения 7.10.25).
- Итоги Недели цифрового обучения 2024 в России: Вклад Ассоциированных школ ЮНЕСКО// национальная координационная сеть Ассоциированных школ ЮНЕСКО URL: <https://aspnet-unesco.ru/news/itogi-nedeli-cifrovogo-obucheniya-2024-v-rossii-vklad-associirovannyh-shkol-yunesko/> (дата обращения 7.10.25).
- Козлова, Н. П. Концепция моральной ответственности в философии Г. Йонаса / Н. П. Козлова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2006. № 2. С 71-82.
- Котлярова, О. В. Коммуникативная этика как культурный ориентир современного российского общества / О. В. Котлярова // Новая экономика и региональная наука. 2017. № 2 (8). С. 49-52.
- Логвинова, Н. А. Проблемное поле коммуникативной этики и цифровой этикет / Н. А. Логвинова // Социально-гуманитарное знание в первой четверти XXI века: коллективная монография. Воронеж: Научная книга, 2025. С. 271-283.
- Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
- Лукьянова, Н. А., Цедрик, В. В., Зольников, В. К. Об этике коммуникаций и этике ответственности / Н. А. Лукьянова, В. В. Цедрик, В. К. Зольников // Вестник науки Сибири. Серия: Общественные науки. 2014. № 2 (12). С. 182-186.
- PepsiCo удалила скандальную рекламу с Кендал Дженнер // ТАСС URL <https://tass.ru/obschestvo/4157986> (Дата обращения 7.10.2025).
- Vallor K. Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting. Oxford University Press, 2016. 309 p.

References

- Apel', K.O. (2001) *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Moscow, Logos: 338. (In Russ.)
- Bibi, S., Motet, T.P. (2007) *Kommunikatsiya i tsennosti* [Communication and Values]. *Vestnik RGGU*, 1: 11–32. (In Russ.)
- Infotsygane: kto eto i kak raspoznat' psevdotrenerov po krasivoy zhizni [Info-gypsies: Who They Are and How to Recognize Pseudo-coaches of the Glamorous Life]. *RBK* [online]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/social/64ae5d079a794759d8f28a60> (Accessed: 07.10.2025). (In Russ.)
- Itogi Nedeli tsifrovogo obucheniya 2024 v Rossii: Vklad Assotsiirovannykh shkol YUNESKO [Results of the Digital Learning Week 2024 in Russia: Contribution of UNESCO Associated Schools]. *Natsional'naya koordinatsionnaya set' Assotsiirovannykh shkol YUNESKO* [online]. Available at: <https://aspnet-unesco.ru/news/itogi-nedeli-cifrovogo-obucheniya-2024-v-rossii-vklad-associirovannyh-shkol-yunesko/> (Accessed: 07.10.2025).
- Kozlova, N. P. (2006) Kontseptsiya moral'noy otvetstvennosti v filosofii G. Yonasa [The Concept of Moral Responsibility in the Philosophy of H. Jonas]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, 2: 71–82. (In Russ.)
- Kotlyarova, O. V. (2017) Kommunikativnaya etika kak kul'turnyy oriyentir sovremennoogo rossiyskogo obshchestva [Communicative Ethics as a Cultural Guideline for Modern Russian Society]. *Novaya ekonomika i regional'naya nauka*, 2 (8): 49 - 52. (In Russ.)
- Logvinova, N.A. (2025) Problemnoye pole kommunikativnoy etiki i tsifrovoy etiket [Problem Field of Communicative Ethics and Digital Etiquette]. *Sotsial'no-gumanitarnoye znanie v pervoy chetverti XXI veka: kollektivnaya monografiya* [Social and Humanitarian Knowledge in the First Quarter of the 21st Century: Collective Monograph]. Voronezh, Nauchnaya kniga: 271–283. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb: 704. (In Russ.)
- Luk'yanova, N. A., Tsedrik, V. V., Zol'nikov, V. K. (2014) Ob etike kommunikatsiy i etike otvetstvennosti [On Communication Ethics and Ethics of Responsibility]. *Vestnik nauki Sibiri. Seriya: Obshchestvennye nauki*, 2 (12): 182–186. (In Russ.)
- PepsiCo udalila skandal'nyu reklamu s Kendall Dzhennner [PepsiCo Removed the Scandalous Advertisement with Kendall Jenner]. *TASS* [online]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/4157986> (Accessed: 07.10.2025). (In Russ.)
- Vallor, S. (2016) *Technology and the Virtues: A Philosophical Guide to a Future Worth Wanting*. Oxford University Press, 309.
- Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM): bol'shinstvo rossiyian opasayetsya za svoi dannye v internete [Russian Public Opinion Research Center: The Majority of Russians Fear for Their Data on the Internet]. *Telecomdaily* [online]. Available at: <https://telecomdaily.ru/news/2024/05/14/vciom-bolshinstvo-rossiyian-opasaetsya-za-svoi-dannye-v-internete> (Accessed: 07.10.2025). (In Russ.)
- Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM) predstavil dannye issledovaniya na temu nedostovernoy informatsii v Internete [Russian Public Opinion Research Center Presented Research Data on the Topic of Misinformation on the Internet]. *Sankt-Peterburgskiy vedomosti* [online]. Available at: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-predstavil-dannye-issledovaniya-na-temu-nedostovernoy-informatsii-v-internete/ (Accessed: 07.10.2025). (In Russ.)
- Vsya eta bichevnya: k chemu privodili skandal'nyye vyskazyvaniya chinovnikov [All This "Bichevnya": What the Scandalous Statements of Officials Led To]. *RBK* [online]. Available at: <https://www.rbc.ru/photoreport/24/08/2021/5d6e1af89a79475f3cd2b246> (Accessed: 07.10.2025). (In Russ.).

Информация об авторах:

Наталья Ильинична Данилова – кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023. Автор более 100 научных публикаций. Научные интересы: социология управления, цифровые технологии, массовая коммуникация, теория и практика рекламы и связей с общественностью.

Вклад автора: разработка концепции, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 11.05.2025; принята после рецензирования 29.05.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Дмитрий Святославович Бразевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023, Автор 84 научных публикаций. Научные интересы: социология управления, социальные технологии, коммуникационные технологии, правовое и этическое регулирование рекламы и связей с общественностью.

Вклад автора: разработка концепции, подготовка и редактирование текста. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 11.05.2025; принята после рецензирования 29.05.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Жанна Сергеевна Сафонова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 19102. Автор более 100 научных публикаций. Научные интересы: психология и социология общения, социология управления, экономическое поведение личности.

Вклад автора: разработка концепции, подготовка и редактирование текста. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 11.05.2025; принята после рецензирования 29.05.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the authors:

Natalya I. Danilova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Economics, Griboyedov Canal Embankment, 30-32, Saint Petersburg, 191023. Author of over 100 scientific publications. Research Interests: sociology, digital technologies, mass communication, theory and practis of public relations.

Author contribution: concept development, research, text preparation and editing, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 11.05.2025; adopted after review 29.05.2025; published online 30.07.2025.

Dmitry S. Brazevich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Economics, Griboyedov Canal Embankment, 30-32, Saint Petersburg, 191023. Author of 80 scientific publications. Research interests: sociology of management, social technologies, communication technologies, legal and ethical regulation of advertising and public relations.

Author contribution: concept development, research, text preparation and editing. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 11.05.2025; adopted after review 29.05.2025; published online 30.07.2025.

Zhanna S. Safronova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Personnel Management, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia nab. 30-32 Griboyedov Canal, St. Petersburg, 19102. Author of more than 100 scientific publications. Research interests: psychology and sociology of communication, sociology of management, economic behavior of the individual.

Author contribution: co concept development, research, text preparation and editing g. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 11.05.2025; adopted after review 29.05.2025; published online 30.07.2025.

Научная статья
УДК 81'44+ 316.77

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Чжоу Юнхуа¹, Лай Линчжи², Галина Сергеевна Мельник³

¹ Институт журналистики Китайского народного университета

^{2, 3} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² SPIN: 4649-8860, ORCID: 0000-0003-3180-9286, 1169478672@qq.com

³ SPIN: 4424-5434, ORCID: 0000-0001-5653-8668, g.melnik@spbu.ru

Аннотация. Статья анализирует трансформацию международной коммуникации под влиянием генеративного искусственного интеллекта (ИИ), выявляет ключевые возможности использования ИИ в информационной сфере: (автоматизация создания контента, его персонализация и модернизация коммуникационной инфраструктуры). Параллельно исследуются серьезные риски применения искусственного интеллекта, включая распространение дезинформации, угрозы информационной безопасности и углубление цифрового неравенства. Результаты исследования приводят к выводу: в контексте глубокой медиатизации генеративный искусственный интеллект (ИИ), представленный ChatGPT, по-разному изменяет медиаформу, экологию контента, механизм коммуникации и ценностную этику международной коммуникации. Хотя генеративный ИИ демонстрирует широкие перспективы применения, он также может нести в себе ряд потенциальных рисков, становясь технической переменной, которую нельзя игнорировать в международной коммуникации. Генеративный ИИ способен поставить под угрозу информационную безопасность и безопасность данных суверенных государств, усугубить дисбаланс в мировом порядке распространения информации. В заключение предлагаются пути международного сотрудничества, в частности между Китаем и Россией, для совместного использования потенциала и минимизации угроз генеративного ИИ.

Ключевые слова: международная коммуникация, генеративный искусственный интеллект, цифровая инфраструктура, сотрудничество Китая и России.

Original article

GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERNATIONAL COMMUNICATION: OPPORTUNITIES, RISKS, AND COOPERATION

Zhao Yonghua¹, Lai Lingzhi², Galina S. Melnik³

¹ School of Journalism, Renmin University of China

^{2, 3} Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

² SPIN: 4649-8860, ORCID: 0000-0003-3180-9286, 1169478672@qq.com

³ SPIN: 4424-5434, ORCID: 0000-0001-5653-8668, g.melnik@spbu.ru

Abstract. This article analyzes the transformation of international communication under the influence of generative artificial intelligence (AI). Key opportunities for using AI in the information sphere are identified: automation of content creation, its personalization, and the modernization of communications infrastructure. In parallel, the serious risks of using AI are examined, including the spread of disinformation, threats to information security, and the deepening of the digital divide. The results of the study lead to the conclusion that, in the context of deep mediatization, generative artificial intelligence (AI), represented by ChatGPT, is changing the media form, content ecology, communication mechanisms, and the value ethics of international communication in various ways. Although generative AI demonstrates broad application prospects, it can also carry a number of potential risks, becoming a technical variable that cannot be ignored in international communication. Generative AI has the potential to threaten the information security and data security of sovereign

states and exacerbate imbalances in the global information dissemination order. The conclusion suggests avenues for international cooperation, in particular between China and Russia, to share the potential and minimize the threats of generative AI.

Keywords: international communication, generative artificial intelligence, digital infrastructure, China-Russia cooperation.

Введение и постановка проблемы. Актуальность темы определяется научным интересом к системе эволюции международной коммуникации под воздействием такого фактора, как искусственный интеллект (ИИ). Генеративный ИИ может создавать контент автоматизированным и масштабным способом, осуществляя массовый сбор информации, перевод и мультимодальную обработку текста, значительно повышая производительность контента и креативность международной коммуникации [Беляев, 2020; Федоров, 2022; Штурмин, 2024]; генеративный ИИ доставляет информацию точным и интеллектуальным способом, получая понимание индивидуальных потребностей аудитории и улучшая соответствие информации и аудитории, что способствует дифференцированной мультикультурной коммуникации; генеративный ИИ отличается от традиционных средств массовой информации, он может стать новым типом интеллектуального субъекта коммуникации, способствуя углубленному человеко-машинному сотрудничеству в международной коммуникационной практике; в условиях нового витка технологической конкуренции генеративный ИИ также предоставляет возможности для совершенствования и модернизации цифровой инфраструктуры [Виноградова, Мельник, 2025].

Таким образом, в эпоху глубокой медиатизации генеративный искусственный интеллект (ИИ), флагманом которого является ChatGPT, [Korzynski et all, 2023; Pavlik, 2023] становится новой технологической доминантой, трансформирующей ландшафт медиа, контент, коммуникационные механизмы и ценностные ориентиры международной коммуникации. Ученые, занимающиеся аудитом алгоритмов, отмечают, что «проблемное машинное поведение» в алгоритмических системах обычно включает дискриминацию, эксплуатацию и неправильное суждение, а также различные типы поведения, характерные для этих категорий, на которые влияют такие факторы, как технология, политика и капитал [Bandy, 2021].

На фоне роста геополитической напряженности и социально-экономических противоречий возникает острая необходимость в создании более инклюзивной и эффективной системы глобального управления.

Генеративный ИИ, обладая революционным потенциалом, создает как новые возможности для повышения эффективности и креативности в сфере международного обмена, так и серьезные риски, включая распространение дезинформации и углубление цифрового неравенства [Пашенцев и др., 2020]. Целью данного исследования является комплексный анализ развития международной коммуникации в условиях экспансии генеративного ИИ, с акцентом на выявление системных возможностей, потенциальных угроз и перспектив инновационного сотрудничества, в частности между Китаем и Россией.

Методы и материалы исследования. В основе исследования лежит комплексный анализ современных трендов и вызовов, связанных с внедрением генеративного ИИ в информационную сферу и международную коммуникацию. Методологической основой работы выступает структурно-функциональный подход, позволяющий рассмотреть воздействие технологии на различных уровнях: производство контента, передача информации, реконфигурация субъектов коммуникации и трансформация цифровой инфраструктуры. Для анализа рисков применяется политэкономический подход, который учитывает влияние экономических интересов, властных отношений и идеологий на разработку и применение алгоритмов. Также используется концепция экологии коммуникации для оценки перспектив формирования новой коммуникационной экосистемы и разработки мер транснационального цифрового регулирования. Материалом для анализа послужили практики внедрения генеративного ИИ, отчеты технологических компаний, а также существующие модели международного сотрудничества в медиасфере.

Результаты исследования и обсуждение. Изучение большого массива зарубежных и российских научных источников (базы Academia, Scouler Google, Scopus) показало многоаспектность темы и позволило определить основные направления изучения ИИ. Медиаэксперты С. В. Володенков, С. Н.

Федорченко и М. Н. Печенкин посвятили исследование острой проблеме появления информационных рисков, угроз, вызовов, вызванных цифровизацией традиционных процессов социально-политической коммуникации в условиях развития технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей [Володенков и др., 2024]. Применение генеративных сетей в журналистике и перспективы их применения глубоко изучены российскими учеными [Бейнесон, 2023; Болдина, 2025, Виноградова, 2023; Иванова, 2021; Иляхина, Деева, 2023; Рубцова, 2024; Пузанова, Тертышникова, Павлова, 2024], китайскими [Су Синь, 2024; Сюй Чао, 2024] и зарубежными исследователями [Doembana, 2025; Lewis S.K. et all, 2025; Liu, 2024]. Тема выявления презентации и стратегий конструирования образа ИИ в российских СМИ в условиях внедрения и рутинизации алгоритмических технологий рассматривается в статьях А. Тертышниковой, где подчеркивается, что в сознании потребителей ИИ воспринимается как превосходящий возможности человека, что может «привести к антропоформизации технического прогресса, а значит породить новые этические и социальные вызовы» [Тертышникова, 2024].

Проблемы оптимальной работы с аудиторией с использованием ИИ обозначены в многочисленных в работах российских и зарубежных авторов [Doembana, 2025; Henestrosa et all, 2023].

В современном научном дискурсе активно обсуждаются ключевые технологии с использованием генеративных сетей в медиапроизводстве. Интерес ученых перемещается к изучению создаваемых сервисов, таких, как например, как Muck Rack, ориентированных на специалистов по связям с общественностью и СМИ [Карпович, 2023]. Эта тенденция неизменно нарастает и связана с обращением работников информационной сферы к нейросетям: почти 30 % российских журналистов применяют в своей работе технологии GenAI, которые генерируют текстовую и визуальную информацию. Генерация графической информации, иллюстраций, создание эксплейнеров, видеосюжетов, рилсов – одна из наиболее творческих возможностей нейросетей. «Особенно для младшего, цифрового поколения, для которого очень важен именно визуальный контент» [Мухина, Олешко, 2025]. Между тем, существует огромное количество узкоспециализированных нишевых СМИ, в которых изображения выполняют иллюстративную функцию. Подобные издания раньше использовали фотобанки, но, как показало исследования Сюй Чао, посещаемость фотобанков падает, а некоторые журналисты (пока в основном фрилансеры) уже сейчас полностью отказались от фотобанков в пользу нейросетей [Мухина, Олешко, 2025].

Ряд исследований предлагают оценку эффективности российских нейросетей YandexGPT и SberAI, а также зарубежных моделей Qwen, DeepSeek и Minimax в ав Qwen от Alibaba, DeepSeek от DeepSeek AI и Minimax от Hailuo, которые используются через веб-интерфейсы Асташкин, 2025]. Оригинальность российских разработок, таких, как YandexGPT и SberAI заключается в адаптации к локальным условиям. Проанализированы также возможности двух запущенных в 2025 г. нейросетей: «Дипсик» (DeepSeek) и «Квен 2.5 Макс» (Qwen2.5-Max) [Баранова, Невская, 2025].

Программы вроде ChatGPT или DeepSeek требуют постоянного обучения пользователей, а значит, становится важной подготовка медиаспециалистов, готовых извлекать профессиональные преимущества из взаимодействия с ИИ.

В большей части статей поднимается вопрос: будут ли традиционные СМИ полностью заменены интеллектуальными системами, или наступит эра гармоничного взаимодействия между человеком и машиной [Сюй Чао, 2024; Цзяхань, 2020].

Исследования в области медиакоммуникаций показывают: инструменты, управляемые искусственным интеллектом, позволяют манипулировать контентом и автоматизировать кампании по дезинформации, что еще больше усложняет работу журналистов по проверке данных.

Дезинформация становится действительно глобальной проблемой, которая формирует общественный дискурс, влияя на мнения и принятие решений в различных областях. Становится понятным, почему автоматизированная проверка политических заявлений, слухов и публичных заявлений на соответствие стандартам (AFC), стала важным средством борьбы с недостоверными фактами [Graves, 2022; Пашенцев, Фан, Дам, 2020; Liu et all, 2024].

Критический обзор научной литературы позволил сделать выводы о возможностях применения ИИ в информационной сфере и международной коммуникации.

1. Возможности для системной эволюции международной коммуникации:

Производство контента. Генеративный ИИ позволяет автоматизировать и масштабировать создание контента путем массового сбора и обработки информации, автоматического перевода и мультимодальной обработки (текст, изображение, аудио, видео), что значительно повышает эффективность и креативность.

Индивидуализация информации. Технология обеспечивает точную персонализацию информационных услуг и адресную доставку сообщений на основе анализа поведения пользователей, способствуя развитию дифференцированной мультикультурной коммуникации.

Взаимодействие человека и компьютера. Генеративный ИИ выступает как новый интеллектуальный субъект коммуникации, инициируя диалоги и расширяя круг участников, что углубляет чело-веко-машинное сотрудничество.

Трансформация инфраструктуры. Способность ИИ к автоматизированной обработке информации и высокоточной дистрибуции делает его ключевым инструментом для модернизации цифровой инфраструктуры и контент-платформ, укрепляя коммуникационный потенциал государств.

2. Потенциальные риски и проблемы:

Технические аспекты. Выявлены риски, связанные с технологиями глубокой фальсификации (deepfake), алгоритмической предвзятостью, усиливающей культурные стереотипы, и «эффектом черного ящика», ведущим к «технологическому бессознательному» у пользователей [Lewis at all, 2024].

Политические аспекты. Важность информационной войны в современных военных действиях возрастает на протяжении последних нескольких десятилетий, причем до такой степени, что медиатехнологии должны стать «четвертой ветвью» военных операций, такой же важной, как армия, флот и медиа [Horten, 2011].

Проанализирована опасность «вооружения» ИИ для ведения информационных войн, создания «информационного тумана», а также угрозы национальной безопасности данных и информационному суверенитету [Базаркина, 2021; Lewis S.K. at all, 2019].

Экономические аспекты. Обсуждена проблема цифрового неравенства, вызванная высокой стоимостью разработок и доминированием западных технологических гигантов, что может привести к формированию новых анклавов цифрового капитализма и усилению дисбаланса в международном коммуникационном влиянии;

3. Перспективы сотрудничества:

В настоящее время продолжается сотрудничество Китая и России в сфере СМИ, намечается рост взаимного интереса аудитории в соцсетях российских и китайских медиа, формируется обмен опытом и происходит совместное развитие контента [Цзя Лежун, Стровский, Сузорецкая, 2020]. Тесные связи завязываются между МИА «Россия сегодня», телеканалом RT, ТАСС, «Российской газетой», ВГТРК, Первым каналом Ассоциацией анимационного кино, Синьхуа, Медиакорпорацией Китая, China Daily и Мигу Минцифры РФ сообщает: В городе Нанкин в сентябре 2023 г. прошло 16-е заседание Российско-Китайской Подкомиссии по сотрудничеству в области СМИ и Российской-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству [О сотрудничестве России и Китая в медиасфере], в результате утвержден план из 76 российско-китайских медиамероприятий на текущий год. Подписан меморандум о сотрудничестве между Медиакорпорацией Китая и «Российской газетой». В прессе оцениваются перспективы дальнейшего сотрудничества [Российские и китайские СМИ могут усилить сотрудничество, 2023].

На примере китайско-российского партнерства предложены пути инновационного сотрудничества для смягчения рисков и использования возможностей генеративного ИИ. К ним относятся:

Углубление сотрудничества в исследованиях и разработках генеративного ИИ.

Совместное формирование цифровой инфраструктуры, отвечающей интересам сторон.

Создание действенной системы транснационального цифрового управления на основе многосторонних консультаций.

Продвижение глобальной медиаэтики, основанной на принципах правды и справедливости. Истина, человеческое достоинство и ненасилие являются основными понятиями глобальной этики СМИ [Акуличева, 2023; Christians, 2019]. Все страны должны быть привержены использованию генератив-

ного ИИ для создания правдивой, инклюзивной и справедливой новостной коммуникации, а не в качестве инструмента для создания дискриминации, введения общественности в заблуждение и продвижения военных программ.

Заключение. Таким образом, тема искусственного интеллекта – одна из самых запрашиваемых в поисковиках в 2023-2025 гг. Проведенное исследование демонстрирует, что генеративный искусственный интеллект оказывает глубокое системное воздействие на международную коммуникацию, открывая горизонты возможностей для ее оптимизации и одновременно создавая серьезные зоны риска. С одной стороны, технология способна революционизировать процессы создания и дистрибуции контента, обеспечить его персонализацию и модернизировать коммуникационную инфраструктуру. С другой стороны, она порождает беспрецедентные вызовы в области информационной безопасности, этики и глобального равенства. Успешная навигация в этой новой реальности требует не только осознания двойственной природы технологии, но и активизации международного сотрудничества. Стратегическое партнерство таких стран, как Китай и Россия, направленное на совместную разработку технологий, выработку норм управления и продвижение справедливой медиаэтики, может стать ключевым фактором формирования сбалансированной и инклюзивной экологии международной коммуникации в эпоху генеративного ИИ [Лежун, Стровский, Сузорецкая, 2024; Лукин, 2018; Штурмин, 2024].

При построении сильного ИИ принимаются во внимание явления коллективного бессознательного, физического дуализма, термодинамических и релятивистских эффектов и многого того, чего принципиально не может охватить современный узкий ИИ.

Список источников

- Акуличева, А. Р. Нейросеть и журналистика: этический вопрос использования умных технологий в СМИ / А. Р. Акуличева, С. А. Алиева // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 115–117. URL: <https://moluch.ru/archive/498/109426/> (дата обращения: 14.10.2025)
- Асташкин А. Нейросети в журналистике. Сравнительный анализ эффективности отечественных и доступных зарубежных моделей / А. Асташкин // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности : сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 26–29 марта 2025 г.) / отв. за вып. О. Ф. Автохутдинова ; М-во науки и высш. образования РФ, Урал. фед. ун-т им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. С. 115–118.
- Баранова, Е. А., Невская, А. А. Нейросети DEEPSEEK И QWEN2.5-MAX в медиапространстве России / Е. А. Баранова, А. А. Невская // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности : сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 26–29 марта 2025 г.) / отв. за вып. О. Ф. Автохутдинова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. 658 с.
- Бейненсон В. А. Применение генеративных нейросетей в журналистике: проблемы и перспективы / В. А. Бейненсон // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3. № 1. С. 352–359.
- Беляев, Ю. С. Риски применения искусственного интеллекта в межкультурном диалоге / Ю. С. Беляев // Философские науки. 2020. № 4. С. 88–100.
- Болдина, К. А. Проблема предвзятости текстовых генеративных нейросетей в контексте журналистской деятельности / К. А. Болдина // Медиа в современном мире. 64-е Петербургские чтения : Сборник материалов 64-го Междунар. научного форума. В 2-х тт., Санкт-Петербург, 23–26 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2025. – С. 223–224. EDN WBAFW
- Виноградова, К. Е. Развитие искусственного интеллекта и трансформация журналистики: новые возможности и вызовы / К. Е. Виноградова // Гуманитарный вектор. 2023. № 3. С. 121130.
- Виноградова, К. Е., Мельник, Г. С. Искусственный интеллект в журналистике: новые подходы к подготовке медиаспециалистов / К. Е. Виноградова, Г. С. Мельник // Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 4. DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0000
- Володенков, С. В., Федорченко, С. Н., Печенкин, М. Н. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам исследования / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко, М. Н. Печенкин // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Серия Политология. 2024. Вып.2. Т. 26. С. 406–408. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424.
- Злонамеренное использование искусственного интеллекта как угроза информационно-психологической безопасности: Северо-Восточная Азия и остальной мир: Материалы научных семинаров молодых исследователей в Санкт-Петербургском государственном университете и Дипломатической академии МИД России, 27 октября и 25 ноября 2021 г. / под ред. д-ра полит. наук Д. Ю. Базаркиной. М.: Сам Полиграфист, 2021. 52 с.
- Иванова, А. С. Искусственный интеллект в СМИ: перспективы и риски / А. С. Иванова // Медиасфера. 2021. Т. 6. № 2. С. 21–30.
- Иляхина, А. А., Деева, И. В. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в журналистике / А. А. Иляхина, И. В. Деева // Вестник науки. 2024. № 1. Т. 3 (70). С. 583–588.
- Карпович, Э. М. Автоматизация работы SMM-специалистов с помощью искусственного интеллекта /

- Э. М. Карпович // PR и реклама: традиции и инновации. Связи с общественностью: смыслы и технологии. 2023. С. 252-254.
- Мухина, О. С., Олешко, В. Ф. Нейросети для генерации иллюстраций: к проблеме адаптационных практик / О. С. Мухина, В. Ф. Олешко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 788–798. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-788-798.
- Пашенцев, Е. Н., Фан, К. Н. А., Дам, В. Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта в Северо-Восточной Азии и угрозы международной информационно-психологической безопасности / Е. Н. Пашенцев, К. Н. А. Фан, В. Н. Дам // Государственное управление. Электронный Вестник. 2020. Т. 80, 178-199. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10069
- О сотрудничестве России и Китая в сфере СМИ. URL: <https://digital.gov.ru/mediacontent/o-sotrudnichestve-rossii-i-kitaya-v-mediasfere> (дата обращения 25.10.2025).
- Пузанова, Ж. В., Тертышникова, А. Г., Павлова, У. О. Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта Ж. В. Пузанова, А. Г. Тертышникова, У. О. Павлова // RUDN Journal of Sociology, 2024 Vol. 24 No. 3 747–763 DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763
- Российские и китайские СМИ могут укрепить сотрудничество // Газета. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/06/26667224.shtml?ysclid=mg20j1p24p727028050>
- Рубцова, Н. В. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов / Н. В. Рубцова // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 1. С. 156–171.
- Су Синь. Технологические инновации в журналистике: как искусственный интеллект и автоматизация меняют информационное пространство /Су Синь // Аспект. Научно-издательский центр. <https://na-journal.ru/2-2024-jurnalistika/9503-tehnologicheskie-innovacii-v-jurnalistike-kak-iskusstvennyi-intellekt-i-avtomatizaciya-menyaют-informacionnoe-prostranstvo> (дата обращения: 26.09.2025).
- Сюй Чao. Процесс внедрения искусственного интеллекта в журналистику КНР / Сюй Чao // Медиа в современном мире. 64-е Петербургские чтения : Сборник материалов 64-го Междунар. научного форума. В 2-х тт., Санкт-Петербург, 23–26 апреля 2025 года. Санкт-Петербург: Медиапапир, 2025. С. 223-224. EDN WBAFWD.
- Тертышникова, А. Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта / А. Тертышникова // РУДН. Серия социология. 2024 <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763>
- Цзяхан, В. Производство новостей в интеллектуальной коммуникационной среде / В. Цзяхан. Пекин: China Radio and Television Press, 2020. 240 с.
- Bandy, J. (2021). Problematic Machine Behavior: A Systematic Literature Review of Algorithm Audits. Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction, CSCW'21, 1-34.
- Christians, C. G. (2019). Media Ethics and Global Justice in the Digital Age. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Doembana, I. A Systematic Literature Review of Artificial Intelligence in Journalism: Global Trends, Regulatory Challenges, and Ethical Framework. 2025, vol. 2, no. 2. <https://lonsuit.unismuhluwuk.ac.id/societo/article/view/3898> (accessed: 06.08.2025).
- Graves, L. Understanding the Promise and Limits of Automated Fact-Checking. Factsheet., 2018. pp. 1-8. Web 01.05.2023. <https://agency.reuters.com/content/dam/openweb/documents/pdf/news-agency/report/reuters-institute-graves-factsheet-180228.pdf>. (accessed: 26.09.2025).
- Henestrosa, A. L., Greving, H., Kimmerle, J. Automated journalism: The effects of ai authorship and evaluative information on the perception of a science journalism article. Computers in Human Behavior. 2023, Vol.138. P.107445.
- Horten, G. The Mediatization of War: A Comparison of the American and German Media Coverage of the Vietnam and Iraq Wars. American Journalism. 2011. 28(4). P. 29-53.
- Jiahua W. News Production in an Intelligent Communication Environment. Beijing: China Radio and Television Press, 2020. 240 p.
- Korzyński, P. Generative artificial intelligence as a new context for management theories: analysis of ChatGPT / Korzyński P., Mazurek G., Altmann A., Ejdys J., Kazlauskaitė R., Paluszakiewicz J., Wach K. Ziembka // Semantic Scholar. 2023 <https://www.semanticscholar.org/paper/Generative-artificial-intelligence-as-a-new-context-Korzyński-Mazurek/134c7410e1b58aa839de1c10c23a1c4934aad897> 2023 (accessed: 26.08.2025).
- Lewis, S. K. at all. (2025). Generative Artificial Intelligence and Its Destructive Impact on Journalism: An Institutional Analysis / Lewis S.K., Guzman A.L., Schmidt T.R., Lin B. Communication and Change. 2025. vol. 1. No. 9. (PDF) Generative AI and its disruptive challenge to journalism: an institutional analysis. (accessed: 26.09.2025).
- Liu Xingxue. Automated rhetorical move and step recognition in fact-checking articles with neural models / Liu Xingxue, Ningyuan Song, Kejun Chen, Ye Chen, Lei Pei. 2024. ScienceDirect. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0306457325002341>
- Ossewaarde, M., Gulenc, E. National varieties of artificial intelligence discourses: Myth, utopianism, and solutionism in West European policy expectations // Computer. 2020. Vol. 53. No. 11.
- On cooperation between Russia and China in the media sphere. URL: <https://digital.gov.ru/mediacontent/o-sotrudnichestve-rossii-i-kitaya-v-mediasfere>
- Pavlik, J. V. Collaborating with ChatGPT: Considering the Implications of Generative Artificial Intelligence for Journalism and Media Education. Journalism & Mass Communication Educator. 2023. Vol. 78. No. 1. Pp. 84–93. <https://doi.org/10.1177/10776958221149577>.
- Russian and Chinese media may strengthen cooperation // Gazeta URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/06/26667224.shtml?ysclid=mg20j1p24p727028050>
- Shturmin, S. M. Artificial Intelligence and Intercultural Communication: New Opportunities, Challenges, Risks / S. M. Shturmin // Young scientist. 2024. No. 32 (531). Pp. 26-29. URL: <https://moluch.ru/archive/531/117019/>
- Su Xin. Technological Innovations in Journalism: How Artificial Intelligence and Automation Are Changing the Information Space // Aspect. Scientific Publishing Center.

<https://na-journal.ru/2-2024-jurnalistika/9503-tehnologicheskie-innovacii-v-jurnalistike-kak-iskusstvennyi-intellekt-i-avtomatizaciya-menyaют-informacionnoe-prostранstvo> (accessed September

References

- Akulicheva, A. R. (2023) Nejroset` i zhurnalistika: e`ticheskij vopros ispol`zovaniya umny`x texnologij v SMI [Neural networks and journalism: the ethical issue of using smart technologies in the media]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 51 (498): 115–117. URL: <https://moluch.ru/archive/498/109426/> (accessed: 14.10.2025). (In Russ.)
- Astashkin, A. (2025) Nejroseti v zhurnalistike. Sravnitel`ny`j analiz e`ffektivnosti otechestvenny`x i dostupny`x zareubezhny`x modelej [Neural networks in journalism. Comparative analysis of the effectiveness of domestic and available foreign models]. *Cifrovaya zhurnalistika: texnologii, smy`sly` i osobennosti tvorcheskoy deyatel`nosti* [Digital journalism: technologies, meanings, and features of creative activity: collection of materials from the II International scientific and practical conference (Ekaterinburg, March 26–29, 2025) / responsible for the issue. O. F. Avtokhutdinova. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University: 115–118. (In Russ.)
- Bandy J. (2021). Problematic Machine Behavior. *A Systematic Literature Review of Algorithm Audits*. Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction, CSCW'21: 1-34.
- Baranova, E. A., Nevskaya, A. A. (2025) Nejroseti DEEPSEEK I QWEN2.5 MAX v mediaprostranstve Rossii [DEEPSEEK and QWEN2.5 MAX neural networks in the Russian media space] *Cifrovaya zhurnalistika: texnologii, smy`sly` i osobennosti tvorcheskoy deyatel`nosti* [Digital Journalism: Technologies, Meanings, and Features of Creative Activity: Collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, March 26–29, 2025) / Responsible for the issue: O.F. Avtokhutdinova]. Ekaterinburg: Publishing house of Ural University: 658. (In Russ.)
- Beinenson, V. A. (2023) Primenenie generativny`x nejrosetej v zhurnalistike: problemy` i perspektivy` [Application of Generative Neural Networks in Journalism: Problems and Prospects] *Dinamika mediasistem* [Dynamics of Media Systems], 3 (1): 352–359. (In Russ.)
- Belyaev, Yu.S. (2020) Riski primeneniya iskusstvennogo intellekta v Jiakhan, V. (2020) *News Production in an Intelligent Communication Environment*. Beijing, China Radio and Television Press: 240. (In Russ.)
- Boldina, K. A. (2025) Problema predvzyatosti tekstovy`x generativny`x nejrosetej v kontekste zhurnalistskoj deyatel`nosti [Context of Journalistic Activity] *Media v sovremenном мире* [Media in the Modern World. 64th St. Petersburg Readings]: Collection of Materials of the 64th International Scientific Forum. In 2 volumes, St. Petersburg, April 23–26, 2025. St. Petersburg, Mediapapir LLC: 223–224. EDN WBAFW. (In Russ.)
- Christians C. G. (2019). *Media Ethics and Global Justice in the Digital Age*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Doembana I. (2025). *A Systematic Literature Review of Artificial Intelligence in Journalism: Global Trends, Regulatory Challenges, and Ethical Framework*, 2 (2). <https://lonsuit.unismuhluwuk.ac.id/societo/article/view/3898> (accessed: 06.08.2025).
- Graves L. *Understanding the Promise and Limits of Automated Fact-Checking. Factsheet*, 2018: 1-8. Web 01.05.2023. <https://agency.reuters.com/content/dam/openweb/documents/pdf/news-agency/report/reuters-institute-graves-factsheet-180228.pdf>. (accessed: 26.09.2025).
- Henestrosa A.L., Greving H., Kimmerle J. (2023). Automated journalism: The effects of AI authorship and evaluative information on the perception of a science journalism article. *Computers in Human Behavior*, (138): 107445.
- Horten G. (2011). *The Mediatization of War: A Comparison of the American and German Media Coverage of the Vietnam and Iraq Wars*. *American Journalism*, 28(4): 29-53.
- Ivanova, A. S. (2021) Iskusstvenny`j intellekt v SMI: perspektivy` i riski [Artificial Intelligence in the Media: Prospects and Risks]. *Mediasfera* [Mediasphere], 6(2): 21–30. (In Russ.) (In Russ.)
- Jiahan W. (2020). *News Production in an Intelligent Communication Environment*. Beijing, China Radio and Television Press: 240.
- Ilyakhina, A. A., Deeva, I. V. (2024) Perspektivy` primeneniya texnologij iskusstvennogo intellekta v zhurnalistike [Prospects for the Application of Artificial Intelligence Technologies in Journalism] *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 1. Vol. 3 (70): 583–588. (In Russ.)
- Karpovich, E. M. (2023) Avtomatizaciya raboty` SMM-specialistov s pomoshh`yu iskusstvennogo intellekta [Automation of SMM Specialists' Work Using Artificial Intelligence]. *PR i reklama: tradicii i innovacii. Svyazi s obshchestvennostyu: smy`sly` i texnologii* [PR and Advertising: Traditions and Innovations. Public Relations: Meanings and Technologies]: 252–254. (In Russ.)
- Korzynski P. (2023). Generative artificial intelligence as a new context for management theories: analysis of ChatGPT / Korzynski P., Mazurek G., Altmann A., Ejdys J., Kazlauskaitė R., Paliszkiewicz J., Wach K. Ziembka. *Semantic Scholar*. <https://www.semanticscholar.org/paper/Generative-artificial-intelligence-as-a-new-context-Korzyński-Mazurek/134c7410e1b58aa839de1c10c23a1c4934aad897> 2023 (accessed: 26.08.2025).
- Lewis S. K. at all. (2025). Generative Artificial Intelligence and Its Destructive Impact on Journalism: An Institutional Analysis / Lewis S.K., Guzman A.L., Schmidt T.R., Lin B. *Communication and Change*, 1(9). (PDF) Generative AI and its disruptive challenge to journalism: an institutional analysis. (accessed: 26.09.2025).
- Liu Xingxue (2024). Automated rhetorical move and step recognition in fact-checking articles with neural models / Liu Xingxue, Ningyuan Song, Kejun Chen, Ye Chen, Lei Pei. *ScienceDirect*. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0306457325002341>
- Mukhina, O. S., Oleshko, V. F. (2024) Nejroseti dlya generacii illyustracij: k probleme adaptacionny`x praktik [Neural Networks for Generating Illustrations: On the Problem of Adaptation Practices]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism], 29 (4): 788–798. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-788-798. (In Russ.)
- Ossewaarde M., Gulenc E. (2020). National varieties of artificial intelligence discourses: Myth, utopianism, and solutionism in West European policy expectations. *Computer*, 53 (11).

- Pavlik J. V. (2023). Collaborating with ChatGPT: Considering the Implications of Generative Artificial Intelligence for Journalism and Media Education. *Journalism & Mass Communication Educator*, 78 (1): 84–93. <https://doi.org/10.1177/10776958221149577>.
- Pashentsev, E. N., Fan, K. N. A., Dam, V. N. (2020). Zlonamerennoe ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v Severo-Vostochnoj Azii i ugrozy' mezhdunarodnoj informacionno-psixologicheskoy bezopasnosti [Malicious Use of Artificial Intelligence in Northeast Asia and Threats to International Information and Psychological Security]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj Vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin], 80: 178–199. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10069. (In Russ.)
- Puzyanova, Zh.V., Tertyshnikova, A. G., Pavlova, U. O. (2024) Texnologicheskij diskurs v rossiskix SMI: osnovny'e strategii v reprezentacii iskusstvennogo intellekta [Technological discourse in Russian media: main strategies in representing artificial intelligence]. *RUDN Journal of Sociology*, 24 (3): 747–763 DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763. (In Russ.)
- Rubtsova, N. V. (2024) Nejroseti v media: vozmozhnosti, problemy', perspektivy' dlya budushhix mediaspecialistov. [Neural Networks in Media: Opportunities, Challenges, and Prospects for Future Media Specialists]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiky* [Issues in the Theory and Practice of Journalism], 13 (1): 156–171. (In Russ.)
- Shturmin, S. M. (2024) Artificial Intelligence and Intercultural Communication: New Opportunities, Challenges, and Risks. *Young Scientist*, 32 (531): 26–29. URL: <https://moluch.ru/archive/531/117019/>
- Su Xin (2024). Technological Innovations in Journalism: How Artificial Intelligence and Automation Are Changing the Information Space. *Aspect. Scientific Publishing Center*. <https://na-journal.ru/2-2024-jurnalistika/9503-tehnologicheskie-innovacii-v-jurnalistike-kak-iskusstvennyi-intellekt-i-avtomatizaciya-menyaют-informacionnoe-prostранstvo> (accessed September)
- Tertyshnikova, A. (2024). Texnologicheskij diskurs v rossiskix SMI: osnovny'e strategii v reprezentacii iskusstvennogo intellekta [Technological discourse in Russian media: main strategies in representing artificial intelligence]. *Seriya sociologiya* [RUDN University. Sociology Series] <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763>. (In Russ.)
- Vinogradova, K. E. (2023) Razvitie iskusstvennogo intellekta i transformaciya zhurnalistiky: novy'e vozmozhnosti i vy'zovy' [Development of artificial intelligence and transformation of journalism: new opportunities and challenges]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector], 3: 121–130. (In Russ.)
- Vinogradova, K. E., Melnik G. S. (2025) Iskusstvennyj intellekt v zhurnalistike: novy'e podxody' k podgotovke mediashpecialistov [Artificial Intelligence in Journalism: New Approaches to Training Media Specialists]. *Voprosy' mediabiznesa* [Issues of Media Business], 4 (4). DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0000. (In Russ.)
- Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N., Pechenkin, M. N. (2024) Riski, ugrozy' i vy'zovy' vnedreniya iskusstvennogo intellekta i nejrosetevy'x algoritmov v sovremennoj sistemue social'no-politicheskix kommunikacij: po materialam issledovaniya [Risks, Threats, and Challenges of Implementing Artificial Intelligence and Neural Network Algorithms in the Modern System of Sociopolitical Communications: Based on Research Materials]. *Vestnik Ross. un-ta druzhby narodov. Seriya Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Political Science Series], 2 (26): 406–408. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424. (In Russ.)
- Xu Chao (2025) Process vnedreniya iskusstvennogo intellekta v zhurnalistiku KNR [The Process of Implementing Artificial Intelligence in Journalism in the PRC]. *Media v sovremennom mire. 64-e Peterburgskie chteniya* [Media in the Modern World. 64th St. Petersburg Readings: Collection of Materials of the 64th International Scientific Forum. In 2 volumes, St. Petersburg, April 23–26, 2025. St. Petersburg, Mediapapir: 223–224. EDN WBAFWD. (In Russ.) (In Russ.)
- Zlonamerennoe ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta kak ugroza informacionno-psixologicheskoy bezopasnosti: Severo-Vostochnaya Aziya i ostal'noj mir: Materialy nauchny'x seminarov molodyy'x issledovatelej v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete i Diplomaticeskoy akademii MID Rossii, 27 oktyabrya i 25 noyabrya 2021 g. / pod red. d-ra polit. nauk D. Yu. Bazarkinoj (2021) [Malicious Use of Artificial Intelligence as a Threat to Information and Psychological Security: Northeast Asia and the Rest of the World. Proceedings of the Scientific Seminars of Young Researchers at St. Petersburg State University and the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, October 27 and November 25, 2021 / edited by Doctor of Political Sciences D. Yu. Bazarkina]. Moscow, Sam Polygraphist: 52. (In Russ.).

© Чжао Юнхуа, Лай Линчжи, Мельник Г.С., 2025

Информация об авторах:

Чжао Юнхуа – доктор филологических наук, профессор Института журналистики, Китайский народный университет, проспект Чжунгуаньцунь, д.59, Пекин. Автор более 200 статей. Сфера научных интересов: международная коммуникация, межкультурная коммуникация, политическая коммуникация, теория и история журналистики, образ государства, дезинформация, информационная война, цветная революция, СМИ России и Центральной Азии, русская эмиграция в Китае, регионоведение и страноведение, китайско-российские отношения.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 25.05.2025; принята после рецензирования 24.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Лай Линчжи – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, Васильевский остров, 1 линия, д. 26, Санкт-Петербург. Автор более 40 статей. Сфера научных интересов: мягкая сила, имидж страны, взаимодействие СМИ и внешней политики страны, внешняя коммуникационная стратегия СМИ, межкультурная коммуникация, ценностные ориентации журналистов, журналистика в странах Восточной и Южной Азии, теория и практика международной журналистики.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 25.05.2025; принята после рецензирования 24.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Галина Сергеевна Мельник – доктор политических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Васильевский остров, 1 линия, д. 26, Санкт-Петербург. Автор более 200 статей. Сфера научных интересов: политическая психология, политическая коммуникация, межкультурная коммуникация, теория и практика массмедиа, психология журналистского творчества, теория и практика современных, текстообразование, экстремизм в информационном пространстве, информационная безопасность.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 25.05.2025; принята после рецензирования 24.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the authors:

Zhao Yonghua – Doctor of Philology, Professor, School of Journalism, Renmin University of China, 59, Zhongguancun Avenue, Beijing. She has authored over 200 articles. Her research interests include international communication, intercultural communication, political communication, the theory and history of journalism, the image of the state, disinformation, information warfare, color revolutions, the media in Russia and Central Asia, Russian emigration in China, regional studies, and China-Russia relations.

Author contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 25.05.2025; adopted after review 24.06.2025; published online 30.07.2025.

Lai Lingzhi – PhD in Political Science, Associate Professor in the Department of International Journalism, Saint Petersburg State University (SPbSU), Vasilievsky Island, 1st Line, Bldg. 26, Saint Petersburg. Author of over 40 articles. Research interests include the interaction of media and national foreign policy, media external communication strategy, intercultural communication, journalists' value orientations, journalism in East and South Asia, and the theory and practice of international journalism.

Author contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 25.05.2025; adopted after review 24.06.2025; published online 30.07.2025.

Galina S. Melnik – Doctor of Political Science and Professor at the Department of Digital Media Communications at Galina Sergeevna Melnik – Doctor of Political Science, Professor in the Department of Digital Media Communications, St. Petersburg State University, Vasilievsky Island, 1st Line, Bldg. 26, St. Petersburg. She has authored over 250 articles. Field of scientific interests: psychology of mass communication, political journalism, political communication, psychology of journalistic creativity, theory and practice of modern media, text formation, extremism in the information space, information security.

Author contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 25.05.2025; adopted after review 24.06.2025; published online 30.07.2025.

УНИКАЛЬНЫЙ И ОРИГИНАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ В ОНЛАЙН-СМИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ И РОЛЬ В ПРОДВИЖЕНИИ

Екатерина Владимировна Тюнина

Мультимедийный информационный центр «Известия», Москва, Россия

ORCID: 0009-0007-1738-3836, e.v.tiunina@gmail.com

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена развитием онлайн-СМИ и появлением множества новых изданий, которые конкурируют преимущественно за счет оперативности подачи информации. Вследствие этого нередко наблюдается снижение качества контента, поскольку большинство изданий публикуют перепечатки чужих новостных материалов с минимальной переработкой. Вместе с тем для эффективного продвижения издания, привлечения аудитории и формирования положительной репутации критически важно выделяться за счет высокого качества контента. Качество, в свою очередь, обеспечивается уникальностью и оригинальностью материалов, однако данные понятия являются относительно новыми и пока не имеют четко установленных определений применительно к онлайн-СМИ. В настоящем исследовании проводится обзор современных трактовок понятий «уникальный контент» и «оригинальный контент», а также предлагаются авторские определения, направленные на устранение семантической неопределенности и дифференциацию их смысловых и функциональных характеристик. Особое внимание уделяется тому, что уникальность преимущественно относится к форме контента, тогда как оригинальность — к его содержанию. В статье также кратко анализируется влияние уникального и оригинального контента на эффективность продвижения медиапродуктов. Полученные результаты могут быть использованы в научных исследованиях и учебных пособиях по теории журналистики, функционированию интернет-СМИ и медиакоммуникации, а также в практической деятельности редакций с целью повышения качества контента в условиях конкурентной среды цифрового медиапространства. В работе применены методы классификации, сравнения, обобщения и описания.

Ключевые слова: контент, уникальный контент, оригинальный контент, онлайн-СМИ, продвижение, плагиат, рерайт, аудитория, контент-маркетинг.

Original article

UNIQUE AND ORIGINAL CONTENT IN ELECTRONIC MEDIA: DEFINITION OF CONCEPTS AND ROLE IN PROMOTION

Ekaterina V. Tiunina

Multimedia Information Center Izvestia, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0007-1738-3836, e.v.tiunina@gmail.com

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that under conditions of online media's development and the emergence of new media that compete with each other primarily in the speed of information delivery, its quality often suffers, since the vast majority of media publish reprints of other's news items with minimal rewriting. Meanwhile, in order to promote a publication, attract an audience and create a positive reputation, it is important to stand out from competitors with high-quality content. In turn, quality can be ensured through uniqueness and originality. However, these concepts are relatively new and do not yet have clear definitions in relation to electronic media. The study provides an overview of existing modern interpretations of the definitions of the concepts of "unique content" and "original content", proposes its own versions of definitions in order to eliminate the semantic blurring of the boundaries between these concepts and point out their semantic and functional differences. Attention is focused on the fact that the concept of uniqueness relates more to the form of content, and the concept of originality - to its content. The article also briefly

describes the impact of unique and original content on promotion efficiency. The results of the study can be applied in research and textbooks on the theory of journalism, the work of the media and media communications, as well as in the daily work of online media editors to improve the quality of content in the competitive environment of the digital media space. The article uses the methods of classification, comparison, generalization, description.

Keywords: content, unique content, original content, electronic media, promotion, plagiarism, rewriting, audience, content marketing.

Введение и постановка проблемы. С начала текущего столетия бурно развиваются онлайн-СМИ: у традиционных печатных медиа появились электронные версии; возникли новые издания, существующие только в электронном виде [Харченко, 2021: 67-68]. Причем некоторые интернет-площадки уже успели пережить пору расцвета и закрыться, а им на смену приходят все новые поколения электронных изданий.

Из-за непрекращающегося количественного роста онлайн-СМИ для сотрудников их редакций остро встает вопрос, как выделяться среди неисчислимых конкурентов и завоевать как можно большую аудиторию. Для привлечения посетителей сайтов и повышения ценности контента медиа используют различные средства, как правило, в разных комбинациях или всей совокупности: соревнуются в оперативности подачи информации, представляют эксклюзивные инсайды, разрабатывают нестандартные формы подачи материала, возрождают тематические лонгриды, которые стали относительной редкостью на фоне повсеместно заполонивших страницы медиа коротких новостей. Одним из эффективных и универсальных средств повышения ценности информационного наполнения ресурса является создание оригинального и уникального контента.

Эти понятия давно и очень активно используют как в маркетинге, так и в сферах СМИ и массовых коммуникаций. Однако автор статьи, имеющий многолетний опыт создания и организации контента и работающий в области его продвижения, в ходе обсуждений в разных творческих коллективах и при подготовке технических заданий для коллег столкнулся с тем, что подчас сотрудники СМИ не понимают сути этих определений, путают их или же считают тождественными. А в науке об СМИ пока нет их четких формулировок.

Указанная проблема определила цели и задачи исследования.

Цель исследования – дифференциация понятий «уникальный контент» и «оригинальный контент», формулировка их четких определений, а также краткое описание влияния уникального и оригинального контента на качество информационных продуктов, восприятие аудитории и эффективность продвижения.

Основные задачи исследования включают обзор существующих определений терминов «контент», «уникальный контент» и «оригинальный контент» в современных научных источниках; выделение и систематизация критерии и параметров, позволяющих объективно оценивать уникальность и оригинальность контента; определение роли уникальности и оригинальности в обеспечении конкурентоспособности контента в цифровом медиапространстве.

Результаты и обсуждение. В первую очередь остановимся на базовом понятии контента.

В отличие от более узких терминов «уникальный контент» и «оригинальный контент», оно хорошо описано. В частности, довольно подробный обзор формулировок понятия «контент» дал в своей статье «О соотношении понятий “текст” и “контент” в современной теории медиа» белорусский исследователь Д. О. Никонович [Никонович, 2021: 83-88]:

1. Контент – это «смысловое наполнение инфраструктурных элементов медиакоммуникационной системы», не имеющее материальной природы, но обладающее ценностью для всех участников данной системы, поскольку формирует искомые знания и эмоции у потребителей. Минимальной единицей контента является «самодостаточное и законченное по смыслу высказывание, созданное в любой доступной для адресата форме». То есть в такой трактовке контент – это содержание нематериальной природы, выраженное в тексте, видеозаписи, изображении или звуке [Вартанова, 2019: 89–90].

2. Контент – это совокупность текстов в медиа, формально и содержательно упорядоченных в соответствии с типом и форматом СМИ [Шестеркина, 2014: 51].

3. Контент – это вообще любая текстовая, графическая, аудио- или видеинформация, представленная на сайте издания [Баранова, 2019: 16, Градюшко, 2019: 220].

Отметим, что последнее, самое широкое определение наиболее распространено и фиксируется в словарях и справочниках в последние десятилетия [Словарь бизнес-терминов]. Именно в этом значении мы и будем употреблять его в работе.

Что касается термина «уникальный контент», то он входит в активный оборот с развитием интернета и поисковых систем, когда появилась необходимость отличать оригинальные материалы от копий и дубликатов. Доступные академические словари его пока не фиксируют, однако на многочисленных онлайн-ресурсах, посвященных маркетингу, уникальный контент определяется как не существовавший ранее.

Например, англоязычный Глоссарий контент-маркетинга дает следующее определение понятия: «Уникальный контент — это онлайн-контент, который создается так, чтобы полностью отличаться от любого другого контента, найденного в интернете. Создание такого контента чрезвычайно важно, поскольку он может улучшить поисковую оптимизацию (SEO). Противоположностью является дублированный контент, который можно найти слово в слово в интернете» [Content Marketing Glossary].

Термин «оригинальный контент» может быть связан с понятием «оригинальные программы», возникшим в начале 1980-х годов, когда американские кабельные сети начали самостоятельно производить собственные фильмы и сериалы. С тех пор оригинальными программами называют фильмы и сериалы, снятые по заказу кабельных сетей либо стриминговых платформ.

Термин «оригинальный контент» менее разработан, чем «уникальный контент». Его тоже пока нет в «статусных» словарях. А в русском сегменте интернета ему дает определение только построенная по принципу Википедии (то есть создаваемая пользователями Сети) неформатная энциклопедия современной культуры «Неолурк», изобилующая нецензурной лексикой и интернет-жаргоном. В отцензуриванной версии определение «Неолурка» выглядит следующим образом: «Оригинальный контент (англ. *original content*) — все, что сделано, собрано, описано самим автором (как правило, блогером), а не скопировано откуда-либо» [Неолурк].

В англоязычном сегменте интернета определение понятия встречаем на довольно популярном ресурсе Urban Dictionary: «Оригинальный контент – обычно онлайн-контент, который является новым, уникальным и/или оригинальным и был создан лицом, его разместившим. В более общем смысле это материалы медиа, письменные работы, шутки или разговорные темы, которые не являются банальными. Также это может быть новая итерация или поворот уже существующего интернет-мема. Противоположность оригинальному контенту – репост» [Urban Dictionary].

Как видно из существующих определений, грань между ними размыта: и уникальный, и оригинальный контент мыслится авторами словарей как полностью новый и не имеющий аналогов. Можно констатировать, что в Сети эти понятия фактически используют как дубликаты. Между тем, на наш взгляд, они отражают разные явления и сотрудникам онлайн-СМИ полезно четко их различать, чтобы создавать качественный информационный продукт, способствуя продвижению своих изданий. В связи с этим дадим свои определения этих терминов.

Уникальный контент – это такой тип контента, который технически не содержит точных копий или близких дубликатов в интернете. Уникальный текст может представлять собой переработанный или переформулированный материал стороннего источника, который сохраняет свой первоначальный смысл, но отличается от источника формой изложения.

Можно создать уникальный по форме текст, который не встречается в интернете, но при этом не содержит новых идей, концептуальных посылов или иного значимого наполнения по сравнению с первоисточником, – например, переписанный или адаптированный материал без добавления привнесенных автором переработки смыслов. Такой контент будет уникальным, но его нельзя считать оригинальным.

Таким образом, понятие уникальности относится к форме, а не к содержанию.

Сейчас существует немало инструментов, с помощью которых можно точно измерить уникальность, проверив текст на предмет совпадений формы. Это свободно или ограниченно доступные (вे-

домственные, корпоративные либо же платные) антиплагиатные сервисы, которые сравнивают проверяемый текст с уже опубликованными материалами и выдают результат в виде выделенных (как правило, цветом) совпадающих смысловых отрезков и подсчитывают степень уникальности, выраженную в процентах. Показателем абсолютной уникальности является отсутствие совпадений с текстами из других источников, то есть на 100 процентов созданная автором форма.

Типичными примерами уникального текста в контексте стратегий контент-маркетинга можно назвать так называемые SEO-статьи, подготовленные в соответствии с актуальными трендами поисковых систем, то есть с наиболее многочисленными и популярными запросами пользователей. К таким материалам относится статья РИА Новости про Пасху [Пасха: когда будет в 2025 году, суть и традиции праздника, 2025]. Ее автор скомпилировал общеизвестные сведения о главном христианском празднике: истории его возникновения, сакральном смысле, символике и атрибутике, методике расчета даты, церковных и народных традициях, связанных с Пасхой приметах и обычаях. Информация подана в статье в максимально доступной и хорошо структурированной форме, тематическими блоками, для ее восприятия не нужно обладать специфическими знаниями в истории, религии и культуре. Хотя многие читатели в той или иной степени осведомлены по этой теме, как показывает наш собственный опыт работы в СМИ, подобные компиляции пользуются повышенным вниманием, поскольку в удобном формате предлагают ключевую информацию по актуальному поводу.

Уникальной может быть и обычная новость на сайте, взятая из стороннего источника, но переписанная своими словами или, как принято говорить в медиасреде, подвергнутая рерайту. Например, 28 июня 2025 года ТАСС взяло комментарий у главы Российского союза промышленников и предпринимателей Александра Шохина, в котором тот заявил, что показатели снижения инфляции и ситуация в экономике позволят вскоре снизить ключевую ставку до 18%, а в обозримом будущем – до 13-15%. При этом ТАСС приводит три больших цитаты Шохина [Шохин: ключевая ставка может быть снижена, 2025]. Издание «Коммерсантъ» произвело рерайт новости, переформулировав лид новости с сохранением главного посыла и оставив в теле заметки из всего сказанного Шохином журналисту ТАСС два коротких пассажа по сути ожидаемых на финансовом рынке перемен [Глава РСПП ожидает снижения ключевой ставки, 2025]. В итоге получилась уникальная подача уже опубликованной другим изданием информации.

Таким образом, признаками уникального контента являются неповторимость формы, отсутствие формальных аналогов (в случае с СМИ обычно текстовых). Уникальный контент весьма важен для медиапроизводства и продвижения как отдельного материала, так и разместившей его площадки в целом: приданье уникальности влияет на ранжирование контента в поисковых системах, дублированный текст или иной вид информации понижается в поисковой выдаче. Сотрудники редакций, особенно специалисты по продвижению, конечно, осведомлены об этом. Однако статистика показывает, что большинство онлайн-СМИ игнорируют необходимость публиковать уникальный контент – то ли из соображений большей важности оперативности выпуска новостей, то ли в силу дефицита квалифицированных кадров, то ли по другим причинам.

Проблема дословных перепечаток довольно широко освещена в научной литературе.

Так, исследователь К. В. Аксенов приводит в пример материал газеты «Комсомольская правда» от ноября 2020 года о Дне благодарения («День благодарения в 2020 году: история и традиции праздника»), который повторяет публикацию 2018 года. А фразы из него встречаются в других изданиях, даже украинского агентства УНИАН [Аксенов, 2021: 34].

Другой ученый С. Г. Корконосенко еще в 2012 году со ссылкой на данные Webscan Technologies отмечал, что 38% новостных заметок – это дословные перепечатки [Корконосенко, 2012: 237].

Об этой же проблеме писали многие зарубежные исследователи. Скажем, датский специалист Джонатан Хендрикс с бельгийской коллегой Аннелиен ван Ремуртер на основании анализа почти полутора миллионов новостей, опубликованных в период с 2018 по 2021 год четырьмя крупнейшими газетами Фландрии (Бельгия), установили, что контент изданий становится все более похожим [Hendrickx, 2024: 353-371].

А коллектив авторов из Франции проанализировал еще большую выборку – 2,5 миллиона документов – и обнаружил, что лишь 32,6% онлайн-контента является уникальным, и каждый уникаль-

ный контент фактически публикуется три раза: один раз на первоисточнике и дважды – в виде перепечаток другими средствами массовой информации, которые просто его копируют. По подсчетам французских исследователей, более 73% текстов СМИ содержат скопированную извне информацию, причем в среднем копируется 21% содержания документа [Cage, 2017].

Теперь обратимся к понятию оригинального контента. На наш взгляд, можно предложить следующую его формулировку.

Оригинальный контент – это тип контента, который отличается новизной содержания и творческой подачей. Оригинальный материал может быть полностью новым и отражать никем ранее не описанные события и реалии либо содержать общеизвестные факты, отсылки на опубликованные статьи и исследования, цитировать уже приводившиеся комментарии, но при этом подаваться под необычным авторским углом зрения, иметь смысловую добавленную стоимость (ценность). Ключевые типологические качества оригинального контента – аутентичность замысла и нешаблонность в первую очередь содержания.

То есть если понятие уникальности больше относится к форме подачи, то оригинальность – к смысловой составляющей контента.

Проще всего разницу между уникальным и оригинальным контентом проиллюстрировать на примере сериалов. Так, российский сериал «Мост» (2018-2020 гг.), который представляет собой адаптацию одноименного шведско-датского детективного телесериала корпорации DR1 и телевидения SVT (2011-2018 гг.), является уникальным, но не оригинальным. Он во многом дублирует замысел, сюжетные повороты, характеры персонажей оригинала, однако отражает совершенно иные внешние реалии. А вот российский сериал «Тайга» (2025) от компаний «Марс Медиа» и Premier – это оригинальный контент. Он содержит некоторые типичные для детективного жанра и мини-сериалов ходы и жанровые клише (запутавшийся главный герой, внутренние конфликты в среде правоохранителей, ложные и тупиковые пути расследования, раскрытие фигуры главного подозреваемого в финале), однако по замыслу это полностью оригинальный продукт.

Что касается онлайн-СМИ, то оригинальными могут быть новости (эксклюзивные инсайды о подоплеке уже состоявшегося события или анонс грядущего события, оперативная информация с места события, полученная корреспондентом и пр.), журналистские расследования и репортажи, тематические лонгриды. В пример можно привести лонгрид сайта «Лента.ру» «Женщины кормят взрослых детей грудью и записывают об этом видео. Зачем они это делают и почему это очень плохая идея?» [Улитина, 2025]. Его автор Е. Улитина исследует новый тренд соцсетей – публикацию видеороликов женщинами, кормящими грудью уже взрослых детей, вплоть до подросткового возраста. Журналист в нескольких тематических блоках описывает новое веяние, а также приводит мнения специалистов о влиянии длительного грудного вскармливания на физическое и психическое здоровье детей. Оригинальность материала заключается в том, что его автору удалось обратить внимание пользователей на необычное явление и рассмотреть его под проблемным углом зрения (вреда/пользы для здоровья).

Еще один пример оригинального контента – апрельский репортаж издания «РИА Новости Крым» о том, как город Керчь готовится к новому курортному сезону [Рыбалкин, 2025]. В материале коротко перечислено, что ожидает гостей города, когда они потянутся на полуостров после старта сезона отпусков. В фокусе внимания собкора издания прежде всего инфраструктура для отдыха и развлечений: гостиницы, пляжи, точки общепита, экскурсионные маршруты, местный фестиваль. Такой репортаж может быть полезен тем, кто еще не выбрал место отдыха, так как сжато описывает ключевые преимущества и удобства города.

Поскольку подобные материалы могут включать уже публиковавшиеся тексты, то проверка на оригинальность с помощью сервисов антиплагиата не всегда может показать корректный результат. В повседневной редакционной работе эффективным инструментом проверки на оригинальность оказывается экспертная оценка опытных сотрудников.

Оригинальный контент важен для продвижения издания: он положительно влияет на расширение и вовлеченность аудитории. Ведь оригинальные материалы – это то, что делает издание неповторимым, выделяет его среди сотен и тысяч сетевых СМИ.

По типу работы с информацией исследователи различают электронные медиа контентосоздающие и контентопотребляющие [Тулисова, 2017: 233]. К первым относятся в основном крупные

агентства, чьи корреспонденты добывают информацию на местах. Вторые, которых большинство, перепечатывают чужую информацию, подвергая ее переработке или с минимальным рерайтом. Несмотря на ключевую роль для сбора просмотров скорости подачи новости и физическую невозможность многих изданий быть первоисточником информации, а значит, контентосозидающими СМИ, для чего нужно иметь разветвленную сеть корреспондентов по всему миру с доступом к официальным лицам и учреждениям, ученые отмечают необходимость делать уникальный и оригинальный контент. Даже при выпуске срочной новости, когда редакции стараются опередить конкурентов и попасть в 5-10-минутный промежуток времени с момента выхода пресс-релиза или сообщения крупного информагентства, уникальность можно обеспечить за счет заголовка, добавления сопутствующей информации (исторической справки, разъяснения специального термина, комментариев из соцсети и т.п.), иллюстративного материала (скажем, фотографии из базы издания) [Аксенов, 2021: 34]. Оригинальным же всегда будет – в силу самой природы жанров – репортаж, интервью, авторская колонка, комментарий эксперта или политика, опрос аудитории издания [там же, с. 35].

Заключение. Мы уже коротко объясняли, почему важен уникальный и оригинальный контент. Подытожим более развернуто эту мысль.

Во-первых, уникальный и оригинальный контент позволяет изданию выделиться из ряда многочисленных однотипных СМИ, выдающих стандартизированный и гомогенизованный медиапродукт [Олешко, 2020: 83]. Во-вторых, информационный продукт высокого качества, с, так сказать, добавленной благодаря уникальности и оригинальности ценностью, которой не обладают дословные перепечатки, привлекает аудиторию и, что не менее важно, позволяет ее удерживать [Вебер, 2024: 152]. Предпочтение аудитории именно такого качественного продукта уже доказаны исследованиями: по их данным, для более 80 % потребителей медиаконтента скорость появления информации на ресурсе перестает быть главной при выборе ее источника. Переизбыток унифицированного контента пробудил у аудитории желание получать информацию с добавленной ценностью, «комментированную без назидательности, политических и иных интенций» [Олешко, 2020: 114]. А по данным западных ученых, увеличение на 50 процентных пунктов показателя уникальности статьи приводит к увеличению на 39% количества ее репостов в «Фейсбуке» (принадлежат Meta, которая признана в России экстремистской организацией и запрещена) [Cage, 2017], что является признаком интереса аудитории к материалу. В-третьих, уникальный и оригинальный контент в силу первых двух обстоятельств способствует эффективности продвижения бренда издания и привлечению рекламодателей.

Уникальность, оригинальность контента – важные, но недостаточные условия для создания эффективного с точки зрения продвижения издания контента. По мнению исследователей, не менее весомую роль играют паракстевые факторы: известность сайта в Сети и время публикации [Coscia, 2022]. По нашему убеждению, одним из ключевых особенностей эффективного контента является его соответствие интересам аудитории, о чем мы писали отдельно [Тюнина, 2024: 208–216]. Взаимодействие разных факторов и их влияние на продвижение в комплексе требует дальнейшего изучения.

Итак, для создания качественного медиапродукта, удержания аудитории и успешного продвижения издания работникам редакций необходимо отходить от простого дублирования чужих текстов, стремиться выпускать уникальный и оригинальный контент. В свою очередь, для этого следует различать эти понятия. Первое относится к форме и не имеет внешних соответствий на других источниках, то второй касается содержания: замысла, смыслового наполнения.

Список источников

- Аксенов, К. В., Багдасарян, Д. А. Использование уникального информационного предложения как средства современной коммуникационной стратегии / К. В. Аксенов, Д. А. Багдасарян // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 31-40.
- Баранова, Е. А. Конвергентная журналистика. Теория и практика: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Е. А. Баранова. М.: Юрайт, 2019. 269 с.

Вебер, М. (Соловьева, М.) Стратегии и методы инфлюенс-маркетинга: уникальный контент как фактор эффективности / М. Вебер (М. Соловьева) // Символ науки № 10-1-2, 2024. С. 148-161.

Градюшко, А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста: учеб.-метод. пособие / А. А. Градюшко. Минск: БГУ, 2019. 239 с.

Корконосенко, С. Г. Журналистика сетевых СМИ: смена исследовательских парадигм или продолжение традиций? / С. Г. Корконосенко // Учёные записки ЗабГУ.

2012. № 2. С. 234-239. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhurnalistika-setevyh-smi-smena-issledovatelskih-paradigm-ili-prodolzhenie-traditsiy>
- Никонович, Д. О. О соотношении понятий «текст» и «контент» в современной теории медиа / Д. О. Никонович // Журналистика – 2021 : стан, проблемы і перспективы : матэрыялы 23-й Міжнар. наўук.-практ. канф., прысвеч. 100-годдзю Берарус. дзярж. ун-та, Мінск, 11 лістапада 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: В. М. Самусевіч (гал. рэд.) [і інш.]. –Мінск : БДУ, 2021. С. 83-88.
- Олешко, В. Ф. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти : монография / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 470 с.
- Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Факт журн. МГУ, Изд-во Моск. ун-та, 2019. 246 с.
- Оригинальный контент / Неолурк // URL: https://neolurk.org/wiki/Оригинальный_контент
- Пасха: когда будет в 2025 году, суть и традиции праздника [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20250421/paskha-1784063287.html> (Дата обращения 28.06.2025).
- Рыбалкин, В. Готовься к сезону с апреля – что ждет туристов этим летом в Керчи [Электронный ресурс] // URL: <https://crimea.ria.ru/20250425/gotovsya-k-sezonu-s-aprelyu-cto-zhdet-turistov-etim-letom-v-kerchi-1145964685.html> (Дата обращения 28.06.2025).
- Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001 // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/19497>
- Тулисова, В. А. Трансформация средств массовой коммуникации: от традиционных средств массовой информации к New Media / В. А. Тулисова // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 228-244.
- Тюнина, Е. В. Методика определения интереса массовой медийной аудитории / Е. В. Тюнина. // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2024. № 2. Том 2. С. 208–216.
- Улитина, Е. Женщины кормят взрослых детей грудью и записывают об этом видео. Зачем они это делают и почему это очень плохая идея? [Электронный ресурс] / Е. Улитина // URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/26/kormlenie/> (Дата обращения 28.06.2025).
- Харченко, А. С. Современные интернет-медиа и конвергенция СМИ / А. С. Харченко // Art Logos. 2021. № 4(17). С. 67-76.
- Шестеркина, Л. П., Лободенко, Л. К. От медиатекста к медиабренду: к вопросу о взаимодействии журналистики, рекламы и PR в конвергентных СМИ / Л. П. Шестеркина, Л. К. Лободенко // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2014. № 3. С. 50–55.
- Шохин: ключевая ставка может быть снижена к концу 2025 года до 13-15% [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/ekonomika/24380501> (Дата обращения 28.06.2025).
- Cage, Julia, Hervé, Nicolas, Viaud, Marie-Luce. The Production of Information in an Online World: Is Copy Right? // Portail HAL Sciences Po, 2017. Речь: <https://sciencespo.hal.science/hal-03393171/>
- Coscia, Michele, Vandeweerd, Clara. Posts on central websites need less originality to be noticed // Scientific Reports. 2022. vol. 12, no. 1. Речь: <https://www.nature.com/articles/s41598-022-19433-9>
- Hendrickx, Jonathan, Van Remoortere, Annelien. Exploring the link between media concentration and news content diversity using automated text analysis // Journalism. 2024. Vol. 25, Issue 2. Pp. 353-371.
- Original Content / Urban Dictionary // URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Original%20Content>
- Unique Content / Content Marketing Glossary // URL: <https://www.clickworker.com/content-marketing-glossary/unique-content/#:~:text=Unique%20content%20is%20online%20content>

References

- Aksenov, K. V., Bagdasaryan, D. A. (2021) Ispol'zovanie unikal'nogo informacionnogo predlozheniya kak sredstva sovremennoj kommunikacionnoj strategii [Use of Unique Informational Proposition as a Means of Modern Communication Strategy]. *Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2 (25): 31–40. (In Russ.)
- Baranova, E. A. (2019) *Konvergentnaya zhurnalistika. Teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Convergent Journalism. Theory and Practice: Textbook for Bachelor's and Master's Programs]. Moscow, Yurayt: 269. (In Russ.)
- Business Terms Dictionary (2001). Akademik.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/19497>
- Cage, Julia, Hervé, Nicolas, Viaud, Marie-Luce. (2017) The Production of Information in an Online World: Is Copy Right? *Portail HAL Sciences Po*. URL: <https://sciencespo.hal.science/hal-03393171/>
- Coscia, Michele, Vandeweerd, Clara (2022). Posts on central websites need less originality to be noticed. *Scientific Reports*, 12 (1). Речь: <https://www.nature.com/articles/s41598-022-19433-9>
- Gradyushko, A. A. (2019) *Osnovy tvorcheskoy deyatel'nosti veb-zhurnalista: ucheb.-metod. posobie* [Fundamentals of Creative Activity of a Web Journalist: Teaching and Methodological Manual]. Minsk: Belarus State University: 239. (In Russ.)
- Kharchenko, A. S. (2021) Sovremenny'e internet-media i konvergenciya SMI [Modern Internet Media and Media Convergence]. *Art Logos*, 4 (17): 67–76. (In Russ.)
- Korkonosenko, S. G. (2012) Zhurnalistika setevyh'x SMI: smena issledovatelskix paradigm ili prodolzhenie tradicij? [Journalism of Network Media: Change of Research Paradigms or Continuation of Traditions?] *Uchyonyye zapiski ZabGU* [Scientific Notes of ZabGU], 2: 234–239. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhurnalistika-setevyh-smi-smena-issledovatelskih-paradigm-ili-prodolzhenie-traditsiy>. (In Russ.)
- Nikonovich, D. O. (2021) O sootnoshenii ponyatiy «tekst» i «kontent» v sovremennoj teorii media [On the Correlation of the Concepts “Text” and “Content” in Contemporary Media Theory. *Zhurnalistika – 2021 : stan, problemy i perspektivy* [Journalism – 2021: State, Problems and Prospects: Materials of the 23rd International Scientific-Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Belarus State University, Minsk, November 11, 2021]. Belarus

- State University; Editorial board: V. M. Samusevich (chief ed.) et al. Minsk: BSU: 83–88. (In Russ.)
- Oleshko, V. F., Oleshko, E. V. (2020) *SMI kak mediator kommunicativno-kul'turnoj pamyati* [Mass Media as Mediator of Communicative-Cultural Memory: Monograph]; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Ural University Press: 470. (In Russ.)
- Original Content / Neolurk. URL: https://neolurk.org/wiki/Otechestvennaya_teoriya_media:_osnovnye_ponyatiya. Slovar'/_Domestic_Media_Theory:_Basic_Concepts. Dictionary] / Ed. by E. L. Vartanova. (2019) Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University; Moscow University Publishing: 246. (In Russ.)
- Paskha (Easter): Date in 2025, Meaning and Traditions of the Holiday [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20250421/paskha-1784063287.html> (accessed June 28, 2025).
- Rybalkin, V. (2025) Gotov'sya k sezonomu s aprelyu – chto zhdet turistov e'tim letom v Kerchi [Prepare for the Season from April – What Awaits Tourists this Summer in Kerch] [Electronic resource]. URL: <https://crimea.ria.ru/20250425/gotovsya-k-sezonu-s-aprelyu--chtoto-zhdet-turistov-etim-letom-v-kerchi-1145964685.html> (accessed June 28, 2025). (In Russ.)
- Tiunina, E. V. (2022) Methodology for Determining Interest of Mass Media Audience. *Bulletin of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*, 2, (2): 208–216. (In Russ.)
- Tulisova, V. A. (2017) Transformaciya sredstv massovoj komunikacii: ot tradicionnyx sredstv massovoj informacii k New Media [Transformation of Mass Communication Means: from Traditional Mass Media to New Media]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of Theory and Practice of Journalism], 6 (2): 228–244. (In Russ.)
- Shesterkina, L. P., Lobodenko, L. K. (2014) Ot mediateksta k mediabrendu: k voprosu o vzaimodejstvii zhurnalistiki, reklamy i PR v konvergentnyx SMI [From Media Text to Media Brand: On Interaction of Journalism, Advertising, and PR in Convergent Media]. *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Linguistics Series], 3: 50–55. (In Russ.)
- Shokhin: *Key Interest Rate May Be Reduced to 13–15% by the End of 2025* [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24380501> (accessed June 28, 2025).
- Ulitsina, E. (2025) *Women Breastfeed Adult Children and Record Videos About It. Why They Do It and Why It Is a Very Bad Idea* [Electronic resource]. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/26/kormlenie/> (accessed June 28, 2025).
- Weber, M. (Solovyeva, M.) (2024) Strategii i metody inflyuens-marketinga: unikal'nyj kontent kak faktor effektivnosti [Strategies and Methods of Influencer Marketing: Unique Content as a Factor of Effectiveness]. *Symbol nauki* [Symbol of Science], 10-1-2: 148–161.

© Тюнина Е.В., 2025

Информация об авторе:

Екатерина Владимировна Тюнина – начальник отдела продвижения контента, Мультимедийный информационный центр «Известия», г. Москва. Сфера научных интересов: медиааналитика, медиапсихология, медиапланирование, медиапроизводство, медиапотребление.

Вклад авторов: проведение исследования, определение понятий, подготовка текста. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.04.2025; принята после рецензирования 15.05.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the author:

Ekaterina V. Tiunina – Head of Content Promotion Department, Izvestia Multimedia Information Center, Moscow. Research interests: media analytics, media psychology, media planning, media production, media consumption.

Authors contribution: conducting the research, defining concepts, preparing the text. Received 13.04.2025; adopted after review 15.05.2025; published online 30.07.2025.

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

Научная статья

УДК 321.01

СВОБОДА КАК НЕ-ДОМИНИРОВАНИЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОРЕСПУБЛИКАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ И. БЕРЛИНА

Трофим Владимирович Козин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

SPIN: 3468-1860, ORCID: 0000-0001-8468-4750, kozintrofim@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу неореспубликанской концепции свободы как не-доминирования, разработанной Филиппом Петтитом, в контексте знаменитой дихотомии позитивной и негативной свободы, предложенной Исаией Берлиным. Актуальность исследования обусловлена непрекращающейся полемикой в политической философии вокруг определения свободы и претензий неореспубликанизма на преодоление берлиновской классификации. В работе последовательно реконструируются позиции Берлина и Петтита, выявляются ключевые аргументы последнего в пользу свободы как отсутствия произвольного вмешательства (non-domination). Основное внимание уделяется критическому разбору данной концепции: анализируются ее внутренние противоречия, такие как тезис о возможности «доминирования без активного вмешательства», смешение свободы с безопасностью и наличие в ней неэксплицированных позитивных элементов. Доказывается, что, вопреки заявлениям неореспубликанцев, их идеал не представляет собой третью, независимую концепцию, а является синтезом элементов берлиновской дихотомии. В заключении автор приходит к выводу, что, хотя критика Берлина и оказалась плодотворной для развития дискуссии, предложенная Петтитом альтернатива не лишена серьезных недостатков и не может считаться однозначно превосходящей берлиновский подход.

Ключевые слова: Исаия Берлин, неореспубликанизм, либерализм, Филипп Петтит, не-доминирование, позитивная свобода, негативная свобода.

Original article

FREEDOM AS NON-DOMINATION: A CRITICAL ANALYSIS OF THE NEOREPUBLICAN CONCEPT IN THE CONTEXT OF I. BERLIN'S DICHOTOMY

Trofim V. Kozin

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

SPIN: 3468-1860, ORCID: 0000-0001-8468-4750, kozintrofim@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the neorepublican concept of freedom as non-domination, developed by Philip Pettit, within the context of the famous dichotomy of positive and negative liberty proposed by Isaiah Berlin. The relevance of the study is determined by the ongoing debate in political philosophy regarding the definition of freedom and the claims of neorepublicanism to overcome the Berlinian classification. The work sequentially reconstructs the positions of Berlin, Skinner, and Pettit, identifying the latter's key arguments in favor of freedom as the absence of arbitrary interference (non-domination). The main focus is on a critical examination of this concept: its internal contradictions are analyzed, such as the thesis of the possibility of "domination without active interference," the conflation of freedom with security, and the presence of unacknowledged positive elements within it. It is argued that, contrary to the statements of the neorepublicans, their ideal does not represent a third, independent concept but is a synthesis of elements of the Berlinian dichotomy. In conclusion, the author asserts that while the criticism from Berlin has been fruitful

for the development of the discourse, Pettit's proposed alternative is not without serious shortcomings and cannot be considered unequivocally superior to the Berlinian approach.

Keywords: Isaiah Berlin, neo-republicanism, liberalism, Philip Pettit, non-domination, positive liberty, negative liberty.

Введение. Тема свободы присутствует в политico-философском дискурсе уже третье тысячелетие и до сих пор вызывает жаркие споры как внутри профессионального философского сообщества, так и далеко за его пределами. В разное время эти споры то затихали, то разгорались вновь, но вплоть до середины двадцатого века, как правило, были весьма хаотичными и потому не слишком плодотворными: число предлагаемых философами концепций все росло, а количество вопросов ничуть не уменьшалось, лишь приумножалось вместе с новыми идеями.

В этой гонке различных трактовок понятия свободы к началу двадцатого века в условные лидеры выбилась ее либеральная интерпретация. Дискуссия пошла на спад, но не прекратилась окончательно: продолжают появляться новые идеи (и идеалы) свободы, привнося в политическую философию еще больше разногласий и путаницы.

Попытку внести ясность в череду бесплодных дискуссий предпринял в 1958 году английский философ и историк идей Исаия Берлин, опубликовав свое знаменитое эссе «Два понимания свободы» [Берлин, 2014]. В нем мыслитель разделяет существующие идеи свободы на две концепции – негативную и позитивную.

В результате после публикации эссе Берлина старая дискуссия выходит на новый уровень. Споры выстраиваются уже не на противоборстве бесчисленного множества концепций свободы, а на противопоставлении двух выделенных Берлиным классов, разделяя философов на два «лагеря»: тех, кто отстаивает негативную концепцию, и тех, кто встает на защиту концепции позитивной.

Споры эти не прекращались на протяжении всей жизни Исаии Берлина, но, по иронии судьбы, в год его смерти выходит в свет книга ирландского философа Филипа Петтита «*Republicanism. A Theory of Freedom and Government*» (1997) [Pettit, 1997; Pettit, 2016], претендующая на решение сформулированной Берлиным дилеммы. В этой работе Петтит подвергает критике берлиновскую дилемму и формулирует третью концепцию свободы, уходящую корнями в политическую философию Древнего Рима и итальянских республик эпохи Ренессанса – концепцию свободы как недоминирования (non-domination).

Свою критику Петтит выстраивает на прочном фундаменте, заложенном историком политической мысли Квентином Скиннером. Предположение о том, что задолго до расцвета либерализма существовал некий отличный от современных представлений идеал свободы, последний сформулировал еще в 1978 году [Skinner, 1978] и затем развил ее в более поздних работах [Skinner, 1983; Skinner, 1984]. Петтит же развивает этот тезис до полноценной политической философии (неореспубликанизм).

Разумеется, подобное сочинение не могло не обратить на себя внимания других философов. На сегодняшний день философия неореспубликанизма является одной из самых влиятельных. Предложенная Петтитом доктрина имеет множество сторонников и немало критиков. Вслед за ним к исследованию и обоснованию республиканской концепции свободы стали обращаться все новые авторы, буквально заполоняя своими работами почти все наиболее авторитетные журналы по политической теории и философии. А в 2004 году произошло и вовсе экстраординарное событие – новоизбранный премьер Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро назвал республиканизм философией своего правительства [Петтит, 2015: 68]. Подобного ажиотажа вокруг одной книги в политической философии не случалось со временем «Теории справедливости» Джона Ролза [Ролз, 1995]. И если о последней сегодня говорят все меньше, то работы Петтита (а их, помимо «Республиканизма», весьма много) продолжают собирать вокруг себя внушительные количества критиков и апологетов.

Дихотомия индивидуальной свободы: постановка проблемы. Свое основополагающее эссе «Два понимания свободы» И. Берлин начинает с констатации факта существования бесчисленного множества определений понятия «свобода». По его собственным подсчетам, их более двухсот, и это, считает философ, веский повод для опасений, поскольку благодаря своей многозначности этот фундаментальный политico-философский термин позволяет использовать себя в качестве орудия для не-

честных и даже преступных манипуляций со стороны власть имущих. При помощи богатого инструментария софистической риторики возможно утвердить и продвинуть фактически любое его значение, вплоть до оруэлловского «свобода – это рабство».

Однако в центре внимания Берлина – не всё то множество определений свободы, которое подарила человечеству двухтысячелетняя история философии, а лишь две ее концепции, преобладающие над остальными, начиная с философии Нового времени – негативная и позитивная свободы. Два этих диаметрально противоположных понимания имеют своих представителей среди философов, отстаивавших преимущество разделяемой ими концепции перед другой. Так, к негативному «лагерю» Берлин относит среди прочих Гоббса, Локка, Бентами и Милля, а к позитивному – Руссо, Гегеля и Маркса.

Одно из главных отличий двух вышеназванных концепций – это точка опоры, на которой строятся все последующие рассуждения о сущности понятия. Для негативного понимания такой опорой служит другой, а для позитивного – подлинное человеческое «Я». В первом случае свобода определяется как отсутствие вмешательства извне; во втором – как реализация своего «Я». Эти незначительные на первый взгляд отличия влекут за собой существенные разногласия.

Во-первых, негативная свобода, в отличие от своей позитивной «сестры», категорически отрицает способность индивида быть одновременно и объектом, и субъектом вмешательства. Иными словами, я не могу быть препятствием самому себе, даже если иду на поводу у своих разрушительных желаний или если действую, находясь под воздействием собственноручно и добровольно принятых психотропных веществ.

Во-вторых, столь же категорически негативная свобода отказывается признавать источником вмешательства природу во всех ее проявлениях. Скажем, если человек болен шизофренией, но не подвергается другими принудительному лечению, то по-прежнему считается свободным.

Позитивная же свобода, напротив, признает все вышеназванные факторы («самопорабощение» и «природные» причины) в качестве препятствий, встающих на пути нашей аутентичной личности.

Как раз здесь и начинает просматриваться разногласие, приведшее к разделению политических мыслителей на два лагеря. Все дело в том, что позитивная концепция, трактуя свободу вышеизложенным способом, допускает возможность «порабощения» индивида самим собой, из чего следует, что простое отсутствие вмешательства не является гарантом независимости индивида; напротив, его освобождение – в некоторых случаях – возможно только посредством вмешательства извне.

Именно это допущение открывает почти безграничные возможности для оправдания тоталитарных режимов и нарушения прав и свобод человека. Ведь если некий мудрый правитель обладает знанием, что есть благо для его граждан, а они в силу своей глупости не соглашаются с ним, то он не только может, но и в некотором смысле должен заставить их подчиниться своей воле.

Это-то и не пришлось по душе представителям негативного лагеря. С их точки зрения, принуждение, даже если оно служит высоким целям, даже если принуждаемые соглашаются на него, несовместимо с понятием свободы. Говоря словами самого Берлина, которого другие авторы относят к защитнику негативной концепции, «триумф деспотизма наступает тогда, когда рабы говорят, что они свободны» [Берлин, 2014: 176].

Подводя итоги своего эссе, Берлин пишет, что выработать универсальное и окончательное решение данной проблемы, по его мнению, едва ли удастся. Он признает, что, вероятно, мы нуждаемся в обеих концепциях, что подтверждает наша повседневная жизнь: «Я не хочу сказать, – пишет он, – что индивидуальная свобода даже в самых либеральных обществах – единственный или просто преобладающий критерий социального действия. Мы заставляем детей учиться, мы запрещаем публичные казни, этим определенно стесняя свободу. Оправдываем мы это тем, что невежество, варварское воспитание или жестокие забавы и зрелища – большее зло, чем те ограничения, которые необходимы для того, чтобы их устранить. Суждение это, в свою очередь, зависит от того, как мы определяем добро и зло, иными словами, от наших нравственных, религиозных, интеллектуальных, экономических и эстетических ценностей, которые опять-таки связаны с нашими представлениями о человеке и об основных требованиях его натуры» [Берлин, 2014: 181]. И далее: «Пределы свобод человека или народа выбирать жизнь в соответствии со своими устремлениями нужно соизмерять со многими другими ценностями, среди которых, возможно, самыми очевидными будут равенство, справедливость, счастье,

безопасность, общественный порядок. По этим соображениям, свобода не может быть безграничной» [Берлин, 2014: 182].

Именно в этом заключается основание плюрализма, которого придерживался Берлин, высказывая свое мнение относительно дихотомии свобод, и, по-видимому, именно этот плюрализм ввел в заблуждение многих авторов, рассматривающих Берлина в качестве сторонника негативной концепции свободы как отсутствия вмешательства (non-interference). Однако, из признания того факта, что все мы исповедуем разные, несовместимые и несоизмеримые ценности, вовсе не следует, что не-вмешательство является неким первичным благом. Точно так же отсюда нельзя сделать вывод, что позитивная свобода есть абсолютное зло. И Берлин это понимал, как никто другой. Так что попытки отнести его к сторонникам минимального государства или релятивистам являются не более, чем ошибочной интерпретацией. Как пишет об этом сам Берлин, «Я не релятивист; я не говорю: «Мне нравится кофе с молоком, а вам – без; я – за доброту, а вы – за концлагеря» - каждый из нас имеет собственные ценности, которые не могут быть преодолены или интегрированы. Я считаю, что это неправда. Но я действительно верю, что существует множество ценностей, к которым может стремиться и стремится человек, и что эти ценности различны» [Berlin, 2013].

Можно сказать, что главная забота Берлина – не обеспечение максимальной степени невмешательства, а недопущение подмены понятий, с помощью которого произвол, принуждение и насилие маскируются под благородным именем свободы.

Концепция Ф. Петтита. Петтит выстраивает свою критику [Петтит, 2015; Pettit, 2016; Pettit, 1989; Pettit, 2011], во многом опираясь на историческую ревизию, проделанную К. Скиннером. На первый взгляд может даже показаться, что он не предлагает ничего оригинального, а лишь повторяет положения своего кембриджского коллеги. Однако это не совсем так.

Дело в том, что критические замечания Скиннера и Петтита имеют одно существенное отличие: первый критикует Берлина по большей части как историка идей, а второй – скорее, как политического философа. Главная претензия Скиннера – упущенная Берлиным в его классификации третья, республиканская концепция свободы. Петтит же сомневается в верности и целесообразности его ценностного плюрализма и оправданности симпатий по отношению к негативной концепции. Таким образом, путем последовательной критики, сначала со стороны Скиннера, а затем со стороны Петтита возникает политическая философия неореспубликанизма.

Ядром этой политической философии является республиканский идеал свободы как недоминирования (non-domination). Данный идеал, по словам Петтита, не умещается в рамках негативно-позитивной дихотомии, сформулированной Берлиным, а представляет собой принципиально отличную концепцию. Если негативная концепция свободы состоит в отсутствии вмешательства со стороны других, а позитивная – в наличии господства над собой, то «что делать с промежуточной возможностью, свободой, состоящей хотя и в отсутствии, но в отсутствии господства со стороны других, а не в отсутствии вмешательства?» [Петтит, 2016: 60]. В этом и заключается отличие вмешательства от господства (доминирования) и, следовательно, отличие не-вмешательства от не-доминирования.

Согласно Петтиту, свобода как не-доминирование (или негосподство) означает отсутствие контроля чьей-либо внешней воли над волей человека, позволяющего влиять на выбор между альтернативами. Важная черта такого понимания состоит в том, что подобный контроль не обязательно выражается в форме непосредственного вмешательства.

Петтит выделяет три вида такого контроля.

1. Активное вмешательство полностью соответствует тому вмешательству, против которого выступают либеральные мыслители, сторонники негативной концепции свободы.

2. Надзор (наблюдение) подразумевает постоянный мониторинг действий объекта доминирования; при таком виде контроля непосредственное активное вмешательство происходит только в случае, когда объект перестает действовать в соответствии с планами наблюдателя или если изменяются сами эти планы.

3. Запугивание осуществляется путем демонстрации или имитации субъектом доминирования своих возможностей вмешательства и надзора, благодаря чему объект будет самостоятельно предугадывать волю субъекта и действовать в соответствии с этими представлениями; таким образом отпадает необходимость непосредственного вмешательства или надзора [Петтит, 2015].

Здесь мы сталкиваемся с одним из ключевых аргументов Петтита против либерального идеала свободы: «доминирование возможно без вмешательства, а вмешательство возможно без доминирования» [Петтит, 2016: 61]. Ошибка берлиновского (и в целом либерального) подхода к определению свободы в негативном ключе, по мнению Петтита, состоит таким образом из двух компонентов:

1) ошибка «тотальности вмешательства» – то есть представление, не учитывающее возможности вмешательства под контролем и при добровольном согласии объекта; в качестве одного из примеров приводится просьба Одиссея привязать его к мачте корабля;

2) ошибка «исключительности вмешательства» – признание непосредственного вмешательства единственной формой контроля.

В результате данные тезисы Петтита образуют достаточно последовательное и выверенное доказательство преимущества идеала свободы как не-доминирования перед идеалом свободы как не-вмешательства. Однако для более ясного понимания оснований его критики Берлина следует рассмотреть эту аргументацию несколько подробнее, разложив ее на части, поскольку здесь мы имеем дело с достаточно сложными концептами, в которых несложно запутаться.

Итак, мы имеем четыре взаимосвязанных концепта: вмешательство, невмешательство, доминирование и не-доминирование.

1. Вмешательство может быть как произвольным, так и непроизвольным. Непроизвольным оно будет в том случае, если акт вмешательства согласован с волей (и / или желанием) объекта вмешательства.

2. Соответственно, не-вмешательство является полной противоположностью предыдущего концепта, но уже не разделяется на какие бы то ни было подтипы, то есть предполагает отсутствие любой формы вмешательства – как произвольной, так и непроизвольной.

3. Доминирование также не делится ни на какие формы или типы. Оно есть исключительно произвольная форма вмешательства, то есть такая его разновидность, при которой отсутствует добровольное согласие объекта вмешательства.

4. И наконец не-доминирование означает отсутствие произвольной формы вмешательства, игнорируя при этом наличие или отсутствие его непроизвольной формы.

На этом основании Петтит проводит различие между двумя указанными идеалами свободы:

- Ни вмешательства, ни доминирования: хорошо для обоих идеалов.
- И вмешательство, и доминирование: плохо для обоих идеалов.
- Доминирование, но не вмешательство: плохо только для идеала недоминирования.
- Вмешательство, но не доминирование: плохо только для идеала невмешательства.

Уже на этом этапе становится ясно, что в качестве критерия степени произвольности вмешательства в аргументации Петтита выступают согласие и / или добровольное желание того, в чей выбор это вмешательство осуществляется. Иными словами, если агент А вмешивается в выбор агента В по личной просьбе последнего, то первопричиной акта вмешательства мы можем считать волю В. Это же, в свою очередь, с очевидностью отсылает нас к позитивной концепции свободы. Точнее, к той части ее формулировки, согласно которой человека можно считать свободным только если совершаемые им действия (в том числе выбор) соответствуют его подлинным желаниям. Из этого следует, что в случае, если вмешательство А в дела В осуществляется согласно желанию последнего, но желание это не является подлинным, то и само вмешательство из не-господствующего превращается в господствующее.

В этой связи имеет смысл говорить о свободе как не-доминировании в контексте позитивной концепции (но не только). Хоть Петтит и утверждает, что республиканская свобода не является позитивной, налицо присутствие в ней позитивных элементов. Самым значимым из таких элементов, безусловно, является понятие воли и смежные с ним понятия согласия, добровольности и желания.

Все дело в том, что, если человек разделяет чужую волю (например, ту же волю коллектива), то есть как бы сливает ее со своей, то никакой проблемы нет. Проблемы начинаются только тогда, когда человек считает, что подчиняется неким правилам или ограничениям, будучи убежденным, что желает этого, в то время как на самом деле это желание не является в полной мере подлинным. Причины могут быть разными: отсутствие достаточной информации, непонимание, конформизм, предубеждение, подверженность влиянию и т. п.

Другое не до конца ясное – и, на наш взгляд, слабое – место аргументации Петтита – утверждение о том, что доминирование возможно без непосредственного вмешательства. Петтит совершенно прав относительно форм контроля, совершаемого человеком выбора: в качестве инструментов произвольного вмешательства могут выступать надзор и запугивание, а также различные формы манипуляции (например, обман). Однако автор «Республиканизма...», как нам кажется, ошибается в главном: доминированию всегда предшествует активное вмешательство (во многих случаях даже насилиственное). Более того, оно является необходимым условием осуществления доминирования. Возьмем излюбленный пример самого Петтита.

В данном примере речь идет о рабе, живущем при добром хозяине. Такому рабу дана полная свобода делать все, что он захочет, то есть раб в данном случае свободен с точки зрения идеала не-вмешательства. Однако, как утверждает Петтит, такой раб находится в состоянии доминирования, то есть зависимости от воли своего хозяина, поскольку тот в любой момент может изменить свое отношение и это, в свою очередь, повлечет за собой неминуемые последствия для его слуги. Само по себе утверждение убедительно и не вызывает сомнений относительно подчиненного положения раба: мы все соглашаемся, что он несвободен. Но является ли такой случай убедительным примером в пользу осуществимости доминирования без активного вмешательства? Едва ли.

Дело в том, что в примере с рабом умалчивается одно значительное обстоятельство: рабами становятся вследствие активного (насилиственного) вмешательства. Как мы знаем, большинство рабов у греков и римлян были военнопленными. Так что говорить здесь о доминировании без вмешательства едва ли представляется возможным.

Далее, Петтит утверждает, что концепция свободы как недоминирования наилучшим способом служит избавлению "человека от неизвестности и связанных с нею тревоги и невозможности планировать; от необходимости выстраивать стратегию в отношении могущественных лиц, вести себя с ними почтительно и предугадывать любые их желания, а также от подчинения, которое сопровождается общим сознанием того, что человек не защищен от возможности произвольного вмешательства со стороны другого" [Петтит, 2016: 167–168]. Весьма внушительный набор благ. Это наталкивает на мысль, что вопреки утверждениям о том, что свобода в неореспубликанизме рассматривается как самоценность и никогда как средство, концепция недоминирования содержит в себе направленность на какое(ие)-то другое(ие) благо(а).

И при внимательном прочтении труда Петтита мы можем обнаружить это благо. Им является не что иное как безопасность. Это отчетливо видно уже в первой главе книги, где говорится о том, что республиканская концепция свободы не является позитивной (что, как мы выяснили, также не совсем соответствует действительности). Процитируем отрывок, в котором Петтит ссылается на Ханну Питкин: «римский плебс стремился не к демократии, но к защите, не к публичной власти, но к личной безопасности» [Петтит, 2016: 70], а далее предоставляет слово Макиавелли: «Немногие из них домогаются свободы, чтобы повелевать, но бесчисленное множество полагает, что благо свободной жизни – в безопасности» [Петтит, 2016: 70].

Если наши наблюдения верны, то между безопасностью и свободой республиканцы неявно ставят знак равенства. Именно это, на наш взгляд, служит объяснением, почему Исаия Берлин, хоть и описал в своих работах близкие к республиканизму идеи, касающиеся свободы и произвольного вмешательства, не сделал на не-доминировании должного акцента. А вовсе не потому, что иначе ему бы пришлось признать приоритетность позитивной свободы, как считает Петтит [Pettit, 2011].

Наконец перейдем к последнему утверждению, которое, на наш взгляд, основывается на неверной интерпретации текстов Берлина. Основатели неореспубликанизма (Скиннер и Петтит) утверждают, что концепция свободы как недоминирования отличается от двух предложенных Берлином концепций, являясь, по сути, третьей альтернативой.

Здесь мы сталкиваемся сразу с двумя неточностями. Во-первых, как мы увидели раньше, в республиканской свободе присутствуют как негативные, так и позитивные элементы.

Во-вторых, две сформулированные Берлином концепции свободы вовсе не являются чем-то окончательным. На самом деле, как явствует из текста его эссе, это не столько концепции, сколько укрупненные классы, представляющие собой два противоположных полюса. Это отмечает и Чарльз

Тейлор, ученик Берлина, критикуя ввязавшихся в спор сторонников негативной и позитивной концепций. Такое узкое видение он иронично называет менталитетом Линии Мажино [Тэйлор, 2013]. Иными словами, концепции свободы Берлина больше походят на деление на правых и левых: здесь практически не может быть «чистой» негативной или позитивной концепции. Каждая конкретная концепция, высказанная тем или иным мыслителем лишь в какой-то определенной степени является негативной и / или позитивной.

Таким образом, мы можем заключить, что, несмотря на утверждение неореспубликанских авторов о том, что их идеал свободы не является позитивным и не умещается в классификации Берлина, в действительности дела обстоят с точностью до наоборот.

Однако в состоявшемся между Берлиным и Петтитом «споре» содержится еще одно обстоятельство, делающее сравнение их идей чрезвычайно сложным, почти невозможным. Как отмечает А. Глухов, «Берлин и Петтит, живут в параллельных реальностях: в реальности Петтита концепция позитивной свободы интересна разве что маргинальной группе ценителей – «романтиков Контрпросвещения», тогда как в реальности Берлина такие опасные концепции, «выпадая из внимания тех, кому положено их осмыслить, приобретают неконтролируемый размах, вовлекают в свою орбиту массы людей и становятся неуязвимыми для рациональной критики». В эпоху триумфа «постправды» все труднее с уверенностью утверждать, что мы живем в реальности именно Петтита, а не Берлина. Исторический контекст берлиновского принципа свободы для Петтита остается настолько чуждым, что он сближает позиции Берлина и Арендт, чем, несомненно, шокировал бы обоих» [Глухов, 2018].

Другой важный момент, который вскрывает Глухов в своих работах, это незащищенность отдельного индивида в республике Петтита. Чтобы отстаивать свои права необходимо быть членом хотя бы какого-нибудь меньшинства, но оставаясь одиночкой, такой гражданин будет обречен на игнорирование: «у отдельного человека нет возможности выразить личное мнение; для гражданина единственный способ включить свою проблему в общественную повестку заключается в том, чтобы ассоциировать себя с тем или иным меньшинством: «если человек хочет взяться за дело своего освобождения... то он должен идентифицироваться с общим делом других в своем классе уязвимости», признать свое «членство в культуре меньшинства». В итоге отдельный человек не имеет слова в республике, когда высказывается исключительно от самого себя, ведь в таком случае возникает неопределенность перевода со своего языка на общий. Философски это, вероятно, связано с глобальным запретом на «приватную речь», которого придерживается аналитическая школа <...> С точки зрения Петтита, которую он разделяет с коммунитаристами и всеми сторонниками приоритета общественного над частным, в опоре на гражданственность нет ничего сверхъестественного, никакого «чуда»: ставить групповые и общие интересы превыше своих так же естественно, как дыхание; такова «наша феноменология» как вида живых существ [Глухов, 2018].

Примечательны рассуждения об этой проблеме Л. Свендсена: «Осознание абсолютной власти большинства приведет к тому, что меньшинство станет сдерживать себя, даже если большинство не вмешивается в его жизнь. Республиканский аргумент о том, что раб несвободен, поскольку не уверен в своей свободе, фактически является аргументом в пользу негативной свободы именно потому, что она очерчивает сферу, в которой индивид совершенно самостоятелен в своих решениях...» [Свендсен, 2016: 107]

Здесь мы видим очередное подтверждение вышеупомянутому нами предположению о причинах отсутствия у Берлина акцента на республиканском идеале свободы. Как мы хорошо знаем из его эссе, больше всего он опасался «растворения» индивида в толпе народа, но именно это и происходит, если мы принимаем неореспубликанскую концепцию свободы. Именно «принуждение к свободе» ждет гражданина республики, если он отказывается принимать общую волю. Но Петтит упорно «отказывается считать республиканское определение свободы позитивным, потому что, во-первых, смишивает теории Констана и Берлина, во-вторых, не допускает существование какого-либо языка, помимо республиканского» [Глухов, 2018: 264]. Кроме того, в определении свободы как недоминирования присутствует не до конца объясненное Петтитом понятие – понятие произвольного вмешательства. Какая власть произвольна, а какая – нет? По Петтиту, произвольной будет считаться такая власть, которая не согласуется с благополучием и предпочтениями подчиняющихся ей граждан. Но что это

проясняет? К сожалению, практически ничего, и именно подобные формулировки, допускающие разнотечения, согласно Берлину, подвергают риску нашу свободу.

К еще одному парадоксу приводит нас проницательное наблюдение Йена Шапиро, который говорит о пугающей незащищенности большинства перед властью меньшинства, которой его наделяет неореспубликанская теория. «Петтит составляет длинный список мер по ограничению политики большинства. – Пишет он. – Среди них и те, которые относятся к категории «сдержек и противовесов» (разделение властей, судебный надзор, независимость национального банка и т. д.), и наделение меньшинств особыми правами и привилегиями, и в ряде случаев право вето. Петтит признает, что право вето может блокировать легитимные изменения. Однако его размышления об этих вопросах показывают незнакомство с литературой по технологиям использования вето, показывающей, что имеющие право на вето зачастую оказываются политически могущественнее большинства».

Если оба представленных выше довода верны, то получается, что усилия Петтита по защите от господства как большинства, так и меньшинства, парадоксальным образом лишь подвергают тех и других большему риску.

В завершение хотелось бы обратить внимание на одну сентенцию Петтита: «Быть свободным – значит быть полностью пригодным для того, чтобы считаться способным нести ответственность» [Pettit, 2001: 4]. На наш взгляд, такому определению свободы парадоксальным образом лучше всего служит именно идеал Берлина, а не самого Петтита, поскольку, предлагая максимально безопасную и предсказуемую форму государства, неореспубликанизм тем самым лишает граждан необходимости нести ответственность в максимально возможном числе случаев. Когда почти все процессы заранее предрешены системой бюрократических институтов, едва ли у нас остается много пространства для принятия самостоятельных, и следовательно, ответственных решений.

Заключение. Заключая вышеописанный спор, актуализированный в XX веке Исаией Берлиным, необходимо признать несомненность влияния последнего на формирование политической философии неореспубликанизма (как и на политическую философию XX-XXI вв. в целом). Его пристальное внимание к деталям, отразившееся в созданном им разделении и упорядочении концепций свободы, позволило многовековой дискуссии выйти на новый, более плодотворный уровень.

Новый виток спора о свободах породил и новую концепцию, которая явила свое рода синтезом существовавших ранее тезиса и антитезиса. Нельзя не признать в этом заслуги Скиннера и Петтита.

Однако стоит также упомянуть, что, как было позже убедительно доказано рядом авторов [Coser, 2014; Crowder, 2002; Crowder, 2004], критика Берлина такими философами как Тэйлор, Скиннер и Петтит, хоть и является весьма плодотворной, все же не лишена серьезных недостатков, а порой и грубых ошибок в прочтении. Как было показано выше, Берлин гораздо ближе и «дружелюбнее» к неореспубликанцам, чем это казалось Скиннеру и Петтиту.

Главная ошибка почти всех без исключения критиков Берлина заключается в ложном представлении о том, что он выступает против позитивной концепции свободы. На самом же деле Берлин подвергает критике «не позитивную свободу в целом, а ее превращение в авторитарную доктрину» [Coser, 2014]. Также Берлин признает, что отсутствие вмешательства не обязательно обеспечивает свободу. И эта идея не единожды повторяется в его работах.

Также не вполне верным представляется рассмотрение упомянутыми авторами двух концепций свободы Берлина как окончательных. Как верно отмечено Ч. Тэйлором, концепции Берлина суть две крайние формы или, говоря точнее, два противоположных полюса, к которым может тяготеть та или иная конкретная концепция свободы (например, свобода как не-фрустрация Гоббса или свобода как не-доминирование Петтита). «Чистых» же негативных или позитивных концепций в истории политической мысли, по-видимому, не существует.

Далее, существенная часть направленной на Берлина критики как будто бы по умолчанию относит его к сторонникам и защитникам идеи минимального государства, что также не имеет ничего общего с реальностью. Напротив, в его работах допускается определенный уровень вмешательства, но только в том случае, если он направлен на обеспечение свободы выбора.

Довольно легко найти у Берлина и описание концепции свободы как недоминирования. Так, во введении к «Четырем эссе о свободе» [Berlin, 2002] он приводит пример рабочих конца XIX века, которые формально обладали негативной свободой, но при этом были полностью зависимы от воли работодателя. И Берлин отнюдь не считает такую мнимую свободу достаточной.

Впрочем, после ряда критических замечаний в свой адрес Петтит признал свое понимание аргументов Берлина узким, хотя и не забыл упомянуть, что тот все же не сделал необходимого акцента на проблеме господства, по-видимому, из-за того, что в противном случае ему пришлось бы становиться на сторону позитивной концепции.

Другой момент, отстаиваемый неореспубликанцами и также встречающийся у Берлина – отказ рассматривать свободу в качестве средства для достижения некоей более «высокой» цели(ей). И Берлин и Петтит рассматривают свободу как самоцель.

Наконец, последнее, – но не последнее по значимости – заблуждение критиков Берлина заключается в том, что большинство из них видели в его понимании свободы лишь жесткое разделение на две взаимоисключающие модели. Но они не смогли увидеть, что негативная и позитивная свободы определяются выбором между различными целями. Тем самым оба аспекта свободы важны как средство обеспечения выбора. А именно свобода выбора и является центральным звеном концепции свободы Берлина.

Помимо сказанного следует отметить, что неореспубликанская теория не лишена парадоксов и слепых пятен. Например, отрицая позитивную природу концепции свободы как не-доминирования, Петтит все же упорно продолжает включать в ее определение такие позитивные элементы как необходимость для ее поддержания определенным образом организованного общества, индивидуальную и коллективную волю, а также способность индивида к «самопорабощению». Сюда же стоит отнести вызывающее множество вопросов утверждение, что доминирование возможно без активного вмешательства, и такую формулировку свободы, из-за которой подчас данный концепт невозможно отличить от понятия безопасности.

За счет этих и других неточностей в формулировках и допущения разнотечений неореспубликанская теория, как нам кажется, оставляет возможность для подмены понятий, которую Берлин так стремился преодолеть в своих работах. Именно здесь таится опасность превращения общества из свободного в тоталитарное. Таким образом, на основании всего вышесказанного, мы можем заключить, что неореспубликанская концепция свободы как отсутствия доминирования, во-первых, не выходит за рамки классификации Берлина, как утверждают ее авторы, и, во-вторых, в силу своих недостатков не является лучшей альтернативой берлиновскому пониманию свободы.

Список источников

- Берлин, И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. с. 122185.
- Берлин И. *Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 382 с.
- Берлин И. *My intellectual path // The Power of Ideas*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2013. с. 1-28.
- Глухов, А. А. Республианизм: исправление «кривой тесинь» / А. А. Глухов // Логос. 2018. Vol. 28, № 2. с. 248-268.
- Петтит, Ф. Гражданская республиканская теория / Ф. Петтит // Современная республиканская теория свободы. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. Р. 43-88.
- Петтит, Ф. Республианизм. Теория свободы и государственного правления / Ф. Петтит. Москва: Издательство Института Гайдара, 2016. 488 с.
- Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. 536 с.

- Свендсен, Л. Философия свободы / Л. Свендсен. Москва: Прогресс-Традиция, 2016. 264 с.
- Тэйлор, Ч. Что не так с негативной свободой? / Ч. Тэйлор // Логос. 2013. № 2 (92). с. 187-207.
- Coser, I. The Concept of Liberty: the Polemic between the Neo-Republicans and Isaiah Berlin // Brazilian Polit. Sci. Rev. FapUNIFESP (SciELO), 2014. Vol. 8, № 3. P. 39-65.
- Crowder, G. Isaiah Berlin: Liberty and Pluralism. Polity, 2004. 256 p.
- Crowder, G. Liberalism and Value Pluralism // Contemp. Polit. Theory. 2002. Vol. 3. P. 122-124.
- Pettit, P. *A Theory of Freedom: From the Psychology to the Politics of Agency*. Cambridge: Polity Press, 2001. 193 p.
- Pettit, P. *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 316 p.
- Pettit, P. The Instability of Freedom as Noninterference: The Case of Isaiah Berlin // Ethics. 2011. Vol. 121, № 4. P. 693-716.
- Skinner, Q. Machiavelli on the Maintenance of Liberty // Politics. Taylor & Francis Group, 1983. Vol. 18, № 2. P. 3-15.
- Skinner, Q. *The Foundations of Modern Political Thought*. Volume 1, The Renaissance. Cambridge University Press, 1978. 330 p.

Skinner Q. *The idea of negative liberty: philosophical and historical perspectives* // R. Rorty, J. Schneewind, & Q. Skinner (Eds.), *Philosophy in History: Essays in the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 193–222.

References

- Berlin, I. (2014) Dva ponimaniya svobody [Two Concepts of Liberty]. Berlin, I. *Filosofiya svobody*. Evropa. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 122–185. (In Russ.)
- Berlin, I. (2002) *Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty*. Oxford: Oxford University Press: 382.
- Berlin, I. (2013) *My intellectual path. The Power of Ideas*. Princeton, Oxford: Princeton University Press: 1–28.
- Glukhov, A. A. (2018) Respublikanizm: ispravlenie «krivoy tesiny» [Republicanism: Straightening the "Crooked Timber"]. *Logos*, 28 (12): 248–268. (In Russ.)
- Pettit, Ph. (2015) Grazhdanskaya respublikanskaya teoriya [Civic Republican Theory]. *Sovremennaya respublikanskaya teoriya svobody*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 43–88. (In Russ.)
- Pettit, Ph. (2016) *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara: 488. (In Russ.)
- Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta: 536. (In Russ.)
- Svendsen, L. (2016) *Filosofiya svobody* [A Philosophy of Freedom]. Moscow: Progress-Traditsiya: 264. (In Russ.)
- Taylor, Ch. (2013) *Chto ne tak s negativnoy svobodoy?* [What's Wrong with Negative Liberty?]. Logos, no. 2 (92): 187–207. (In Russ.)
- Coser, I. (2014) The Concept of Liberty: the Polemic between the Neo-Republicans and Isaiah Berlin. *Brazilian Polit. Sci. Rev.* FapUNIFESP (SciELO), 8 (3): 39–65.
- Crowder, G. (2004) Isaiah Berlin: Liberty and Pluralism. *Polity*: 256.
- Crowder, G. (2002) Liberalism and Value Pluralism. *Contemp. Polit. Theory*, vol. 3: 122–124.
- Pettit, P. (2001) *A Theory of Freedom: From the Psychology to the Politics of Agency*. Cambridge: Polity Press: 193.
- Pettit, P. (1997) *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford: Oxford University Press: 316.
- Pettit, P. (2011) The Instability of Freedom as Noninterference: The Case of Isaiah Berlin. *Ethics*, vol. 121, no. 4: 693–716.
- Skinner, Q. (1983) *Machiavelli on the Maintenance of Liberty. Politics*. Taylor & Francis Group, vol. 18, no. 2: 3–15.
- Skinner, Q. (1978) *The Foundations of Modern Political Thought. Volume 1, The Renaissance*. Cambridge University Press: 330.
- Skinner, Q. (1984) The idea of negative liberty: philosophical and historical perspectives. R. Rorty, J. Schneewind, & Q. Skinner (Eds.), *Philosophy in History: Essays in the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press: 193–222.

© Козин Т.В., 2025

Информация об авторе:

Трофим Владимирович Козин – магистр философии, ассистент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, Россия, 191023. Автор 6 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, аналитическая философия, философия сознания.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 29.05.2025; принята после рецензирования 26.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the author:

Trofim V. Kozin – Master of Philosophy, Assistant of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboedova Canal Embankment, St. Petersburg, Russia, 191023. Author of 6 scientific publications. Research interests: political philosophy, analytic philosophy, philosophy of mind.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 29.05.2025; adopted after review 26.06.2025; published online 30.07.2025.

Научная статья
УДК 1(091)

«ПРЕДРОМАНТИЗМ» ТВОРЧЕСТВА Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА

Валентина Михайловна Мапельман

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-8300-2065, mapelman@mail.ru

Аннотация. В материале рассматривается философское творчество Дмитрия Владимиrowича Веневитинова как одного из неординарных представителей начального этапа развития романтического движения в русской философии. Отмечается, что, несмотря на его чрезвычайно короткий жизненный путь, идеи Веневитинова оказались довольно зрелыми, продемонстрировав не просто усвоение авторитетных европейских предромантических веяний, но и повлияв на формирование своеобразных особенностей русского романтизма, стремящегося освободиться от академичного классицизма. Выделяются особенности русского романтизма: авторские взгляды на мироустройство; пессимистическое отношение к историческому прошлому; особое внимание к древнерусским традициям и фольклору; повышенный интерес к миру духовному; ориентация на абсолютные идеалы; сосредоточение на духовной внутренней жизни человека. Уделяется внимание философским проявлениям предромантизма в творчестве Веневитинова, связанным с всеобщими, вечными вопросами (жизнь и смерть, природа, творчество, любовь), предлагается плодотворный путь их решения. Им является взаимопроникновение друг в друга философии и творчества (как видов самопознания), а главным средством его реализации должно стать искусство (прежде всего – литература, а в ней – поэзия). Именно у поэта особая миссия в этом мире – он его созиадатель, так как способен чувствовать всеобщую гармонию и выразить её, придав ей форму.

Ключевые слова: классицизм, сентиментализм, романтизм, предромантизм, русская философия, русский предромантизм, творчество, эстетические ценности.

Original article

«PREDROMANTISM» IN THE WORKS OF D. V. VENEVITINOV

Valentina M. Mapelman

Moscow City University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-8300-2065, e-mail: mapelman@mail.ru

Abstract. The article examines the philosophical work of Dmitry Vladimirovich Venevitinov as one of the extraordinary representatives of the initial stage of the development of the romantic movement in Russian philosophy. It is noted that, despite his extremely short life, Venevitinov's ideas turned out to be quite mature, demonstrating not only the assimilation of authoritative European pre-romantic trends, but also influencing the formation of the unique features of Russian romanticism, which sought to free itself from academic classicism. The following features of Russian romanticism are highlighted: the author's views on the world order; a pessimistic attitude towards the historical past; special attention to ancient Russian traditions and folklore; increased interest in the spiritual world; focus on absolute ideals; focus on the spiritual inner life of man. Attention is paid to the philosophical manifestations of pre-romanticism in Venevitinov's work, related to universal, eternal questions (life and death, nature, creativity, love), and a fruitful way to solve them is proposed. It is the interpenetration of philosophy and creativity (as types of self-knowledge), and the main means of its implementation should be art (primarily literature, and in it poetry). It is the poet who has a special mission in this world - he is its creator, since he is able to feel universal harmony and express it, giving it form.

Keywords: classicism, sentimentalism, romanticism, predromanticism, Russian philosophy, Russian predromanticism, creativity, aesthetic values.

Он дышит жаром красоты,
В нём ум и сердце согласились,
И мысли полные носились
На легких крыльях мечты,
Как знал он жизнь, как мало жил!
Д. В. Веневитинов [Веневитинов, 1934: 122]

Слова, вынесенные в эпиграф и написанные Дмитрием Владимировичем Веневитиновым в последний год его чрезвычайно короткой жизни (1805-1827), выглядят как глубоко личные и пророческие. Однако имя его не забыто, а отзвуки размышлений и высказанных им идей можно встретить в трудах его единомышленников и критиков как прошлых эпох, так и наших дней. Веневитинов оказался одним из самых первых (одним из самых чутких), кто уловил приближение активно наступающих принципиальных изменений в духовной жизни современного ему общества.

Введение и постановка проблемы. Великая французская революция 1789–1799 годов не просто спровоцировала социально-экономические и политические радикальные изменения в жизни большинства европейских государств, она продемонстрировала исчерпанность господствовавшего до сих пор абсолютизма. Питающийся им классицизм, весь пропитанный поклонением разуму, утрачивал свою актуальность. Его всё большая оторванность от наступающих жизненных реалий требовала переоценки ценностей, спровоцировавшей обновление, прежде всего, эстетических идеалов.

Важно заметить, что теоретическое (научное), в том числе и философское, осмысление обновленческих процессов в обществе, как правило, не может осуществляться в ходе их непосредственного протекания, а вот художественно-образное мировоззрение с этой задачей справиться способно. Попытка освободиться от консервативного, академичного классицизма стимулировала появление сентиментализма, заменив концентрацию внимания на разуме концентрацией внимания на чувствах и эмоциях, а категоричность художественных идеалов на признание оправданной разнонаправленности оценок и ориентиров. Сентиментализм питался философией сенсуализма и, хотя он пытался сосредоточить свой интерес на переживаниях обычных людей, но довольно быстро характерное для него художественное творчество перенасытилось искусственностью и манерностью.

При этом и уходящий классицизм, и завоёвывающий авторитет сентиментализм своими ориентирами, принципами, признанными успехами и откровенными уязвимостями способствовали появлению ещё одного нового идейного и художественного течения, более приспособленного к отражению динамично обновляющейся действительности – романтизма.

Романтизм связывал свои надежды с энергично развивающимися буржуазными отношениями и характерным для них принципом индивидуализма (автономией отдельной личности, абсолютностью её интересов и прав). Реализующие его художники сосредоточились на создании образов отдельных незаурядных индивидуальностей, на их стремлении к свободе и борьбе против общепринятых, но исчерпавших себя норм и традиций. Романтики, отторгая несовершенства существующего мира и ориентируясь на идеальные, всеблагие образцы будущего, творили героев полных страстей, выступающих не только против пороков общества, но и против предначертаний судьбы.

Однако само формирование подобных идей и поиск новых образов требовали времени и потому становлению романтизма, как художественно-философского явления, предшествовал период предромантизма. В Европе он реализовался немного раньше, чем в России, но везде выпал на последнюю треть XVIII – начало XIX века. Кроме того, это общеевропейское направление вызревало, опираясь ещё и на популярные идеи сторонников Просвещения (Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера, Г. В. Лессинга), среди которых было немало русских мыслителей (С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, П. Я. Чаадаев). Именно русскими просветителями наиболее серёзно разрабатывались взгляды на человека, как на «естественное существо», реализующее себя не только в мире национальных традиций, оценок и ценностей, но и в историческом процессе (А. Н. Радищев, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков).

Материалы исследования. Носители идей предромантизма в русской культуре обеспечили своеобразный переход от просвещенных взглядов к взглядам романтическим. Произошло это,

прежде всего, в области духовно-эстетической (в литературе, поэзии, живописи), распространившись в дальнейшем на историю, философию и даже экономику.

В итоге русский предромантизм стали отличать:

- авторские взгляды на мироустройство, для которых нередко было свойственно определенное безразличие к научным сведениям о его закономерностях и глубокое сомнение в возможности его познать;

- пессимистическое отношение к историческому прошлому;

- особое внимание к древнерусским традициям и фольклору как проявлению народности (оно особенно усилилось после победы России в Отечественной войне 1812 года);

- повышенный интерес к миру духовному, сверхъестественному, невидимому;

- ориентация на абсолютные идеалы и образцы, всеблагие принципы.

В это время в художественном творчестве широко распространяется использование символических образов, метафор, иносказаний. Сосредоточением внимания художников становится духовная внутренняя жизни человека, представляющего собой ищущий смысл своего существования «художественный организм». Гармоничная целостность предромантической личности находит свое воплощение в страдающем одиночке, в то время как будущий романтический герой предстанет противоречивым бунтарем, восставшим против существующих порядков.

Среди первых представителей русского предромантизма надо назвать, прежде всего, поэтов А. Ф. Мерзлякова и В. А. Жуковского, творчество которых даст начало элегическому течению романтизма. А вот философская его ориентация оказалась связанной в основном с «архивными юношами» (так назвал своих сверстников, служивших в начале 1820-х годов в Коллегии иностранных дел, С. А. Соболевский). Василий Васильевич Зеньковский посвящает их творчеству в своем труде по истории русской философии отдельную главу [Зеньковский, 1991: 143-184]. Это были «...преимущественно те молодые люди, которые познакомились друг с другом и стали близкими друзьями на службе в Архиве Министерства Иностранных Дел в Москве (отсюда их название «Архивные юноши»). Это были еще очень молодые люди (Одоевскому было 20 лет, Веневитинову 18 лет, И. В. Киреевскому 17 лет); все они получили дома тщательное образование, почти все были людьми выдающихся дарований. Когда они все подружились между собой, они сразу сошлись на интересе к философии» [Зеньковский, 1991: 145]. Они были увлечены самыми прогрессивными на то время её проявлениями в трудах немецких мыслителей И. Канта, И. Г. Фихте и особенно в философии культуры Ф. В. Й. Шеллинга.

Московский архив Коллегии иностранных дел представлял собой в эти годы учреждение, обеспечивающее необременительной, но престижной службой молодых дворян (нередко аристократов) из благородных и богатых семей, гарантуя им в будущем завидную карьеру. Это были хорошо образованные (в том числе и выпускники Московского университета), знавшие несколько языков, начитанные культурные молодые люди. Недолгое служебное время и внеслужебное времяпрепровождение они проводили в общении и беседах, в ходе которых сформировалось «два кружка – первый, чисто литературный, под руководством... С. Е. Раича, и второй – специально философский, принявший название «Общества любомудров» (т. е. философов)» [Зеньковский, 1991: 144-145].

Члены общества (фактически первого философского объединения/кружка в России), дистанцируясь от просветителей («французских говорунов XVIII века»), старались продвинуть прогрессивные идеи немецких философов наиболее доходчивым, по их мнению, путем гармоничного сочетания философии и искусства. И хотя они собирались тайно и свое членство в обществе любомудров открыто не афишировали, но свои принципы и идеи распространяли довольно энергично, облекая их в поэтическую форму, отражая в статьях и заметках. «Архивные юноши» печатались во многих литературных журналах и даже попытались реализовать собственный литературно-философский проект (в 1824-1825 годах вышло четыре выпуска альманаха «Мнемозина»). Общество любомудров стремилось познакомить своих сверстников и современников с лучшими достижениями европейской философии и прежде всего с философской эстетикой Шеллинга.

Однако после событий 1825 года общество благородно распустилось, уничтожив все документы, но память о нём и его деятельности оказалась довольно прочной. Фактически любомудры стали первым философским объединением в нашей стране. Именно в рамках этого объединения стал

серьезно рассматриваться вопрос об особенностях русской культуры и её месте в культуре европейской. Любомудры стали предвестниками таких идейных направлений будущего как «западники» и «славянофилы».

Руководителями общества любомудров были князь Владимир Федорович Одоевский и Дмитрий Владимирович Веневитинов, но лидерство по общему признанию все-таки принадлежало Веневитинову. Его одаренность была очевидна и бесспорна для всех, а талантливость была столь разносторонней, что вызывала у окружающих не зависть, а уважение.

Дмитрий Владимирович Веневитинов, несмотря на молодой возраст, но благодаря своему творчеству и своей общественной деятельности сумел стать заметной и авторитетной фигурой в культурной жизни не только Москвы. Увлеченный философией, Веневитинов считал, что она «есть наука, ибо она есть познание самого познания, и потому имеет и форму, и предмет..., все науки сводятся на философию и из ней обратно выводятся... Она всегда почиталась наукой важнейшую, наукой наук, и несмотря на то, что обыкновенно была достоянием небольшого числа избранных, всегда имела решительное влияние на целые народы» [Веневитинов, 1934: 254]. Главными проблемами философии, по его мнению, являются всеобщие и вечные вопросы – жизнь, смерть, природа, творчество, любовь – что не просто роднит её с искусством, но порождает их неразрывный tandem. Веневитинова интересует чистая философия. Подобная позиция разводит его с теми активными участниками кружка любомудров, идейные ориентиры которых были сосредоточены на социально-политических вопросах (В. Ф. Одоевский, В. К. Кюхельбекер).

Плодотворное взаимопроникновение друг в друга философии и искусства Веневитинов реализовывал в своём поэтическом творчестве, которое, несомненно, является вариантом русской философской поэзии. В последствии этот эффект продемонстрирует русская художественная литература и живопись. Веневитинов, признавая успехи и достижения в науках и в философии разных народов, живших в разные эпохи, считает неизбежным формирование и русской самобытной философской традиции. «Философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств – вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук, и найдет сие основание, сей залог своей самобытности и следственно своей нравственной свободы в литературе, в одной философии, которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления» [Веневитинов, 1934: 220]. Теоретической основой этой созидающей творческой деятельности должна стать, прежде всего, такая философская наука как эстетика. Художественную интуицию, играющую принципиальную роль в скульптуре, живописи и музыке, Веневитинов считал основным источником идей, получающих своё самое полное и наивысшее воплощение в поэзии: «Её изображал и мрамор, и холст на земле; её прославляли лиры песнопевцев; но она останется недосягаемою для чувств смертного; наша мать – поэзия; вечность – её слава; вселенная – её изображение» [Веневитинов, 1934: 130].

Однако до достижения этой стадии каждый отдельный человек проходит, как и проходило всё человечество в своей истории, определённые этапы. Вот как Веневитинов описывает это в своём небольшом прозаическом произведении «Анаксагор. Беседа Платона»: «Всякий человек рождён счастливым, но, чтобы познать свое счастье, душа его осуждена к борению с противоречиями мира. Взгляни на младенца — душа его в совершенном согласии с природою; но он не улыбается природе, ибо ему недостает ещё одного чувства — совершенного самопознания... Взгляни, наконец, на старца; он, кажется, вдохновенным взором окидывает минувшее поприще, и видит, что все бури мира для него утихли, что путь трудов привел его к желанной цели – к независимости и самодовольству. Вот жизнь человека! она снова возвращается к своему началу...

Рассмотрим теперь ход человечества... Царем природы может называться только тот, кто покорил природу; и следственно, чтобы познать свою силу, человек принуждён испытать её в противоречиях – оттуда раскол между мыслию и чувством... Когда вдохновенный художник, победив все трудности своего искусства, передал мысль свою бесчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствие водворяется в душу его – он познал свою силу и наслаждается в мире, ему уже знакомом... Жить – не что иное как творить будущее – наш идеал. Но будущее есть произведение настоящего, то есть нашей собственной мысли» [Веневитинов, 1934: 135-136].

Что же собой представляет творчество, по мнению Дмитрия Владимировича Веневитинова? Это не просто процесс познания природы в сочетании с самопознанием, а наивысшая наисовершенная их стадия, ибо тогда происходит примирение всех противоречий природного мира и человеческой души. Главным средством реализации этого процесса является искусство. Прежде всего – литература, а в ней – поэзия.

Именно поэтому у поэта особая миссия в этом мире – он не просто автор произведений, он творец мира, так как он чувствует его гармонию и способен её выразить в виде идей, придав им форму. Веневитинов был уверен в том, что подлинный поэт не может ни быть мыслителем («поэзия неразлучная с философией»).

Нам кажется, что он был бы категорически не согласным с довольно распространенным сегодня мнением о том, что «внутренняя свобода» представляет собой исключительно психическое состояние. Уже в начале XIX века Веневитинов защищал идеи о способности человека иметь собственное мнение, понимать свои склонности и стремиться их реализовать, что отчёлливее всего может быть представлено философской эстетикой.

Блажен, кому судьба вложила
В уста высокий дар речей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Как Прометей, похитил он
Творящий луч, небесный пламень,
И вокруг себя, как Пигмальон,
Одушевляет хладный камень,
.....

Но если в душу вложена
Хоть искра страсти благородной, –
Поверь, не даром в ней она... [Веневитинов, 1934: 118].

История человечества у Веневитинова – это история творчества. Он выделял на этом пути три основные творческие эпохи, согласовывая их с развитием искусства. Первая была им отнесена к периоду античности, где искусство не столько стремилось к познанию мира, сколько к его описанию. Вторая эпоха была связана с сосредоточением творцов на своих субъективных эмоциях и переживаниях в связи с теми или иными внешними событиями и обстоятельствами (фактически эта была современная ему эпоха). Её он называл лирической или романтической, (особо выделял поэзию Байрона), так как лиризм проник и подчинил себе все жанры и сферы художественного существования. Основные надежды Веневитинов возлагал на грядущую третью эпоху – драматическую, где объективные представления о мире и природе гармонично сочетаются с самосознанием исследователей и творцов.

Однако, чтобы это время приблизить, а эти процессы активизировать, чрезвычайно важно решить образовательные и просветительские задачи. Только в этом случае будет возможно пробудить у человека « страсть к познанию ». Только в этом случае будет открыта дорога к творчеству. Нежелание людей заниматься своим самопознанием и совершенствованием Веневитинов не просто приравнивал к невежеству, но считал проявлением безнравственности.

Заключение. Связывая историю человечества с творчеством, Веневитинова уникален ещё и тем, что по предлагаемому им варианту жизненно-творческого пути он прошёл сам. У него много единомышленников, но почти нет последователей.

Обычно на переломных ценностных водоразделах в развитии социума (а Россия в рассматриваемый период находилась именно в таком состоянии) перед каждым человеком прорисовываются три дороги. Первая – консервативная: стремление к сохранению уходящего; вторая – революционная: сподобствование скорейшему достижению наступающего, задуманного обновления; третья – пассивная: готовность смиренно принять свершающееся. Дмитрий Владимирович предложил дополнить их философским путем, когда человек, понимая неизбежность развития, постигает происходящие процессы, что обеспечивает плавный переход от старых воззрений к новым и воплощение их в соответствующие действия. Он был уверен, что на этом пути художественными средствами можно решать любые задачи,

которые встают перед обществом. Поэзия здесь лидер, так как является особой формой «нравственной деятельности» человека, «самым верным термометром жизни человечества» (Н. И. Надеждин).

Юрий Владимирович Манн отмечал: «Веневитинов проделал путь, который, затем *длительное* время предстояло осваивать русской эстетике. Да, Веневитинов намного опередил своё время. Этот двадцатидвухлетний юноша, несомненно, владел силой гениальной мысли... Мы видим, что от Веневитинова ведут нити буквально ко всем главным представителям русской философской эстетики» [Манн, 1998: 46, 48].

Творчество Веневитинова оказало значительное влияние не только на формирование своеобразных особенностей русского романтизма, но и на всю русскую философскую эстетику.

Список источников

- Веневитинов, Д. В. Полное собрание сочинений / Д. В. Веневитинов. М.-Л.: Academia, 1934. 580 с.
- Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. Т. 1. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 222 с.
- Манн, Ю. В. Русская философская эстетика / Ю. В. Манн. М.: МАЛП, 1998. 381 с.

References

- Venevitinov, D. V. (1934) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow-Leningrad: Academia: 580.
- Zenkovsky, V. V. (1991) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Vol. 1. Part 1. Leningrad: Ego: 222.
- Mann, Yu. V. (1998) *Russkaya filosofskaya estetika* [Russian Philosophical Esthetics]. Moscow: MALP; 381.

© Мапельман В.М., 2025

Информация об авторе:

Валентина Михайловна Мапельман – доктор философских наук, профессор, профессор дирекции образовательных программ, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1, Москва, Россия, 129226. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия и история науки, морально-этические проблемы, философские проблемы космоса.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 15.04.2025; принята после рецензирования 25.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the author:

Valentina M. Mapelman – Doctor of philosophical sciences, professor, professor of the directorate of educational programs, Moscow City Pedagogical University, 2-y Selskokhozyaistvenny proezd, 4, bldg. 1, Moscow, Russia, 129226. Author of more than 250 scientific and educational-methodical publications. Research interests: social philosophy, philosophy and history of science, moral and ethical problems, philosophical problems of space.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 15.04.2025; adopted after review 25.06.2025; published online 30.07.2025.

СПОР В. Г. БЕЛИНСКОГО С Н. В. ГОГОЛЕМ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА**Андрей Александрович Черных**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

SPIN: 7377-5708, ORCID: 0009-0003-9083-231X, deusdrus@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена полемика литературного критика В.Г. Белинского и писателя Н. В. Гоголя, выступивших в ходе спора представителями философских направлений западничества и славянофильства соответственно. Подчеркнуто, что русская философия с XIX в. развивается в диалогических и полемических формах, а В. Г. Белинский и Н. В. Гоголь в связи со знаменитым письмом от 15 июля 1847 г. продолжают спор западников и славянофилов. Отмечается, что спор крупных литераторов по философским, социальным, антропологическим вопросам интересен сегодня не только как исторический факт, но и как актуальная полемика, в которой затронуты насущные проблемы, волнующие как все человечество, так и современное российское общество. При анализе спора двух мыслителей используются методы историко-философской реконструкции и реактуализации. В качестве исследовательской оптики выступает принцип партийности философии, помогающий классифицировать философские идеи мыслителей в парадигме материализм-идеализм и монизм-дуализм. В качестве источников и базы исследования выступают тексты В. Г. Белинского и Н. В. Гоголя, а также исследовательская литература по истории русской философии. Устанавливается, что В. Г. Белинский в ходе полемики отстаивает материалистические, светские, демократические, просветительские, прогрессивные идеи, в то время как Н. В. Гоголь выступает за идеалистические, религиозные, авторитарные, консервативные, косные идеи. Заключается, что позиция литературного критика в большей степени соответствует современному и будущему этапам развития человечества, в то время как взгляды писателя утратили актуальность еще при жизни их автора. Делается вывод, что идеи, высказанные мыслителями в ходе спора, помогают лучше понять сущность русской философской культуры и общественной жизни.

Ключевые слова: В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, история русской философии, западники и славянофилы.

Original article

V. G. BELINSKY VS N. V. GOGOL: A VIEW FROM THE TWENTY-FIRST CENTURY**Andrey A. Chernykh**

St. Petersburg State University of Economics, St Petersburg, Russia

SPIN: 7377-5708, ORCID: 0009-0003-9083-231X, deusdrus@yandex.ru

Abstract. The polemics of literary critic V. G. Belinsky and writer N. V. Gogol, who in the course of the dispute acted as representatives of the philosophical trends of Westernism and Slavophilism respectively, are considered. It is emphasized that Russian philosophy since the XIX century has been developed in dialogical and polemical forms, and V. G. Belinsky and N. V. Gogol in connection with the famous letter of July 15, 1847 continue the dispute between Westerners and Slavophiles. It is noted that the dispute between major literary figures on philosophical, social and anthropological issues is interesting today not only as a historical fact, but also as a topical polemic, which touches upon urgent problems that concern both all mankind and modern Russian society. The methods of historical and philosophical reconstruction and reactualisation are used in the analysis of the dispute between the two thinkers. The research optics is the principle of partisanship of philosophy, which helps to classify the philosophical ideas of thinkers in the paradigm of materialism-idealism and monism-dualism. The texts of V. G. Belinsky and N. V. Gogol, as well as research literature on

the history of Russian philosophy serve as the sources and base of the study. It is established that V. G. Belinsky defends materialistic, secular, democratic, enlightenment, progressive ideas in the course of polemics, while N. V. Gogol advocates idealistic, religious, authoritarian, conservative, cosmic ideas. It is concluded that the position of the literary critic is more in line with the modern and future stages of human development, while the writer's views have lost their relevance even during the lifetime of their author. It is concluded that the ideas expressed by the thinkers during the dispute help to better understand the essence of Russian philosophical culture and social life.

Keywords: V. G. Belinsky, N. V. Gogol, History of Russian philosophy, Westerners and Slavophiles.

«Тут дело идет не о моей или вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: тут дело идет об истине...»

В.Г. Белинский. Письмо к Н.В. Гоголю
от 15 июля 1847 г.

Введение. Русская философия XIX в. имеет своей ключевой характеристикой не онтологизм или антропологизм, которые искусственно приписываются русской философии с претензией на некую ее оригинальность, даже эстетизм является не самой существенной ее чертой и тем более не может некая социальная направленность быть ее основным качеством. Вообще, стоит сказать, что специфика русской философии заключается не в предмете философствования и даже не в предпочтении того или иного раздела философии, а просто в формах диалога и полемики [Черных, 2025]. Современная русская философия (XIX–XX вв.) формируется в рамках диалога, быстро переходящего в спор между двумя философскими партиями. Эти партии, конечно, не являются национальным изобретением, но играют, возможно, несколько большую роль, чем во французской, английской или немецкой философиях.

Истории русской философии посвящено большое количество исследований [Галактионов, Никандров, 1970; Замалеев, 2010; Замалеев (ред.), 2003; Никоненко, 2014], однако нельзя считать, что тема спора между В. Г. Белинским и Н. В. Гоголем вполне изучена.

Анализ спора. Даже спустя более 175 лет критика В. Г. Белинским Н. В. Гоголя не утратила своей актуальности. Консервативные по духу «Выбранные места из переписки с друзьями» [Гоголь, 1990], написанные Гоголем после своих великих произведений, спровоцировали убежденного демократа Белинского на резкий и едкий ответ. Причем это ответ не только литературного критика, но и самого народа, недовольство которого выразилось в словах неистового Виссариона. Однако народ недоволен не лично Гоголем (которого он едва ли мог знать), а непрекращающимся угнетением, в то время как Белинский недоволен именно писателем, который сначала высмеивал пошлость, а позже примкнул к ней, отрекшись от своих демократических по духу сочинений (вероятно, не поняв их подлинного смысла). Другими словами, личности Белинского и Гоголя есть отражение всеобщего в единичном.

Однако уже в «Мертвых душах», которые Белинский вопреки мнению самого Гоголя считал романом, критик замечает «мистико-лирические выходки» [Белинский, 1948: 684]. Подобные «выходки», по Белинскому, есть результат того, что писатель сбился со своего демократического пути «ложными теориями и системами» [Белинский, 1948: 685]. Вероятно, подразумеваются те теории и системы, которые имеют в своей основе идею иерархического устройства общества и обоснования этих иерархий посредством аналогии с высшим, чем земной порядок. Позднему Гоголю такой порядок казался правильным, Белинский же высказывался против него.

Гоголь пишет, что он вследствие болезни обрел некую кротость и после этого стал отвечать на вопросы, которые к нему поступали от всевозможных знакомых. Белинский замечает, что в этом описании угадывается образ священника, критик иронично называет писателя папой римским; мы же заметим, что представленный образ напоминает скорее святого, главного героя жития, однако Гоголь говорит не о священнике, не о папе римском и даже не о святом, а о себе.

Затрагивая спор западников и славянофилов, Гоголь утверждает, что те и другие заблуждаются, то есть что в позиции тех и других есть только часть правды. Однако, как замечает Белинский, в этих

суждениях проявляется «патриархальная откровенность» писателя, поскольку, по мнению Гоголя, «правды больше на стороне славянофилов..., потому что они все-таки видят весь фасад и стало быть все-таки говорят о главном, а не о частях» [Белинский, 1948: 692]. Западники же, по Гоголю, хотя и могут рассмотреть здание детально, тем не менее видят только одну его часть, только одну сторону. Другими словами, не солидаризируясь со славянофилами полностью, Гоголь все-таки соглашается с ними по большей части. Однако все ли славянофилы единодушны между собой или же соглашаются друг с другом только в основном?

И действительно, Гоголь по образу мышления скорее славянофил, чем западник, а потому и правды больше видит у славянофилов, чем у западников. Весьма характерны для «славянофила» слова писателя о совершенствовании человеком своей собственной личности: «...и это вздор, что выпустили глупые светские умники, будто человеку только и возможно воспитать себя, покуда он в школе, а после уж и черты нельзя изменить в себе: только в *глупой светской башке* могла образоваться такая глупая мысль. Я уже от многих своих гадостей избавился» [Белинский, 1948: 694]. Чисто педагогическая сторона вопроса здесь не столь интересна – тем более что, по Гоголю, человек перевоспитывается «святой силой» – сколько любопытен вопрос о религиозном мировоззрении писателя и связи этого мировоззрения с консервативными политическими убеждениями.

Гоголь выступает против обучения мужика грамоте, поскольку это мужику не нужно, в то время как Белинский констатирует факт распространения грамотности среди простых людей и указывает, что стремление к учению отразилось даже в пословице «ученье – свет, а неученье – тьма». Критик упрекает писателя и близких ему по взглядам мыслителей за выдумывание качеств народа, которых у него нет, в то время как реальные качества народа они обходят стороной. Для человека XXI в. эта картина привычна: пока одни публичные люди говорят о реальных стремлениях народа, другие – восхваляют народ за чуждые ему качества.

Гоголь говорит много общих слов о России на манер философических писем П. Я. Чаадаева. Это, впрочем, является характерной чертой не только сочинений самого знаменитого русского «сумашедшего», но вообще характеризует целое направление в истории русской философии, берущее свое начало ни то от религиозных мыслителей первой половины XIX в., ни то от древнейших русских авторов вроде Нестора Летописца и Иллариона Киевского. Однако эта длительная традиция – после XIX в. продолжившаяся в эмигрантской философии XX в., а с 1990-х гг. до настоящего момента представленная современными евразийцами и сторонниками цивилизационного подхода – так и не приобрела тенденции к проведению *конкретных* исследований человеческого общества вообще и России в частности (исключения в виде чисто эмпирических исследований не свидетельствуют об обратном). Эта интеллектуальная традиция, предполагающая свое философское основание в некоей духовности, ни в лице Гоголя, ни в лице современных авторов не способна дать ответы на насущные вопросы российского общества, так как все действительно насущное подменяется в ней тем, что хотелось бы этим мыслителям видеть в роли насущного.

Этим можно объяснить следующие слова Белинского, в которых он объясняет причину своего негодования по поводу новой книги Гоголя: «...нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя молчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель» [Белинский, 1948: 707].

Белинский пишет Гоголю: «...вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек» [Белинский, 1948: 708]. В этих словах выражено не столько оскорбление, которое можно был бы здесь усмотреть, сколько характерное для Белинского деление литераторов на художников и критиков. Художники силой своего гения отражают действительность в художественных формах, даже если сами не вполне понимают, что они делают, в то время как критики обнаруживают это содержание в произведениях и растолковывают его. Об этом можно прочитать и у Ф. М. Достоевского [Достоевский, 1983: 30-31]. Очевидно, что Гоголь, будучи гениальным писателем, должен был придерживаться этого пути, пути писательства, а не претендовать на роль мыслителя и критика.

Однако, как указывает Белинский, Гоголь из своего «прекрасного далека» смотрит на Россию по-славянофильски – если опираться на приведенную Гоголем метафору о том, что славянофилы смотрят на Россию в целом, так как стоят далеко и могут охватить ее взглядом целиком, а западники стоят близко и потому видят хоть и отчетливо, но все же лишь одну часть целого. Полемика при помощи

метафор и аллегорий, конечно, имеет некоторые изъяны, тем не менее возражение Белинского Гоголю выглядит вполне убедительно. Критик говорит, что «ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть» [Белинский, 1948: 708]. Из дальнейших слов Белинского ясно видно, что его спор с Гоголем есть спор материалиста с идеалистом, причем этот последний, по Белинскому, выдает желаемое за действительное, предполагая, что бытие мира основывается на идеальном (нематериальном) начале. Критик пишет, что «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди... не молитвы..., а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства..., права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью...» [Белинский, 1948: 708]. Иными словами, иррациональное в виде религиозной веры и ее проявлений в социальной сфере не может «спасти Россию», для этого нужно воплощение на практике гуманистических идей.

Любопытна мысль Белинского о религии и Христе, высказанная им в упрек Гоголю за оправдание крепостничества: «Что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма, но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства...» [Белинский, 1948: 709]. Вероятно, Белинский предполагает, что Иисус изначально мог быть исторической личностью, а потому, опираясь на его этику, критикует православную церковь, которая никогда не проповедовала равенства и свободы, а только служила оправданием иерархического устройства общества, в котором идея равенства не может воплотиться (даже идеологическое обоснование монаршей власти при помощи религии красноречиво говорит об этом факте). Различая церковные порядки и этику Христа, Белинский утверждает, что и простой народ это различие проводит: «...неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?» [Белинский, 1948: 710].

Более того, критик видит принципиальную разницу не только между церковью и Христом – в отличие от религиозных мыслителей, которые стремятся отождествить церковь и тело христово – он идет дальше, говоря о мнимой религиозности русского народа: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где» [Белинский, 1948: 710]. И еще в этом же месте: «...это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности» [Белинский, 1948: 710]. Стоит признать, что сегодня в этих словах даже больше правды, чем в 1847 г. Однако что касается середины XIX в., то надо заметить, что сама по себе этика христианства при определенном прочтении действительно может быть интерпретирована в чисто светском ключе. Разумеется, это было бы в некоторой степени искажением, однако вообще трудно найти такую трактовку христианской этики, которая не имела бы подобного изъяна.

Белинский утверждает, что у русского народа слишком много здравого смысла, чтобы впадать в религиозность, а суеверие, которое еще сохраняется, станет пережитком прошлого с развитием цивилизации. Сама религиозность, по Белинскому, вполне может сохраняться и при высоком развитии общества: об этом мы можем судить сегодня, если взглянем на США или ряд Европейских стран, в которых религия и в XXI в. сохраняет большое значение в мировоззрении людей.

Возражая Гоголю, критик пишет: «Русский народ не таков; мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем (курсив мой. – А. Ч.)» [Белинский, 1948: 710]. Читатель с перспективы XXI в. не может не задуматься о предсказательном смысле этих слов (без лишней мистификации на тему пророчества), поскольку русский народ в 1917 г. действительно сыграл большую освободительную роль в развитии всего человечества, о чем, к сожалению, мог только грезить Белинский.

Выражая недовольство «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя, Белинский упрекает писателя за отступление от тех гуманных ценностей, которые писатель ранее отстаивал в своих уже ставших классическими произведениях «Ревизор» и «Мертвые души». Здесь стоит вспомнить о М. А. Лифшице, спустя столетие сформулировавшего идею, что гениальность мыслителя или

писателя может граничить с реакционностью или отсталостью его убеждений [Лифшиц, 2013; Лифшиц, 1986: 4–56]. Вполне вероятно, что Гоголь, будучи гениальным писателем, стал автором бессмертных произведений не благодаря своим взглядам, а скорее вопреки им. Но у Белинского это вызывает недоумение и возмущение: как гениальный писатель, отстаивающий правду, может стать поборником лжи.

Белинский не может примириться с подобной мыслью, поскольку «публика… видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не простит ему зловредной книги» [Белинский, 1948: 712–713]. Критик объясняет такое высокое значение писателя в обществе не тем, что само по себе писательство имеет такой статус, а тем, что только в литературе возможны жизнь и движение вперед, чего нельзя сказать об иных сферах общества России середины XIX в.

Гоголь, бывший в прошлом крупным русским писателем, стал к середине века посредственным мыслителем, автором «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это падение, по Белинскому, стало следствием не озарения и просветления, как говорит об этом сам Гоголь, а всего лишь результатом неверного понимания России и ее народа, читающей публики и даже христианства. Белинский пишет: «…вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнью смерти, чорта и ада веет от вашей книги!» [Белинский, 1948: 713]. И действительно, если Гоголь не торопится с написанием и изданием второго тома «Мертвых душ», так как – как он сам это объясняет – ему нужно сначала избавиться от своих недостатков, чтобы описать совершение своеего героя (иначе описанное будет неправдоподобно), то кажется удивительным, почему он поторопился с написанием и изданием другой книги. Ведь сегодня ее вспоминают разве что в контексте спора с Белинским, потому как в ином контексте, то есть чисто художественно или философски она интереса не представляет. У этого должно быть объяснение, которое, вероятно, Белинский и назвал.

«Смиренномудрый советодатель» (так Белинский иронично называет Гоголя за его произведение), пытаясь выражаться по-библейски, как это замечает Белинский, изменяет своему таланту. Критик пишет: «Какая эта великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант» [Белинский, 1948: 713]. Причем Белинский замечает, что измена своему таланту идет рука об руку с лицемерием, в частности, Гоголя он укоряет за его намерение совершить паломничество в Иерусалим, поскольку «в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его» [Белинский, 1948: 713]. И здесь же критик проговаривает истину, которая в том или ином виде будет встречаться у всех по-настоящему демократически мыслящих людей: «Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжко зреши угнетения чуждых ему людей, тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим» [Белинский, 1948: 713].

Белинский, тяжело переживая падение Гоголя как писателя и как человека, отмечает, что смысл его письма и более ранних рецензий не в личном споре между двумя людьми различных взглядов, а в более существенных и важных вещах: «Тут дело идет не о моей или вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России» [Белинский, 1948: 715].

Гоголь, отдавая предпочтение оправданию крепостничества и самодержавия, а также славяно-фильским настроениям (надо оговориться, что славянофилы лишь формально выступали против крепостного права: они отстаивали принципы сословной иерархии по существу, тем самым выступая на стороне самого основания крепостничества по сущности), пренебрег гуманистическими и демократическими ценностями, пренебрег, следовательно, человечностью. Белинский же, знавший Гоголя прежде всего как автора «Ревизора» и «Мертвых душ», как писателя, который обличает текущее устройство России, глубоко разочаровался в нем.

Заключение. Гоголь вместо действительной морали выбрал лишь ритуалы, подразумевающие ее, но утратившие собственно этическое содержание. Выражаясь словами К. Маркса, следует сказать, что Гоголь сделал выбор в пользу превращенной формы морали, отказавшись от самой морали. Но личные отношения двух литераторов сегодня не слишком интересны. Белинский и Гоголь – всего лишь люди, ставшие эпизодом интеллектуальной истории человечества, однако в их идеях выражено

нечто большее, чем их личности. Если Гоголь стал выразителем консерватизма, религиозности и крепостничества, то Белинский – демократизма, просвещения и свободы. Оба автора представляют собой такие *единичные*, в которых выражено *всеобщее*, но если идеи позднего Гоголя преходящи, то идеи Белинского даже в XXI в. остаются актуальными.

Список источников

- Белинский, В. Г. Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. 1948. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 687–706.
- Белинский, В. Г. Письмо Гоголю // Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. 1948, М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 707–715.
- Белинский, В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души // Белинский, В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. 1948, М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 684–686.
- Галактионов, А. А., Никандров, П. Ф. Русская философия XI–XIX веков. Л.: Наука, 1970. 652 с.
- Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990. 432 с.
- Достоевский, Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. Январь // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 5–36.
- Замалеев, А. Ф. Самосознание России: Исследования по русской философии, политологии и культуре / А. Ф. Замалеев. СПб.: Наука, 2010. 552 с.
- Летопись русской философии. 862–2002 / Редактор-составитель Александр Замалеев. СПб.: Летний сад, 2003. 352 с.
- Лифшиц, М. А. Джамбаттиста Вико // Лифшиц, М. А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М.: Изобраз. сикусство, 1986. С. 4–56.
- Лифшиц, М. А. Проблема Достоевского (Разговор с чертом) / М. А. Лившиц. М.: Академический Проект; Культура, 2013. 267 с.
- Никоненко, В. С. Труды по русской философии и литературе / В. С. Никоненко. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 534 с.
- Черных, А. А. Антропологический принцип в русской философии / А. А. Черных. СПб.: СПбГЭУ, 2025. 247 с.

References

- Belinsky, V. G. (1948) Pismo Gogolyu [Letter to Gogol]. *Belinsky, V. G. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury: 707–715. (In Russ.)

- Belinsky, V. G. (1948) Pokhodzeniya Chichikova, ili Mertvye dushi [The adventures of Chichikov, or Dead Souls]. *Belinsky, V.G. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury: 684–686. (In Russ.)
- Belinsky, V. G. (1948) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami Nikolaya Gogolya [Selected passages from the correspondence with friends of Nikolai Gogol]. *Belinsky, V. G. Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 3 vol. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury: 687–706. (In Russ.)
- Chernykh, A. A. (2025) *Antropologicheskiy printsip v russkoy filosofii* [Anthropological principle in Russian philosophy]. St Petersburg: SPbGEU: 247. (In Russ.)
- Dostoevsky, F. M. (1983) Dnevnik pisatelya za 1877 g. Yanvar' [Writer's diary for 1877. January]. *Dostoevsky, F.M. Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. In 30 vol. Vol. 25. Leningrad: Nauka: 5–36. (In Russ.)
- Galaktionov, A. A., Nikandrov, P. F. (1970) *Russkaya filosofiya XI–XIX vekov* [Russian philosophy from the eleventh to the nineteenth centuries]. Leningrad: Nauka: 652. (In Russ.)
- Gogol, N. V. (1990) *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [Selected passages from the correspondence with friends]. Moscow: Sovetskaya Rossiya: 432. (In Russ.)
- Letopis' russkoy filosofii, 862–2002* [Chronicle of Russian philosophy, 862–2002]. Editor-compilator Aleksandr Zamaleev (2003). St. Petersburg: Letniy sad: 352. (In Russ.)
- Lifshits, M. A. (1986) Dzhambattista Viko [Giambattista Vico]. *Lifshits, M. A. Sobranie sochineniy*. In 3 vol. Vol. 2. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo: 4–56. (In Russ.)
- Lifshits, M. A. (2013) *Problema Dostoevskogo (Razgovor s chertom)* [The problem of Dostoevsky (Conversation with the devil)]. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Kul'tura: 267. (In Russ.)
- Nikonenko, V. S. (2014) *Trudy po russkoy filosofii i literature* [Works on Russian philosophy and literature]. St Petersburg: Izd-vo RKHGA: 534. (In Russ.)
- Zamaleev, A. F. (2010) *Samosoznanie Rossii: Issledovaniya po russkoy filosofii, politologii i kulture* [Self-consciousness of Russia: Studies in Russian philosophy, political science and culture]. St Petersburg: Nauka: 552. (In Russ.)

© Черных А.А., 2025

Информация об авторе:

Андрей Александрович Черных – кандидат философских наук, ассистент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, Россия, 191023. Автор более 20 научных публикаций, в том числе 1 монографии. Сфера научных интересов: история русской философии.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 17.05.2025; принятая после рецензирования 03.07.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the author:

Andrey A. Chernykh – Cand. of Philosophy, Assistant of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboedova Canal Embankment, St. Petersburg, Russia, 191023. Author of more than 20 scientific publications, including 1 monograph. Research interests: history of Russian philosophy.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 17.05.2025; adopted after review 03.07.2025; published online 30.07.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – преподавателей вузов, исследователей, молодых ученых в области лингвистики, медиакоммуникаций и журналистики, философии.

Присланные авторами статьи проходят обязательное двойное слепое рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации материалов в ЭНЖ «Язык. Коммуникация. Общество» авторам необходимо направить через сайт журнала (или на электронный адрес журнала) оформленные по требованиям тексты научных статей. Правила оформления и образец статьи размещены на официальном сайте журнала: yako-journal.ru

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приема статей: № 1 – до 01 января, № 2 – до 1 апреля, № 3 – до 1 июня, № 4 – до 1 ноября. Сроки приема статей могут быть сокращены при досрочном достижении предельного объема номера журнала!

AUTHOR INFORMATION

Electronic scientific journal «Language. Communication. Society» of St. Petersburg State University of Economics invites authors of scientific works – university professors, researchers, young scientists in the field of linguistics, media communications and journalism, philosophy.

Articles submitted by authors are subject to mandatory double-blind review. Materials of postgraduate students are accepted if they are recommended by their supervisor.

To publish materials in ESJ «Language. Communication. Society» authors must submit their scientific articles, formatted in accordance with the requirements, through the journal's website (or to the journal's email address). The rules of design and a sample article are available on the official website journal: yako-journal.ru

The Editorial Board reserves the right not to consider manuscripts that are not in accordance with these requirements.

The journal is published 4 times a year. Deadlines for acceptance of articles: No. 1 – till 01 January, No. 2 – till 1 April, No. 3 – till 1 June, No. 4 – till 1 November. The deadlines for acceptance of articles can be reduced in case of early achievement of the limit volume of the journal issue!

Контактная информация:

191023, г. Санкт-Петербург,
Москательный пер., д. 4, каб. 302
e-mail: info@yako-journal.ru
yako-journal.ru

Contact information:

Moskatelyn lane, 4, office 302,
St. Petersburg, 191023, Russia
e-mail: info@yako-journal.ru
yako-journal.ru

